

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

**Журнал основан в 2004 г.
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (74) 2023

FORENSIC EXAMINATION

**The journal is founded in 2004
Published 4 times a year**

Волгоград – 2023

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза /
Forensic examination. –
Волгоград :
ВА МВД России, 2023. –
№ 2 (74). – 120 с.

**Учредитель
и издатель –
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2004 г. Выходит 4 раза
в год тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ручкин Виталий Анатольевич, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Наталья Николаевна Шведова, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

1. Аминев Фарит Гизарович, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.
2. Аубакирова Анна Александровна, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, доктор юридических наук, профессор.
3. Бардаченко Алексей Николаевич, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
4. Бобовкин Михаил Викторович, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.
5. Бочарова Ольга Станиславовна, доцент кафедры правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске Республики Беларусь, кандидат юридических наук.
6. Вехов Виталий Борисович, профессор кафедры безопасности в цифровом мире Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор.
7. Галяшина Елена Игоревна, и. о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.
8. Досова Анна Владимировна, начальник кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
9. Дронова Ольга Борисовна, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.
10. Зайцева Елена Александровна, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-77511
от 31 декабря 2019 г.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» – **46462**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/sudek/

Редактор
У. В. Наумова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

Подписано в печать:
13.06.2023

Дата выхода в свет:
27.06.2023

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 15,0.
Усл. печ. л. 14,0.
Тираж 500 (1 – 300).
Заказ № 25

Цена по подписке
на 2023 г. по каталогу
«Пресса России»
1408,00 руб. (2 номера)

Отпечатано
в ОПИОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Коммунистическая,
д. 36

© Волгоградская
академия
МВД России, 2023

11. Зинин Александр Михайлович, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

12. Китаев Евгений Владимирович, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

13. Кокин Андрей Васильевич, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

14. Колотушкин Сергей Михайлович, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

15. Котельникова Дина Валериевна, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь).

16. Кошманов Петр Михайлович, начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

17. Курин Алексей Александрович, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.

18. Латышов Игорь Владимирович, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

19. Майлис Надежда Павловна, профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

20. Моисеева Татьяна Федоровна, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

21. Прокофьева Елена Васильевна, доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат физико-математических наук.

22. Россинская Елена Рафаиловна, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

23. Рубис Александр Сергеевич, профессор кафедры криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

24. Сейтенов Калиолла Кабаевич, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

25. Симонова Светлана Валентиновна, начальник кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

26. Соколова Ольга Александровна, профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА / No 2 (74) FORENSIC EXAMINATION 2023

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза /
Forensic examination. –
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2023. –
No 2 (74). – 120 p.

**Founder
and publisher –
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

The journal is founded
in 2004
Published 4 times a year
with the circulation
of 500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific editions
where main research
and results of PhD
doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system of the
Russian science citation
index. Full-text versions
of articles and biblio-
graphic lists are placed
on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI No FS77-77511
of December 31, 2019

EDITOR-IN-CHIEF

Ruchkin Vitalii Anatolevich, professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Natalia Nikolaevna Shvedova, professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

The editorial council

1. Aminev Farit Gizarovich, professor, department of forensics, Law institute of Ufa University of Science and Technology, doctor of juridical sciences, professor.

2. Aubakirova Anna Aleksandrovna, head of the department of professional psychological training and management of internal affairs bodies, Esbulatov Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, professor.

3. Bardachenko Aleksei Nikolaevich, head of the department of traceology and ballistics, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

4. Bobovkin Mikhail Viktorovich, professor, department of document examination, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

5. Bocharova Olga Stanislavovna, associate professor, department of legal studies, branch of Russian State Social University in Minsk, the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences.

6. Vekhov Vitalii Borisovich, professor, department of security in the digital world, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), doctor of juridical sciences, professor.

7. Galiashina Elena Igorevna, acting head, department of criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

8. Dosova Anna Vladimirovna, head of the department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences.

9. Dronova Olga Borisovna, professor, department of criminalistic technique, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

10. Zaitseva Elena Aleksandrovna, professor, department of criminal procedure, training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **46462**

Website of the journal:
www.va-mvd.ru/sudek/

Editor
U. V. Naumova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd
region, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130

Signed to print:
13.06.2023

Date of publication:
27.06.2023

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 15,0.
Conventional
print sheets 14,0.
500 (1 – 300) copies.
Order No 25

Subscription price
for the 2023
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1408,00 RUB.
(2 numbers)

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd
region, Volgograd,
Kommunisticheskaya
street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2023

11. Zinin Aleksandr Mikhailovich, professor, department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

12. Kitaev Evgenii Vladimirovich, associate professor, department of traceology and ballistics, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

13. Kokin Andrei Vasilevich, professor, department of weapon studies and traceology, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

14. Kolotushkin Sergei Mikhailovich, professor, department of forensic examination and forensics, Russian State University of Justice, doctor of juridical sciences, professor.

15. Kotelnikova Dina Valerievna, associate professor, department of expert-criminalistic activity fundamentals, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences (executive secretary).

16. Koshmanov Petr Mikhailovich, head of the training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, associate professor.

17. Kurin Aleksei Aleksandrovich, associate professor, department of criminalistics, training and scientific complex for preliminary inquiry in internal affairs bodies, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of technical sciences, associate professor.

18. Latyшов Igor Vladimirovich, professor, department of forensic examination and research, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

19. Mailis Nadezhda Pavlovna, professor, department of weapon studies and traceology, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor.

20. Moiseeva Tatiana Fedorovna, head of the department of forensic examination and forensics, Russian State University of Justice, doctor of juridical sciences, professor.

21. Prokofeva Elena Vasilevna, associate professor, department of criminalistic technique, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of physico-mathematical sciences.

22. Rossinskaia Elena Rafailovna, head of the department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), doctor of juridical sciences, professor.

23. Rubis Aleksandr Sergeevich, professor, department of forensics, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, doctor of juridical sciences, professor.

24. Seitenov Kaliolla Kabaevich, first vice-rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, professor.

25. Simonova Svetlana Valentinovna, head of the department of document examination, training and scientific complex of expert-criminalistic activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences.

26. Sokolova Olga Aleksandrovna, professor, department of expert-criminalistic activity, training and scientific complex of forensic examination, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, associate professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бобовкин М. В., Марочкина В. В.
Основы валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы

Курин А. А.
Направления совершенствования учения о криминалистической регистрации в современных условиях

Хрусталеv В. Н.
Обширные возможности криминалистической одорологии в настоящее время могут быть использованы лишь в малой степени: как исправить ситуацию?

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Кокин А. В.
Следы на элементах патронов и отождествление патронно-сборочных инструментов и приспособлений, используемых при релоадинге (сообщение II)

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ

Шведова Н. Н.
О научной обоснованности и достоверности экспертных выводов по результатам исследования изображений реквизитов документов

CONTENTS

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

8 *Bobovkin M. V., Marochkina V. V.*
Bases of validation of methodological support for forensic handmark expertise

18 *Kurin A. A.*
Trends for improvement the doctrine of forensic database under current conditions

30 *Khrystalev V. N.*
The vast possibilities of forensic odorology can currently be used only to a small extent: how to fix the situation?

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

41 *Kokin A. V.*
Marks on cartridge elements and identification of cartridge assembly tools and devices used in reloading (message II)

SCIENTIFIC DISCUSSION AND EXPERIENCE EXCHANGE

64 *Shvedova N. N.*
On the scientific validity and credibility of expert conclusions based on the results of examination of images of document details

<i>Панасюгина Л. Е., Полякова А. В.</i> Видовая идентификация крабов: проблемы и пути решения	73	<i>Panasyugina L. E., Polyakova A. V.</i> Species identification of crabs: problems and solutions
<i>Винников А. В.</i> О специальных знаниях в оценке понимаемости судебного перевода: лингвистика и меметика	83	<i>Vinnikov A. V.</i> On special knowledge in assessing the understandability of judicial translation: linguistics and memetics
<i>Бобовкин А. М.</i> О современном состоянии и тенденциях развития судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава	103	<i>Bobovkin A. M.</i> About the current status and trends in the development of the forensic handmark examination of manuscripts in a foreign language graphic composition

УДК 343.982.4
doi: 10.25724/VAMVD.A102

ОСНОВЫ ВАЛИДАЦИИ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Михаил Викторович Бобовкин*, Валерия Валерьевна Марочкина**

*Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

**Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
mbobovkin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические, правовые, технологические, организационные положения валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы.

Высказывается мнение, что на современном этапе оценка эффективности методов и методик исследования письма и почерка осуществляется с большой долей субъективизма, исходя из анализа экспертной практики. В связи с этим большое значение имеет разработка основ валидации – механизма предоставления объективных доказательств о соответствии методических средств целевому использованию в судебно-экспертной деятельности.

Особое внимание уделяется понятию, предмету, задачам, объектам, субъектам, технологии, назначению, организации производства валидации методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы. Определяются ее значение и векторы использования в правоохранительной деятельности.

Делается вывод, что валидация методического потенциала судебно-почерковедческой экспертизы является приоритетным направлением развития судебного почерковедения.

Ключевые слова: валидация методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, установление фактов соответствия заявленным показателям и пригодности использования в судебно-экспертной деятельности, технология и применение результатов валидации

Для цитирования: Бобовкин М. В., Марочкина В. В. Основы валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 8–17. doi: 10.25724/VAMVD.A102

**BASES OF VALIDATION OF METHODOLOGICAL SUPPORT
FOR FORENSIC HANDMARK EXPERTISE**

Mikhail Victorovich Bobovkin**, *Valeria Valeryevna Marochkina**

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

** Russian State University of Justice, Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main provisions of the validation of the methodological support of forensic handwriting examination, covering issues of a theoretical, legal, technological and organizational nature.

An opinion is expressed that at the present stage the evaluation of the effectiveness of methods and techniques for studying writing and handwriting is carried out subjectively – on the basis of expert experience. In this regard, the development of validation bases is of great importance – a mechanism for providing objective evidence of the compliance of methodological tools with their intended use in forensic activities.

The main attention is paid to the concept, subject, tasks, objects, subjects, technology, purpose, organization of the production of validation of methods and techniques of forensic handwriting examination. Its significance and directions of use in law enforcement are determined.

It is concluded that the validation of the methodological potential of forensic handwriting expertise is a priority for the development of forensic handwriting.

Keywords: validation of the methodological support of forensic handwriting examination, establishing the facts of compliance with the declared indicators and suitability for use in forensic activities, technology and use of validation results

For citation: Bobovkin M. V., Marochkina V. V. Bases of validation of methodological support for forensic handmark expertise. Forensic Examination, 8–17, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A102

Осуществление правоохранительной деятельности в Российской Федерации часто связано с назначением и производством судебно-почерковедческой экспертизы, которая относится к числу наиболее распространенных и сложных криминалистических исследований [1].

Методический потенциал судебного почерковедения имеет высокий уровень развития. Он разрабатывался в основном в 70–80 гг. XX в. и с этого времени постоянно совершенствуется и используется в судебно-экспертной деятельности.

Вместе с тем не все методики решения задач судебно-почерковедческой экспертизы соответствуют основным принципам производства судебной экспертизы: объективности, всесторонности, полноты исследований с использованием современных достижений науки и техники. По данным социологического опроса (анкетирования и интервьюирования) экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений России, методическое обеспечение судебно-почерковедческой экспертизы по отдельным видам разработок не отвечает критерию эффективности – достоверности и точности полученных результатов, что отрицательно влияет на сферу безопасности и правопорядка.

На эффективность методического потенциала судебного почерковедения отрицательно воздействуют две группы факторов: внутренние и внешние [2].

Внутренние факторы образуют пробелы теоретического, экспериментального, процедурного характера, имеющиеся в типовых методических разработках; недочеты совершенствования методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы в связи с изменением свойств объектов – оригиналов и изображений рукописей, вызванным процессами глобализации и цифровизации общественной жизни.

Внешние факторы составляют недостатки правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, назначения, организации производства и использования результатов судебно-почерковедческих экспертиз и исследований, подготовки и повышения квалификации экспертов и специалистов-почерковедов.

Указанные факторы проявляются в судебном почерковедении отсутствием единого подхода к оценке и использованию методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы. При этом наблюдаются ведомственное разобщение и обособленность специальной терминологии, процедуры и оформления результатов идентификационного и диагностического исследования письма и почерка.

Низкое качество и дефицит национальных стандартов в области судебно-почерковедческой экспертизы дополняются отсутствием научно разработанных средств проверки эффективности ее методического потенциала, что негативно влияет на правосудие России.

Оценку методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы осуществляют с использованием понятия «валидация». В соответствии с международным стандартом ГОСТ ISO/IEC 17025–2019 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» проверке на пригодность подлежат: нестандартные, вновь разработанные методы, а также стандартные методы, находящиеся за пределами области их применения или каким-либо образом модифицированные. На территории Российской Федерации в настоящее время только ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» декларирует практику валидации судебно-экспертных методик внутри своего ведомства [2].

Официальные запросы в государственные судебно-экспертные учреждения (Экспертно-криминалистический центр МВД России, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России, Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации) о практике и технологии валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы показали, что данной процедуре не уделяется надлежащее внимание. Она или не проводится, или осуществляется формально.

Таким образом, валидация методического потенциала судебного почерковедения находится в Российской Федерации на первоначальном уровне развития [3; 4]. В этой ситуации оценку эффективности методов и методик исследования письма и почерка осуществляют только эмпирически, на основе экспертного опыта. Данный подход имеет субъективный характер и не учитывает объективные, более убедительные, доказательства соответствия методических средств целевому использованию в судебно-экспертной деятельности. Указанные обстоятельства снижают уровень доверия к фактам, установленным в результате судебно-почерковедческой экспертизы.

Развитие валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы является одной из фундаментальных задач судебного почерковедения и судебной экспертологии. Ее решение основывается на тенденциях комплексного подхода, в составе которого выделяют следующие приоритетные направления: правовое, теоретическое, технологическое, организационное.

Правовое регулирование валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы базируется на законодательстве Российской Федерации о судебно-экспертной деятельности, где отсутствуют нормы оценки допустимости методических разработок. В связи с этим целесообразно сформулировать ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» следующим образом: «Методы и методики экспертных исследований допускаются к использованию в правоохранительной деятельности, если прошли валидацию и сертификацию методического обеспечения судебной экспертизы, являются научно обоснованными, эффективными и безопасными».

Сущность валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы может быть выявлена через формулировки понятия, предмета, задач, форм, объектов, субъектов.

Валидация методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы – это система действий органов и лиц по испытанию методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы с целью установления их соответствия заявленным показателям и (или) оценке пригодности использования в судебно-экспертной деятельности.

Предмет валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы образует установление фактов соответствия заявленным показателям и пригодности использования в судебно-экспертной деятельности методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы.

Установление соответствия методических разработок судебного почерковедения показателям, заявленным их разработчиками официально в печатной форме, включает анализ и оценку их методического статуса (методика, метод, иное), теоретического и математического обоснования, экспериментальной базы, результатов апробации, условий применения; системы и параметров информативных признаков, правил принятия решений и формирования выводов эксперта.

Пригодность использования методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы в судебно-экспертной деятельности устанавливаются главным образом с точки зрения их эффективности – достоверности и точности полученных результатов. Не исключается оценка методических разработок на предмет сложности их употребления на практике и разрушающего влияния на объекты исследования, что характерно для отдельных инструментальных методов. Показатели безопасности и экономичности в настоящее время являются неактуальными.

Задача валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы заключается в решении вопросов, поставленных перед компетентными субъектами органом или лицом, назначившим валидацию, с использованием специальных технологий, методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы.

Валидация методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы характеризуется многообразием задач, разграничение которых осуществляется по целям и условиям. Цели валидации позволяют выделить основные задачи по установлению соответствия методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы заявленным показателям, оценке пригодности их использования в судебно-экспертной деятельности. Условия валидации конкретизируют основные задачи с учетом степени общности и однородности методических разработок.

По степени общности различают задачи валидации, связанные с испытанием общих, частных, конкретных методик судебно-почерковедческой идентификационной и диагностической экспертизы, устанавливающих процедуру и содержание решения задач с делением на уровне класса, подкласса, вида, подвида, группы и подгруппы исследования. В зависимости от однородности методов задачи валидации соотносятся с испытанием традиционных (качественно-описательных), количественных, комплексных методик судебно-почерковедческой экспертизы.

Формы валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы составляет процессуальная и непроцессуальная деятельность органов и лиц по установлению соответствия заявленным показателям и оценке пригодности использования в судебно-экспертной деятельности методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы.

Виды валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы определяются порядком назначения, составом участников и организацией процедуры испытания. По порядку назначения различают первичную, дополнительную, повторную валидацию; по составу участников – комиссионную, комплексную; по организации процедуры испытания – ведомственную, межведомственную, частную.

Объекты валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы рассматриваются в широком и узком смысле. В широком смысле это материалы, составляющие теоретическую и экспериментальную основу разработки метода или методики судебно-почерковедческой экспертизы, официальные редакционно-издательские данные. В узком смысле объектами валидации являются типовые, модифицированные, вновь созданные (инновационные) и другие методические разработки судебного почерковедения, в отношении которых назначена и проводится процедура испытания.

Субъекты валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы – это органы и лица, осуществляющие назначение, организацию, производство валидации методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы по установлению их соответствия заявленным показателям и оценке пригодности использования в судебно-экспертной деятельности.

Субъектами назначения – инициаторами валидации в процессуальной форме выступают органы и лица (суд, судья, следователь, дознаватель), осуществляющие на основе законодательства Российской Федерации подготовку материалов и назначение испытания методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы на предмет их соответствия заявленным показателям и оценки пригодности использования в судебно-экспертной деятельности. В непроцессуальной форме субъекты назначения валидации – любые органы и лица, по инициативе которых осуществляется испытание методических разработок в области судебного почерковедения с целью установления их соответствия заявленным показателям и оценки пригодности в судебно-экспертной деятельности.

К субъектам организации валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы относятся органы и лица (судебно-экспертные учреждения, их руководители, заместители руководителей, начальники структурных подразделений), реализующие на основе законодательства Российской Федерации свои полномочия по организации и обеспечению валидации методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы; другие органы и лица, организующие в административном и частном порядке валидацию методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы.

Субъектами валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы выступают компетентные лица, обладающие специальными знаниями в области судебного почерковедения, устанавливающие на основе испытания и представления объективных доказательств соответствие заявленным показателям и пригодность использования в судебно-экспертной деятельности методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы.

Положительные результаты валидации служат основанием и условием сертификации и стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы.

Ведомственная валидация методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы осуществляется в судебно-экспертных учреждениях федеральных органов исполнительной власти, Следственного комитета Российской Федерации, является основанием и условием сертификации – подтверждения пригодности методических разработок к целевому использованию в судебно-экспертной деятельности на уровне ведомства.

Межведомственная валидация методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы служит основанием и условием стандартизации – подтверждения пригодности методических разработок к целевому использованию на уровне деятельности судебно-экспертного сообщества Российской Федерации.

Валидацию методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы осуществляют на основе специальных технологий.

Технология валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы – это система методов, приемов и технических средств, определяющая процедуру и содержание решения задач валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы.

Содержание технологии валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы образует процесс решения ее задач, который включает три уровня испытания.

Первый, предварительный, уровень связан с подготовкой и гипотетическим решением задач валидации. Формируется общее представление о специфике испытания. Осуществляются подготовка и первоначальная реализация опытных действий. Оценивается проблемная ситуация. Выдвигаются гипотезы о соответствии метода или методики судебно-почерковедческой экспертизы заявленным показателям, пригодности использования в судебно-экспертной деятельности. Планируется дальнейший ход валидации.

Второй, основной, уровень валидации характеризуется углублением в изучение предварительных сведений и детальным, окончательным, решением задач испытания на соответствие метода или методики судебно-почерковедческой

экспертизы заявленным показателям, пригодности использования в судебно-экспертной деятельности. Проводится оценка всех установленных результатов, формируются итоговые выводы валидации.

На третьем, заключительном, уровне осуществляют оформление (документирование) результатов валидации в процессуальной или непроцессуальной форме. Составляется заключение специалиста, отчет или акт валидации. Осуществляется подготовка иллюстрационного материала.

Технологии валидации методического потенциала судебного почерковедения зависят от цели, вида, объекта испытания.

В зависимости от цели выделяют технологии валидации методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы по установлению их соответствия заявленным показателям и (или) оценке пригодности использования в судебно-экспертной деятельности. По виду испытания различают комиссионную и комплексную технологии валидации. По объектам испытания применяют технологии валидации методических разработок, связанных с решением экспертных задач определенного класса, подкласса, вида, подвида, группы и подгруппы исследования.

На современном этапе большое научно-практическое значение имеет технология валидации методов и методик судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы, специфика которой заключается в реализации процедуры из трех уровней действий.

Первый уровень: 1) ознакомление с поступившими материалами и уяснение задания валидации; 2) предварительный анализ метода или методики, подлежащей валидации; 3) подготовка испытания и предварительный валидационный эксперимент; 4) оценка результатов предварительного испытания, формирование гипотез о соответствии методической разработки заявленным показателям, требованиям пригодности использования в судебно-экспертной деятельности; 5) планирование дальнейшего процесса валидации.

Второй уровень: 1) детальный анализ метода или методики, подлежащей валидации; 2) детальный валидационный эксперимент; 3) оценка результатов детального испытания, формирование итоговых выводов о соответствии методической разработки заявленным показателям, требованиям пригодности использования в судебно-экспертной деятельности.

Третий уровень: 1) составление документа (заключения, отчета, акта) о результатах валидации методической разработки; 2) создание визуально-иллюстративных материалов (таблиц, графиков, диаграмм и т. д.) к документу о результатах валидации.

Технология валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой диагностической экспертизы имеет особенности по содержанию ранее указанных уровней и этапов. Их прохождение осуществляется с учетом специфики испытуемой методической разработки – ее цели и условий применения, алгоритма решения диагностической задачи на уровне ее категории (собственная, классификационная, ситуационная и др.), компонентного состава исследования в виде наличия или отсутствия сравнительных образцов письма.

Назначение валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы проводят в процессуальной и непроцессуальной форме.

Процессуальная форма представлена действием уполномоченных субъектов (следователя, дознавателя, суда) в результате оценки достоверности заключения эксперта, когда имеется обоснованное сомнение в эффективности методических средств, использованных в процессе судебно-почерковедческой экспертизы. Включает подготовительную, основную, заключительную части. Подготовительная часть охватывает: принятие решения о назначении валидации; определение задания, субъектов организации и производства валидации; подготовку материалов валидации. В основной части реализуются анализ и оценка достаточности материалов валидации. Заключительная часть – составление постановления (определения) о назначении валидации и направление ее материалов для производства испытания.

В непроцессуальной форме валидацию методов и методик судебно-почерковедческой экспертизы назначают заинтересованные субъекты в административном порядке или по частной инициативе.

Организацию производства валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы осуществляет руководство судебно-экспертного учреждения или непосредственно исполнители.

Деятельность руководства судебно-экспертного учреждения по организации производства валидации включает: информационное и лабораторно-техническое обеспечение процедуры испытания метода или методики судебно-почерковедческой экспертизы; взаимодействие субъектов валидации; контроль за соблюдением сроков и технологии валидации; доставку отчетных документов инициатору валидации.

Результаты валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы фиксируют в специальных документах: заключении специалиста, отчете валидации, акте валидации и др. В процессуальной форме они подлежат оценке уполномоченными органами и лицами, как документы, позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение по делу – при производстве судебно-почерковедческой экспертизы.

Оценка относимости и допустимости не имеет специфики и реализуется традиционно. Анализ достоверности – научной обоснованности валидации осуществляют по критериям объективности, полноты, всесторонности испытания. Данный процесс вызывает определенные затруднения, поскольку субъекты оценки (суд, следователь, дознаватель и др.) не обладают специальными знаниями в области судебного почерковедения. В связи с этим целесообразно воспользоваться консультативной помощью специалиста в соответствии с законодательством России.

Если оценку валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы осуществляет в непроцессуальной форме компетентное лицо в области судебного почерковедения (руководитель или начальник отдела судебно-экспертного учреждения, профессорско-преподавательский состав профильных вузов), консультативная помощь специалиста не требуется.

С учетом недостатков, установленных в результате оценки валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, может быть назначена дополнительная или повторная валидация в процессуальной или непроцессуальной форме. Кроме того, субъектов валидации могут вызвать на допрос, собеседование (административное, частное) для разъяснения и корректировки положений испытания.

Обстоятельства, установленные в процессе валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, имеют консультационное, информационное, профилактическое, научно-исследовательское значение. Их используют в судопроизводстве, оперативно-разыскной, судебно-экспертной, иной правоохранительной деятельности в связи с оценкой достоверности экспертных заключений, назначением судебно-почерковедческой экспертизы, совершенствованием методического потенциала судебного почерковедения.

Полагаем, что на современном этапе валидация методического потенциала судебно-почерковедческой экспертизы является приоритетным направлением развития судебного почерковедения. Основные положения этой процедуры выступают в качестве базы для создания эффективного механизма испытания методических разработок, определения допустимости их использования в судебно-экспертной деятельности.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. Москва: Норма, 2009. 479 с.
2. Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А. Судебное почерковедение: актуальные вопросы развития // Судебная экспертиза. 2021. № 4 (68). С. 32–41.
3. Бобовкин М. В., Марочкина В. В. Валидация как основа стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 35–39.
4. Основы судебной экспертизы / под ред. Ю. Г. Корухова. Ч. 1: Общая теория. Москва: РФЦСЭ при Минюсте России, 1997. 430 с.

References

1. Averianova T. V. Forensic examination. General theory course. Moscow: Norma; 2009: 479. (In Russ.).
2. Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Solovieva N. A. Forensic handwriting: topical issues of development. Judicial examination, 32–41, 2021. (In Russ.).
3. Bobovkin M. V., Marochkina V. V. Validation as a basis for standartization of methodological support for forensic handwriting expertise. Economic security bulletin, 35–39, 2022. (In Russ.).
4. Fundamentals of forensic science. Ed. by Yu. G. Korukhov. Part 1: General theory. Moscow: Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; 1997: 430. (In Russ.).

Бобовкин Михаил Викторович,

профессор кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор;
mbobovkin@yandex.ru

Марочкина Валерия Валерьевна,

негосударственный судебный эксперт, аспирант
Российского государственного университета правосудия;
mbobovkin@yandex.ru

Bobovkin Mikhail Victorovich,

professor of the department of document research
of the educational and scientific complex
of forensic examination of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
mbobovkin@yandex.ru

Marochkina Valeria Valeryevna,

non-state forensic expert, postgraduate student
of the Russian State University of Justice;
mbobovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования
20.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted
for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.982.33
doi: 10.25724/VAMVD.A103

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УЧЕНИЯ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Алексей Александрович Курин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, AAKurin@mail.ru

Аннотация. Эффективность деятельности правоохранительных органов является предметом постоянного внимания общественности, а ее показателями – общественная безопасность граждан, возможность реализации их прав и свобод, уровень раскрываемости преступлений. Одним из стратегических ресурсов функционирования современного социума выступает криминалистически значимая информация. Система криминалистической регистрации относится к основным информационным ресурсам, используемым в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Для определения направлений повышения эффективности системы криминалистической регистрации проведен анализ актуального состояния результативности применения учетов системы криминалистической регистрации. В ходе исследования выявлена совокупность методологических проблем, с учетом которых определены ключевые тенденции развития криминалистической регистрации как учения и как направления практической работы.

Деятельность правоохранительных органов во многом зависит от полноты, достоверности, своевременности предоставления информации ее субъектам, качество которой, в свою очередь, – от способов обработки исходных учетно-регистрационных данных с целью приобретения нового знания о событии преступления. Аналитическая обработка документальных и фактографических данных направлена на получение ориентирующей и розыскной информации, необходимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступления. Аналитический информационный продукт занимает особое место в системе информационно-справочного обеспечения, поскольку его получение сопряжено с обработкой исходных данных. Реализация различных методов аналитической обработки данных совокупных проверок объектов и следов по учетам способствует установлению недостающих сведений о событии преступления.

Повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений требует решения организационных, методических, тактических и технико-криминалистических задач, связанных с обработкой криминалистически значимой информации о событиях преступлений. Сквозная аналитическая обработка данных представлена работой метапоисковой системы.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация, телекоммуникационные системы, криминалистически значимая информация, пространственно-временные связи, криминалистический анализ

© Курин А. А., 2023

Для цитирования: Курин А. А. Направления совершенствования учения о криминалистической регистрации в современных условиях // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 18–29. doi: 10.25724/VAMVD.A103

TRENDS FOR IMPROVEMENT THE DOCTRINE OF FORENSIC DATABASE UNDER CURRENT CONDITIONS

Alexey Alexandrovich Kurin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, AAKurin@mail.ru

Abstract. The effectiveness of the activity of law enforcement agencies is the subject of constant public attention, and its indicator is the public safety of citizens, the ability to exercise their rights and freedoms, the level of detection of crimes. One of the strategic resources of the life of modern society is forensically significant information. The forensic registration system is one of the main information resources used in crime detection, investigation and prevention. To identify directions of increase of efficiency of the current system, an analysis of the current state of the effectiveness of using the accounts of the forensic registration system was carried out. In the course of the study, a set of methodological problems was identified, taking into account which the key directions for the development of forensic registration as a doctrine and as areas of practical activity were determined.

The activities of law enforcement agencies largely depend on the completeness, reliability and quality of information, the timeliness of its provision to law enforcement entities. The quality of information depends on the methods of processing the initial registration data in order to obtain new knowledge about the crime event. Analytical processing of documentary and factographic data on the crime event is aimed at obtaining orientation and search information necessary for the disclosure, investigation and prevention of crimes. The analytical information product has a special place in the information and reference support system, since its receipt is associated with the processing of source data. The implementation of various methods of analytical processing of data of cumulative checks of objects and traces by accounts helps to establish the missing information about the crime event.

Improving the efficiency of solving and investigating crimes requires solving organizational, methodological, tactical and technical-forensic tasks related to the processing of criminally significant information about crime events. End-to-end analytical processing is represented by the operation of the metasearch system.

Keywords: forensic registration, telecommunication systems, criminologically significant information, spatial-temporal connections, forensic analysis

For citation: Kurin A. A. Trends for improvement the doctrine of forensic database under current conditions. Forensic Examination, 18–29, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A103

Процессы глобализации затронули практически все сферы деятельности современного социума и привели к формированию информационного общества с единой информационной инфраструктурой. Информация стала ключевым ресурсом, обладающим стратегическим значением. Информационно-телекоммуникационные технологии – один из наиболее важных факторов, влияющих на общественные

отношения в XXI в., образ жизни общества и его экономическое развитие¹. Интеграция информационных систем и технологий стран в «глобальное информационное общество» затрагивает вопросы национальной безопасности общества и государства.

Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов проявляется в обеспечении защищенности общества от внешних и внутренних угроз за счет реализации политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер².

Преступность относится к самым угрожающим и дестабилизирующим факторам развития общества. Данный тезис подтверждается официальными статистическими данными о состоянии преступности и уровне раскрываемости преступлений, свидетельствующими о том, что порядка 40 % из них остаются нераскрытыми (см. рисунок).

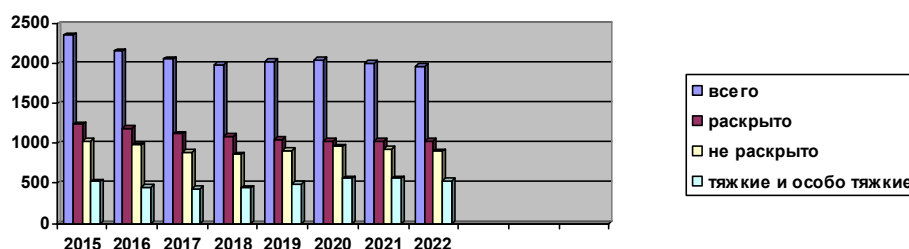

Рис. Состояние преступности за 2015–2022 гг.

С 2015 по 2021 г. отмечалась тенденция увеличения доли тяжких и особо тяжких преступлений с 22,1 до 29,7 % соответственно. В 2022 г. этот показатель незначительно снизился до 27,3 %. Уровень раскрываемости преступлений составил 45,9 %, что превысило показатели периода 2015–2019 гг. Несмотря на снижение общего количества преступлений (на 1,87 % по сравнению с 2021 г.³), имеет место совокупность проблемных аспектов, связанных с подготовкой личного состава в части знания и понимания возможностей системы криминалистической регистрации. Генеральным прокурором Российской Федерации многократно отмечалось: «К сожалению, вновь приходится констатировать, что позитивных перемен в работе органов расследования не произошло»⁴.

¹ Окинавская хартия Глобального информационного общества: принята 22 июля 2000 г. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 12.05.2023).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из информ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/report/item/> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=83165043> (дата обращения: 14.04.2023).

На общем фоне сократилось на 1,1 % количество раскрытых преступлений прошлых лет. Более половины (60,4 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Таким образом, кардинальных изменений в деятельности органов внутренних дел не происходит, и модернизация системы информационно-справочного обеспечения не приносит должного результата.

Безусловно, такое положение дел зависит от целой совокупности причин и факторов. Однако ключевую роль среди них играет дефицит или полное отсутствие криминалистически значимой информации, необходимой для установления лица, которому может быть предъявлено обвинение. Основной причиной, по которой 98 % преступлений остаются нераскрытыми, является отсутствие сведений о лице, подлежащем привлечению в качестве обвиняемого. Условия неочевидности и негативные обстоятельства сокращают шансы на установление участников преступной деятельности, их роли в совершении преступлений.

Дело в том, что получаемый в ходе доследственной проверки и предварительного следствия объем криминалистически значимой информации не находит должного отражения в учетно-регистрационных системах и не реализуется надлежащим образом в рамках предварительного расследования. Доля результативной информации, взятой из учетов системы криминалистической регистрации и сработавшей на установление лица, составляет порядка 30 % от общего объема запросов. В то же время реальную возможность использования информационных ресурсов интегрированных банков данных регионального и федерального уровня имеют оперативные подразделения МВД России (ГУУР, ГУЭБиПК, ГУНК). Количество лиц, установленных сотрудниками органов предварительного следствия (дознания), находится в пределах статистической погрешности, т. е. порядка 1,5 %¹.

Таким образом, органы предварительного следствия лишены всякой возможности реализовывать механизмы информационного взаимодействия и эффективного их использования. Применение информации из экспертно-криминалистических учетов вовсе не ориентировано на решение поставленной задачи в силу отсутствия сведений о лице и предмете, оставивших следы и объекты, обнаруженные на местах совершения преступлений. Так, по данным ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области, с 2017 по 2021 г. данный показатель составил от 1,56 до 3,1 % ответов о возможной причастности конкретного лица к совершению преступления.

Представленные ранее сведения свидетельствуют о том, что деятельность по раскрытию и расследованию преступлений не отличается высокими показателями. По данным ГИАЦ МВД России, доля раскрытых преступлений с использованием информационных систем и технологий не превышает 30–35 %. Этот показатель обеспечивается главным образом оперативными подразделениями при взаимодействии с экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации. Учитывая то, что подавляющая доля

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2015–2022 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item> (дата обращения: 20.02.2023).

информационных потоков приходится на систему криминалистической регистрации [1], мы сталкиваемся с серьезной системной проблемой качества информационного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Для обеспечения роста эффективности функционирования системы криминалистической регистрации требуется тщательное проведение системно-структурного анализа. Создание единой телекоммуникационной системы криминалистической регистрации представляет концептуальную задачу, решение которой нацелено на повышение эффективности работы системы информационного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Эффективность деятельности правоохранительных органов во многом определяется качеством работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, что сопряжено с активной поисково-познавательной и информационно-аналитической деятельностью. Курс на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов реализуется в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. за счет достижений в различных областях науки и техники, включая область информационно-телекоммуникационных систем и технологий. Вышеуказанная стратегия предусматривает ряд принципов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме, а именно обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях, а также государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере. Следовательно, решение вопросов эффективности деятельности правоохранительных органов лежит в плоскости общественных отношений, связанных с получением, накоплением, обработкой и использованием информации о гражданах и организациях в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Реализованная в 2014 г. Концепция создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации способствовала созданию информационной платформы органов внутренних дел Российской Федерации, информационной системы обработки данных (ИСОД МВД России)¹. Проведенные преобразования позволили перевести систему информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел на новый уровень и обеспечить подключение порядка 680 тыс. пользователей к единому информационному ресурсу².

Наиболее востребованным и практически важным в раскрытии и расследовании преступлений сегментом системы информационного обеспечения являются учеты системы криминалистической регистрации. Состояние системы криминалистической регистрации в настоящее время невозможно оценить однозначно. Для получения объективной картины в этом сегменте информационного обеспечения и формулирования проблематики исследования нами было проведено

¹ Об утверждении Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 годах: приказ МВД России от 30 марта 2012 г. № 205. Доступ из СТРАС «Юрист».

² Основные направления дальнейшего развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России на период с 2020 по 2024 год. Доступ из СТРАС «Юрист».

анкетирование 885 сотрудников, в том числе 156 научно-педагогических работников и 729 сотрудников органов предварительного следствия, дознания, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

На данный момент количество, наименование, порядок формирования, ведения и использования учетов регламентированы совокупностью подзаконных нормативных правовых актов. В части правового обеспечения учетно-регистрационной деятельности результаты анкетирования показали, что 35 % (310 опрошенных) полагают достаточной существующую нормативную правовую базу; 29,6 % (261) считают необходимой разработку подробных инструкций по работе с каждым видом учетов; 18,6 % (163) указывают на целесообразность дополнить существующую нормативную правовую базу; 16,8 % (147) признают важность разработки единого нормативного документа о криминалистической регистрации в Российской Федерации.

С точки зрения организации функциональных возможностей системы криминалистической регистрации результаты анкетирования позволили выделить наиболее значимые проблемные аспекты, сопряженные с организационными основами: отсутствие возможности получения быстрого доступа к учетно-регистрационным данным (62,6 %); необходимость модернизации системы на нормативно-правовом, организационном и технико-криминалистическом уровнях (29,5 %); целесообразность интеграции учетов для получения информации по единому запросу (25,8 %); внедрение аналитических методов обработки учетно-регистрационных данных (23,8 %) и установление связей между объектами криминалистической регистрации (20,2 %).

Ключевыми факторами, снижающими эффективность использования информационных ресурсов системы криминалистической регистрации, по мнению опрошенных, являются недостаточные знания у сотрудников возможностей учетов системы криминалистической регистрации (40,5 %), что связано со сложностью самой системы и обращением к учетам (33,1 %), большие сроки исполнения запросов (29,4 %).

В силу особенностей нормативно-правового, организационного и технико-криминалистического характера количество сотрудников органов предварительного расследования, использующих информационные ресурсы системы криминалистической регистрации на постоянной основе, составляет: по централизованным учетам – 17,2 %, по экспертно-криминалистическим учетам – 14,8 %, по оперативно-разыскным – 3,7 %. Функциональность и эффективность системы криминалистической регистрации оцениваются респондентами как удовлетворительная (29,7 %), как хорошая (50,6 %), как отличная (19,7 %).

Помимо названных, автором выявлен ряд концептуальных и системных проблем системы криминалистической регистрации: отсутствие четкой концепции развития системы криминалистической регистрации, зафиксированной в программных документах; методологический кризис системы криминалистической регистрации, который проявляется в отсутствии научных подходов к обоснованию системно-структурного построения криминалистической регистрации и методов аналитической обработки учетно-регистрационных данных для эффективного информационного обеспечения субъектов предварительного расследования.

Таким образом, для разрешения обозначенных проблем в настоящем исследовании отражены два ключевых аспекта: первый – объяснение существующих проблем и закономерностей, сдерживающих эффективную работу системы криминалистической регистрации; второй – прогнозирование и моделирование стратегического развития системы криминалистической регистрации.

Сегодня на законодательном уровне наблюдается постоянное поэтапное совершенствование в сфере криминалистической регистрации в разных ее сегментах. Общая тенденция такова, что в систему включаются новые компоненты, которые в рамках отдельной службы или подразделения дают положительный эффект, но не имеют органической связи между аналогичными сегментациями других структурных подразделений. К сожалению, подобные новшества не обеспечивают системного подхода. По мнению Ю. В. Демина, такие меры «способны дать лишь временный эффект с учетом того, какими темпами развивается преступность в информационном пространстве, особенно ее наиболее опасные организованные формы» [2].

Анализ практики применения учетов экспертно-криминалистических и информационно-аналитических подразделений выявил следующие проблемы:

- имеется потребность в качественном улучшении взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений со следственными и оперативными подразделениями в части реализации информации, хранимой в экспертно-криминалистических учетах;
- не в полной мере используется потенциал экспертно-криминалистических учетов для получения розыскной информации;
- присутствуют недостатки в проверке лиц, представляющих оперативный интерес¹.

Вышеуказанные проблемы проявляются в отрицательной динамике результативности работы по неочевидным преступлениям. Увеличилась доля уголовных дел, приостановленных производством по пп. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в числе расследованных (с 50,1 до 51,7 %) ². В результате наблюдается рост количества возбужденных уголовных дел по отказным материалам «по инициативе прокурора».

Исходя из сказанного, прослеживается наличие целой совокупности внешних и внутренних факторов, которые обусловили необходимость концептуального определения дальнейшего развития системы криминалистической регистрации. В настоящее время криминалистическая регистрация понимается как «...система научных положений и осуществляемая на их основе регламентированная законом практическая деятельность правоохранительных органов, связанная со сбором информации в специализированных банках данных и направленная на необходимое и своевременное информационное обеспечение процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [3].

¹ См.: Обзор о недостатках в организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России в первом полугодии 2022 г.

² Протокол оперативного совещания у первого заместителя МВД России генерал-полковника полиции А. В. Горового по подведению итогов служебной деятельности за 2022 год и постановке задач на 2023 год от 17 марта 2023 г. № 25. URL: <https://www.mvd.rf> (дата обращения: 25.04.2023).

С точки зрения перспективности развития системы криминалистической регистрации данное определение утратило актуальность в силу ряда объективных и субъективных причин. Среди них необходимо выделить следующие несоответствия.

Во-первых, как система научных положений, криминалистическая регистрация не удовлетворяет современным запросам в силу отсутствия методологических подходов к определению системно-структурного построения. Создание новых видов учетов до настоящего времени осуществляется исходя из следственной и судебной практики. Прогностический подход в данной сфере деятельности не использовался, в связи с чем предлагается обратиться к модельному подходу на основе конструктора учетов. Конструктор учетов системы криминалистической регистрации – это информационно-аналитический инструмент, который позволяет обоснованно подходить к формированию новых видов учетов, в том числе определять критерии включения сведений в систему криминалистической регистрации, а также необходимые и достаточные реквизиты (дату, время, место, способ совершения, орудия, средства совершения преступления и т. д.). Конструктор учетов включает информационные поля с дополнительными данными для обеспечения условий идентификации лиц, предметов и следов, давая возможность продуктивно вести учет при оптимальном объеме информационных массивов, быстро и эффективно проводить поиск и устанавливать связи с подобными событиями преступлений по их обстоятельствам.

Во-вторых, практическая деятельность правоохранительных органов не содержит четких алгоритмов и тактических подходов к использованию учетно-регистрационных данных. В указанном аспекте целесообразно рассмотреть некую последовательность работы с информационными массивами:

– централизация информации: интеграция учетно-регистрационных данных централизованных, экспертно-криминалистических и оперативно-разыскных учетов через единую телекоммуникационную метапоисковую систему, что обеспечит централизованный доступ к данным всех субъектов расследования, включая уровни доступа к информации;

– анализ данных из всех источников с целью выявления связей между различными видами преступлений, создание профилей неустановленных преступников и определение наиболее эффективных мер по предотвращению и борьбе с преступностью;

– совместная деятельность: аналитическая работа с учетно-регистрационными данными групп по расследованию преступлений (видовое деление, преступлений прошлых лет);

– оценка результатов, в том числе обнаружение ошибок и проблем, принятие шагов по их решению, а также улучшению процесса работы.

В-третьих, деятельность правоохранительных органов не ограничивается использованием сведений из специализированных банков данных, а выходит за их пределы. В системе криминалистической регистрации могут быть реализованы следующие новые формы ведения учетов:

– системы радиочастотной идентификации (RFID) позволяют маркировать объекты учета электронными ярлыками и автоматически отслеживать их перемещение и местонахождение, что поможет усовершенствовать контроль за жизненным циклом и сохранностью объектов учета;

– навигационные системы используются для мониторинга местонахождения объектов учета и проверки соответствия маршрутов движения транспортных средств учетным записям. Они улучшат контроль за перемещением ценных и опасных грузов и сократят риски, связанные с транспортировкой;

– технологии Интернета вещей (IoT) автоматизируют сбор данных об объектах учета, повысят точность и надежность сбора информации, а также обеспечат быстрый доступ к ней. Это способствует ускорению обработки данных, улучшению точности и надежности записей, а также сокращению времени на выполнение административных задач;

– системы искусственного интеллекта и машинного обучения, включая беспроводные сенсоры и устройства, позволяют автоматически анализировать данные об объектах учета и находить связи между ними.

Кроме того, развитие технологий Интернета вещей и машинного обучения может сделать системы учета еще более точными, быстрыми и удобными в использовании. При этом важно создать условия для максимальной защиты данных, чтобы предотвратить несанкционированный доступ к информации.

В-четвертых, необходимость и своевременность информационного обеспечения процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений также не гарантируются в силу объективных и субъективных причин.

Для аналитической обработки криминалистически значимой информации в информационных массивах системы криминалистической регистрации используются различные методы и средства. Рассмотрим некоторые из них:

– анализ данных. Данный метод заключается в исследовании полученных данных с целью выявления закономерностей, связей и тенденций и позволяет установить характеристики криминальных действий, места их совершения, временные интервалы, типы преступлений и т. д.;

– интеллектуальный поиск. С помощью данного метода осуществляется поиск информации, имеющей отношение к заданной теме. Интеллектуальный поиск позволяет быстро и эффективно найти не только открытую информацию (например, новости, статьи), но и закрытую (базы данных);

– корреляционный анализ, посредством которого можно определить степень взаимосвязи между различными переменными, например, между типом преступления и местом его совершения или между временем суток и количеством совершенных преступлений;

– анализ текстов. Данный метод дает возможность анализировать содержимое текстовых документов, например, протоколов допросов, свидетельских показаний и т. д., а также выявить ключевые слова, связанные с преступлениями и преступниками;

– системы автоматического распознавания лиц. Технология распознавания лиц позволяет идентифицировать преступников по их фотографии или видео, быстро и точно выявлять подозреваемых и лиц, находящихся в розыске;

– системы машинного обучения. С их помощью можно разрабатывать модели, которые будут автоматически определять закономерности и тенденции в криминальной обстановке. Это способствует проведению более точного и эффективного анализа данных.

В то же время существующие определения не учитывают современного уровня развития информационной системы обработки данных МВД России, которая позиционируется как единая система информационно-аналитического

обеспечения деятельности органов внутренних дел. Соответственно, алгоритмы аналитической обработки расширяют возможности действующей системы криминалистической регистрации. Результаты аналитических исследований учетно-регистрационных данных при раскрытии преступлений могут быть представлены и реализованы в следующих формах:

- аналитические записки, содержащие обобщенную информацию об анализе учетно-регистрационных данных, а также рекомендации по раскрытию преступлений;

- сводки с представлением результатов анализа с учетом определенных обстоятельств совершенного преступления (например, время, место, способ совершения), обобщающие информацию о преступлениях по иным составам;

- аналитические отчеты, содержащие результаты исследований определенных видов (групп) преступлений с информацией о подозреваемых, потенциальных мотивах, последствиях и возможных направлениях расследования;

- графы связей, наглядно представляющие результаты анализа учетно-регистрационных данных для установления обстоятельств преступления, совершенного в условиях неочевидности;

- планы расследований, разрабатываемые для расследования определенных видов (групп) преступлений, которые существенно отличаются от других видов в плане использования преступниками новых способов совершения преступлений.

Безусловно, в целях реализации перечисленных форм необходимо планомерное развитие инфраструктуры для аналитической обработки учетно-регистрационных данных и установления определенных закономерностей совершения преступлений.

В современных условиях для обеспечения системно-структурной, организационной и функциональной целостности системы концепция органичности и целостности криминалистической регистрации может быть представлена в виде единой телекоммуникационной системы, целями которой являются: автоматизация процессов криминалистической регистрации, реализация информационных процессов в отношении сведений о лицах и объектах учета, следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях, принятие решений в режиме реального времени (перечень расширяемый), а также установление внутрисистемных связей в отношении события преступления и внешних связей в рамках взаимодействия субъектов расследования.

Традиционный перечень объектов регистрации и учета в современных условиях существенно расширяется за счет новых информационных сегментов. В поле зрения криминалистических подразделений попадают следы и объекты, связанные с компьютерными преступлениями. Информационное наполнение системы криминалистической регистрации может включать в себя данные о следующих объектах:

- лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений;
- предметах и объектах, обнаруженных на месте происшествий или имеющих криминалистическое значение;
- следах (материально фиксированных, в том числе цифровых, и идеальных);

– событиях преступлений и обстоятельствах их совершения;
– результатах следственных действий, экспертиз (исследований), оперативно-разыскных мероприятий.

Вместе с тем в единой телекоммуникационной системе криминалистической регистрации необходимо интегрировать информацию от иных правоохранительных органов, финансовых структур, операторов связи, социальных служб. Важно, чтобы система обеспечивала надежность получения необходимых сведений, безопасность и конфиденциальность хранения и обработки информации, а также соблюдение прав и свобод граждан.

Данные, полученные в результате использования единой телекоммуникационной системы криминалистической регистрации, могут быть реализованы в качестве доказательств в уголовном процессе и служить основой для вынесения обоснованных и справедливых решений органами судебной власти.

Список источников

1. Ялышев С. А.. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1999. 321 с.
2. Демин Ю. В. Организационно-правовые основы выявления и раскрытия краж, совершаемых с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Российский следователь. 2021. № 1. С. 64–68.
3. Усманов Р. А. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел: криминалистическая регистрация: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 213 с.

References

1. Yalyshev S. A. Forensic registration: problems, trends, perspectives. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1999: 321. (In Russ.).
2. Demin Yu. V. Organizational and legal framework for detection and disclosure of theft committed from a bank account, as well as for electronic funds. Russian investigator, 64–68, 2021. (In Russ.).
3. Usmanov R. A. Information support for the activities of the internal affairs agencies: criminal registration. Dissertation of candidate of juridical sciences. Ekaterinburg; 2002: 213. (In Russ.).

Курин Алексей Александрович,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук, доцент;
AAKurin@mail.ru

Kurin Alexey Alexandrovich,

associate professor of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of technical sciences, associate professor;
AAKurin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования
11.05.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted
for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.982.323
doi: 10.25724/VAMVD.A104

**ОБШИРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МОГУТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
ЛИШЬ В МАЛОЙ СТЕПЕНИ: КАК ИСПРАВИТЬ СИТУАЦИЮ?**

Виталий Николаевич Хрусталеv

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, Khrustaluov@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы этапы становления использования запаховых следов в раскрытии и расследовании преступлений. Показано, что ключевым этапом стало признание доказательственной силы результатов исследований этих следов, проведенных в рамках таких судебных экспертиз, как судебная одорологическая экспертиза, чему способствовала замена в использовании в качестве собак-детекторов традиционных пород с их слабым обонянием на собак принципиально новой породы шалайка (собак Сулимова) – гибрида шакала и лайки. Но эту экспертизу затем сменила судебно-биологическая экспертиза запаховых следов человека.

Автор приходит к выводу, что в России вследствие этой замены и организационных преобразований, произошедших в последнее время, обширные возможности криминалистической одорологии сегодня могут быть использованы лишь в малой степени, а это прямо противоречит интересам борьбы с преступностью. Внесены предложения по исправлению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: запаховые следы, криминалистическая одорология, раскрытие и расследование преступлений, собаки-детекторы, судебная экспертиза, фундаментальные и прикладные науки, кинологическая выборка, кинологическая идентификация индивидуума, криминалистическая одорологическая экспертиза

Для цитирования: Хрусталеv В. Н. Обширные возможности криминалистической одорологии в настоящее время могут быть использованы лишь в малой степени: как исправить ситуацию? // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 30–40. doi: 10.25724/VAMVD.A104

**THE VAST POSSIBILITIES OF FORENSIC ODOROLOGY
CAN CURRENTLY BE USED ONLY TO A SMALL EXTENT:
HOW TO FIX THE SITUATION?**

Vitaliy Nikolaevich Khrystalev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL),
Moscow, Russia, Khrustaluov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the stages of formation and use of odor traces in the disclosure and investigation of crimes. It is shown that a key stage was the recognition of the evidentiary value of the results of studies of these traces conducted as part

© Хрусталеv В. Н., 2023

of such forensic examinations as forensic odorological examinations, which was facilitated by replacement in the use of traditional breeds as detector dogs with their weak sense of smell on dogs of a fundamentally new breed shalayka (Sulimov's dogs) – a hybrid of a jackal and a husky. But this examination was then replaced by a forensic biological examination of human odor traces.

It is shown that as a result of this replacement and the organizational transformations that have occurred during this time, the vast possibilities of forensic odorology can currently be used only to a small extent in Russia, and this directly contradicts the interests of combating crime. Suggestions have been made to rectify the current unsightly situation.

Keywords: odor traces, forensic odorology, disclosure and investigation of crimes, detector dogs, forensic examination, fundamental and applied sciences, canine sampling, cynological identification of the individual, forensic odorological examination

For citation: Khrystalev V. N. The vast possibilities of forensic odorology can currently be used only to a small extent: how to fix the situation? Forensic Examination, 30–40, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A104

Использование запаховых следов в раскрытии и расследовании преступлений насчитывает не одну сотню лет. Безусловно, ключевым, поворотным этапом в этой истории стало признание доказательственной силы результатов судебных экспертиз подобных следов. Первоначально достаточно длительное время они велись в рамках судебной одорологической экспертизы, теоретическим обоснованием которой послужили научные положения, сформулированные в криминалистической одорологии, одной из отраслей раздела науки криминалистики – криминалистической техники. Но затем ее сменила судебно-биологическая экспертиза запаховых следов человека. Назрела необходимость оценить, что потеряла и что приобрела практика научно-технического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений вследствие такой замены и организационных преобразований, произошедших за это время.

Принципиальной с точки зрения комплекса проблем организации научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений является констатация того факта, что и криминалистика, и судебная экспертология – прикладные науки. Фундаментальная наука не имеет определенных практических целей, это наука для науки, т. е. познания окружающего мира, открытия основополагающих законов бытия и приращения новых знаний. На практике воплощается менее 1 % открытий, сделанных в фундаментальной науке, и это нормально. Прикладные же науки – системы знаний, обладающие выраженной практической ориентацией. В задачи каждой прикладной науки изначально входит неременная практическая реализация результатов научных исследований, решение проблем, задач конкретной области практической деятельности. Определение относимости конкретной науки к фундаментальным или прикладным принципиально важно, поскольку они имеют разное предназначение и развиваются по разным законам. Прикладные науки не менее значимы, нежели фундаментальные, причем ученые призваны активно влиять на соответствующую область практической деятельности. Не бывает наук, которые одновременно являются и фундаментальными, и прикладными; утверждение о том, что прикладная

наука стала одновременно приобретать признаки фундаментальной, на самом деле лишь свидетельствует о ее кризисе и отрыве от соответствующей области практической деятельности.

И криминалистика, и общая теория судебной экспертизы (судебная экспертология) зародились традиционным для прикладных наук путем: в соответствующих отраслях практической деятельности был накоплен значительный опыт, и пришло осознание накопившихся проблем, тормозящих их развитие. Именно для решения проблем практики, поиска путей ее совершенствования и возникает прикладная наука, которая существует благодаря практике, развивается совместно с ней, обобщает ее, черпает в ней проблемы, выявляет соответствующие закономерности объективной действительности, на основе чего разрабатывает рекомендации, использование которых на практике призвано ее совершенствовать. Практика и обеспечивающая ее прикладная наука должны существовать в неразрывном единстве: разрыв между практикой и теорией пагубен для обеих [1, с. 45–46].

Этот подход полностью подтверждается законами развития криминалистической науки, сформулированными «патриархом» отечественной криминалистики профессором Р. С. Белкиным [2, с. 54–61]. Среди них в аспекте затронутых проблем из четырех законов привлекают внимание два.

Первый – *закон обусловленности криминалистических рекомендаций потребностями практики борьбы с преступностью и совершенствования этой практики на основе криминалистики*. Возникнув на базе практики, теория практикой же и проверяется. Как справедливо считал Р. С. Белкин, достижения и рекомендации криминалистики становятся элементом практики, и именно таким образом криминалистика выполняет свою служебную функцию как наука практическая, наука прикладная, призванная обслуживать нужды практики и сама совершенствующаяся на ее основе. Результаты разработки проблем, практикой не продиктованных, в лучшем случае не способны позитивно повлиять на практику, а в худшем – вредят ей.

Второй – *закон связи и преемственности между существующими и возникающими криминалистическими концепциями* – обеспечивает поступательное движение криминалистической мысли от явления к сущности последующего порядка, сохраняя в то же время все накопленные наукой ценности. Недопустимо из желания сказать новое слово и в криминалистике, и в судебной экспертологии ниспровергать концепции, справедливость которых была убедительно подтверждена на практике борьбы с преступностью и которые оказывали на нее позитивное влияние. Безусловно, указанные науки «живые» и должны динамично развиваться в полном соответствии с запросами практики борьбы с преступностью. Но новые научные веяния в прикладных науках, основанные на отрицании доброкачественных проверенных практикой научных концепций, сомнительны и способны принести ей вред.

На основании вышеизложенного для гармоничного сосуществования теории и практики необходимо исходить из того, что в подобном тандеме первична, безусловно, практика, теория же производна, вторична по отношению к ней. Это означает, что в случаях, когда интересы практики и теории (а точнее, теоретиков, значительная часть которых работает в образовательных организациях) входят в противоречие, интересы соответствующей отрасли практической

деятельности (в данном случае практики криминалистического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений и в целом практики борьбы с преступностью) должны иметь безусловный приоритет. Следовательно, любые вопросы, прямо или косвенно связанные с борьбой с преступностью, должны решаться исходя из необходимости ее совершенствования, повышения эффективности. И совсем недопустимо, когда интересы борьбы с преступностью подчиняются интересам личным или корпоративным, вследствие чего ей наносится ущерб, зачастую весьма существенный [1, с. 47]. Данное принципиально важное утверждение должно быть непререкаемым правилом, но в действительности, как это ни прискорбно, нередко остается лишь благим пожеланием, и примеров тому множество. История становления криминалистической одорологии и судебно-экспертного исследования запаховых следов такими примерами изобилует.

Служебно-разыскные собаки применяются издревле и для кинологической выборки, и для поиска преступника по горячим следам. Но запаховые следы быстро улетучиваются: хорошо подготовленная собака при хороших погодных условиях (сухо, холодно и безветренно) может найти человека по его следам давностью до одних суток. Для увеличения этого временного периода военные кинологи в 2003 г. под началом В. М. Касимова в Пермском институте внутренних войск вывели русских волкособов (гибрид волка и немецкой овчарки), способных уверенно идти по следу давностью до двух суток. Но если погода плохая либо след довел до места, где преступник сел на транспорт, дальнейшее использование запаховых следов становится невозможным, поскольку на предполагаемого преступника можно выйти спустя длительный промежуток времени, когда запаховые следы давно исчезли.

Эта проблема была успешно решена в рамках криминалистической одорологии в начале 1965 г., когда группа криминалистов под руководством профессора А. И. Винберга выступила с блестящей идеей: запаховые следы необходимо изымать, консервировать и использовать посредством специально обученных собак, когда по делу появится подозреваемый, с целью процессуального применения результатов исследования запаховых следов с приданием статуса документа-доказательства акту (справке) о проведении одорологической выборки [3, с. 74–75]. В интересах практики было провести исследования с целью эмпирической проверки вышеуказанной идеи, апробация которой незамедлительно состоялась, но не в нашей стране, а за рубежом: сначала в странах социалистического лагеря (в ГДР и Венгрии, а затем в Польше, Дании, Бельгии, Нидерландах, Словении, Чехии, Франции). С учетом высокой эффективности метода, несмотря на использование примитивной методики, напоминавшей обычную кинологическую выборку, создавалось множество полицейских лабораторий, которые полностью оправдывали свое существование.

В СССР эта идея долго подвергалась жесткой критике, мешающей экспериментальной проверке ее обоснованности. Утверждалось, что в ходе таких исследований собака подменяет эксперта, хотя на самом деле их проводит эксперт, использующий собаку-детектор как прибор, который нужно подготовить: перед началом исследования проверить работоспособность, настроить на решение конкретной задачи, правильно считать его показания, корректно их интерпретировать, оценить, на основе чего сформулировать конкретный вывод.

Второе часто выдвигаемое возражение: «Замените собаку прибором, и тогда вопросы отпадут сами по себе». Идея разработки «электронных носов», одорографии, преподносимой в качестве альтернативы обонянию собак-детекторов, к сожалению, не теряет актуальности уже более полувека. Но это тупиковый путь: запаховые следы индивидуумов включают многие тысячи веществ, для детекции которых чувствительности современной аналитической техники, в отличие от обонятельного аппарата собак-детекторов, недостаточно. Попытки же концентрирования запаховых веществ приводят к изменению их качественного состава¹. Кроме того, изымаемые запаховые следы нередко представляют собой смесь запахов нескольких индивидуумов, которая прибором воспринимается как запах одного лица, тогда как собака-детектор в смеси запахов нескольких человек уверенно дифференцирует характеристики каждого², что расценивается как проявление рассудочного поведения животного. Вывод очевиден: прибор никогда не сможет заменить обонятельный аппарат собаки.

Во ВНИИ МВД СССР метод криминалистической одорологии, получивший развитие на Западе, подвергся серьезной доработке, приобретя новое качество, в результате чего был признан судебной практикой нашей страны и ряда государств Европы. В тот период наибольший вклад в развитие данного метода внесли М. В. Кисин, начальник отдела медико-биологических исследований ВНИИ МВД СССР, и К. Т. Сулимов, младший научный сотрудник этого отдела [4, с. 74–75]. Заслуга авторов, ускорившая и многократно увеличившая эффективность подготовки собак-детекторов, состояла в отказе от использования в подготовке последних:

- следов индивидуального запаха дрессировщика;
- прямолинейного выборочного ряда с переходом к ряду круговой конфигурации;
- вместо одной собаки-детектора трех, как было принято у кинологов ВНР, повысивших достоверность результатов исследований;
- закладки лакомства в объекты выборки;
- а также во введении в выборочный ряд эталонного образца [5, с. 196–199].

Последнее из указанных предложений, принципиально важное, принадлежит В. И. Старовойтову, который успешно вошел в коллектив разработчиков в 1982 г.³

¹ Это убедительно показал И. П. Карлин, блестящий эксперт, виртуозно владеющий методом газожиждкостной хроматографии, впоследствии ставший начальником ЭКЦ МВД России, а на то время сотрудник физико-химического отдела НИЛ-6 ВНИИ МВД СССР. И. П. Карлин в рамках подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата химических наук проводил НИР по теме, заказанной Министерством обороны, связанной с исследованием состава воздушной среды космических орбитальных станций и спускаемых аппаратов.

² Хорошо подготовленная служебно-разыскная собака способна уверенно выполнить следующее задание. В помещении, в котором находятся 10 человек, каждый из них по очереди садится на один и тот же стул. Потом один из них уходит. Спустя определенный промежуток времени в это помещение приходят кинолог с собакой, которая, заняв сиденье стула и 9 оставшихся статистов, должна на полу помещения обнаружить запаховый след ушедшего, пойти по следу и найти этого человека.

³ Предложение В. И. Старовойтова состояло во включении в состав объектов выборочного ряда так называемого эталонного объекта, который дублировал стартовый образец запаха подозреваемого и предназначен для выбора его наряду с испытуемым, изъятым с места происшествия, если в том окажется искомый запах, или вместо него, если тот в испытуемом объекте отсутствует. Эталон решал важную задачу сохранения у собаки-детектора ее рабочего стереотипа, для чего требовалось в каждом ее пуске подкрепление с предметной выборкой искомого запаха.

В совокупности с другими изменениями методика ВНИИ МВД СССР кардинально отличается от западного прототипа в лучшую сторону глубочайшей научной проработкой всех рекомендаций, осуществленной К. Т. Сулимовым и зафиксированной в его диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук «Кинологическая идентификация индивидуума по обонятельным сигналам». Показательно содержание этой диссертации:

- запах индивидуумов и его распознавание;
- разработка методики кинологической идентификации человека по запаху;
- выбор и подготовка собак для идентификации индивидуального запаха человека;
- сбор, хранение, обработка и использование образцов индивидуальных запахов человека;
- распознавание собаками индивидуальных запахов у позвоночных;
- содержание лабораторных собак.

Во многом это концепция криминалистической одорологии в современном ее понимании.

Данная диссертация была защищена в 1995 г. на заседании специализированного совета Д 002.48.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора биологических наук в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН [6]. Полученные К. Т. Сулимовым обширные и глубокие научные результаты настолько впечатлили членов диссертационного совета, что они выступили с консолидированным предложением зачесть представленную работу в качестве докторской диссертации, от которого К. Т. Сулимов с присущей ему скромностью отказался.

Важным шагом, позволившим повысить с 30 до 70 % эффективность заключений экспертов и кардинально улучшить отношение следователей к одорологическим исследованиям, стала замена в использовании в качестве собак-детекторов традиционных пород с их слабым обонянием на собак принципиально новой породы шалайка (собак Сулимова) – гибрида шакала и лайки (квартирон), компактной породы с необычайно острым обонянием. Селекционные работы по созданию этой породы К. Т. Сулимов начал в 1975 г. по специальному заказу МВД СССР для борьбы с наркотрафиком и вел (с привлечением сотрудников Московского зоопарка, биофака МГУ и других научных биологических центров) свыше 40 лет. В декабре 2020 г. ФГБУ «Госсорткомиссия» одобрило регистрацию породы шалайка, а в январе 2021 г. Министерством сельского хозяйства Российской Федерации зарегистрирован патент на породу, аналогов которой нет во всем мире. Собака Сулимова – это гордость российских кинологов и в настоящее время – ключевой элемент системы по обеспечению транспортной безопасности в кинологической службе «Аэрофлота».

Судебно-odoroлогическая экспертиза была так названа и вошла в академический юридический словарь по предложению начальника криминалистического отдела прокуратуры РСФСР Ю. И. Леканова. Вскоре по представлению заместителя Главного прокурора РСФСР И. С. Землянушина эта экспертиза была рекомендована к незамедлительному внедрению в практику корпуса прокурорских следователей, а затем признана следственной и судебной практикой всей страны. По заданиям органов внутренних дел и прокуратуры в одорологической лаборатории ВНИИ МВД СССР было проведено более 4 000 исследований по уголовным делам, результаты которых успешно использовались в судебном разбирательстве.

Криминалистическая одорология – одна из динамично развивающихся отраслей криминалистической техники, чьи возможности могут успешно использоваться в борьбе с преступностью. Однако в настоящее время она оказалась в плачевном состоянии, и произошло это вследствие непродуманной, без учета интересов борьбы с преступностью, реализации отдельных управленческих решений, принятых прежним руководством Экспертно-криминалистического центра МВД России. Все вышеуказанные действия и сопутствующее им бездействие (отсутствие реальных усилий по исправлению ситуации) привели к тому, что обширные возможности криминалистической одорологии в России могут быть использованы лишь в малой степени, а это прямо противоречит интересам борьбы с преступностью.

Во-первых, Т. Ф. Моисеева в своей добротной диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Методология комплексного криминалистического исследования потожировых следов человека» среди в целом обоснованных сформулировала два сомнительных положения, выносимых на защиту:

«4. Одорологическая экспертиза является составной частью экспертизы вещества потожировых следов человека как биологический (биосенсорный) метод анализа.

5. Экспертиза вещества потожировых следов человека – новый вид экспертного исследования в рамках судебно-биологической экспертизы» [7].

И эти научные предложения, суть которых сводится к замене судебно-одорологической экспертизы судебно-биологической экспертизой запаховых следов человека, без анализа возможных и совершенно очевидных негативных последствий были реализованы на практике. Лаборатории судебно-одорологической экспертизы экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел страны были преобразованы в отделы исследований запаховых следов человека, что закономерно привело к существенному обеднению возможностей экспертизы, поскольку она свелась к исследованию запаховых следов человека, а не индивидуумов, как раньше (т. е. не только человека, а всех позвоночных, что актуально при расследовании похищений дорогостоящих животных, нанесения агрессивными животными телесных повреждений и многого другого), а также к утрате возможностей:

– установления факта предшествующего пребывания, например, комплекта одежды в конкретном помещении по фоновым запахам этого помещения [4, с. 19];

– одорологического исследования в рамках судебно-одорологической экспертизы спиртов, крепких спиртных напитков, вин при решении задач, недоступных инструментальным методам;

– исследования запаховых проб взрывчатых веществ, парфюмерно-косметических средств при решении диагностических и идентификационных задач и т. д.

Во-вторых, управленческие решения предыдущего руководства ЭКЦ МВД России и последующие за ними организационные преобразования привели:

– к отказу от использования в качестве собак-детекторов шакало-псовых гибридов (квартиронов) с их уникальным чутьем. В результате эффективность исследований, проводимых в лаборатории с участием в качестве собак-детекторов собак декоративных и других паллиативных пород, сразу упала с 70 до 30 %. Была ли в этом заинтересована практика борьбы с преступностью? Разумеется, нет;

– к решению о резком сокращении в лаборатории количества собак-детекторов (шалаек) с 40 сначала наполовину, а затем до 10–12, по сути, ликвидации всех квартеронов одорологической лаборатории, которая свела на нет кропотливый 40-летний труд замечательных ученых-биологов по созданию уникальной породы собак. Реализовать пагубную инициативу помешали К. Т. Сулимов и его сотрудники: ночью они вывезли шалаек из лаборатории, на собственные средства три года их сохраняли и содержали. Именно на основе той группы животных была создана кинологическая служба «Аэрофлота», блестяще выполняющая функции по обеспечению безопасности авиоперевозок.

В-третьих, увольнение по явно надуманному предлогу в конце 2020 г. начальника отдела по исследованию запаховых следов человека ЭКЦ МВД России П. Б. Панфилова, повлекшее за собой увольнение в знак протеста всех остальных сотрудников данного подразделения. А ведь силами именно этого отдела при активной поддержке заместителя начальника ЭКЦ МВД России А. Ю. Семенова взамен малопригодных для работы конур на задворках 11-го отделения милиции, где 40 лет прозябала главная лаборатория судебно-odoroлогической экспертизы МВД России, была создана, по сути, ее новая материальная база в благоустроенных помещениях, оснащенных новейшей техникой, а на прилегающей территории были построены клетки прогрессивной конструкции для содержания собак-детекторов. Сотрудники этого же отдела разработали методику химической экстракции запаховых веществ с объектов-носителей, внедрение которой в практику позволило оказывать помощь в раскрытии преступлений 20–30-летней давности. И вот в результате неадекватных действий прежнего руководства ЭКЦ МВД России одорологическое направление экспертной службы в очередной раз было обескровлено, и опять вопреки интересам практики борьбы с преступностью!

Сейчас по всей стране действует всего 13 отделов исследований запаховых следов человека, включая центральный отдел в Экспертно-криминалистическом центре МВД России, причем два из них организованы в самое последнее время (в Республике Саха (Якутии) и Краснодарском крае). Чтобы понять, способны ли 13 отделов обеспечить потребности правоохранительных органов нашей огромной страны, достаточно для сравнения указать, что в Польской народной республике успешно функционировало 36 одорологических лабораторий.

Справедливости ради следует отметить, что современный обновленный состав отдела экспертиз запаховых следов человека Экспертно-криминалистического центра МВД России – это работоспособный коллектив увлеченных специалистов, состоящий из семи сотрудников, который возглавляет Потапова Юлия Николаевна. Они ставят перед собой цель выйти на прежний уровень работы, проводят интересные научные исследования и задумываются над возвратом собак Сулимова. Отдел кинологического мониторинга ПАО «Аэрофлот» также кровно заинтересован в сотрудничестве с этим подразделением для возрождения преемственности воспроизводства шалаек и внедрения их в широкую практику и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, и кинологической службы «Аэрофлота».

Так что же нужно сделать для исправления сложившейся ситуации? С нашей точки зрения, представляется необходимым:

- признать ошибочность пагубно повлиявших на практику борьбы с преступностью решений прежнего руководства ЭКЦ МВД России;
- вернуться к исследованию широкой гаммы запаховых следов, а не только запаховых следов человека, с использованием в качестве собак детекторов шакало-псовых гибридов (шалаек) с их уникальными рабочими качествами;
- создать в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации отделы по исследованию запаховых следов в количестве, достаточном для обеспечения возможности использования достижений криминалистической одорологии оперативными и следственными подразделениями органов внутренних дел и Следственного комитета во всех регионах страны.

И, наконец, важно разобраться, как же следует называть обсуждаемую экспертизу? Названия «судебно-биологическая», «ольфакторная экспертиза запаховых следов человека» неудачны, поскольку, во-первых, отражают ее усеченный характер, во-вторых, происходят от названия используемых при производстве экспертизы методов, уходя от ответа на вопрос, какая же наука является ее методологической основой, а это в корне неверно. В-третьих, не следует игнорировать мнение профессора А. Р. Шляхова, который утверждал, что «судебная экспертиза вообще и криминалистическая экспертиза в частности могут быть подразделены на области знания по совокупности ее существенных признаков: предмета, объекта и методики экспертного исследования. Лишь в совокупности они образуют отдельную отрасль специальных познаний, самостоятельный вид экспертизы... Отдельные виды криминалистической экспертизы нельзя различать только по вопросам, либо по объектам, либо методам исследования» [8, с. 44]. Неужели судебно-экспертная практика изменилась настолько, что данное утверждение перестало быть актуальным? Думается, что нет, такого не может произойти в принципе. И, в-четвертых, нужно вспомнить, что особенная часть криминалистической техники как раздела криминалистики состоит из отраслей, которые, за исключением одной (криминалистической регистрации), содержат научное обоснование соответствующих традиционных и нетрадиционных криминалистических экспертиз. А поскольку среди них заслуженное место занимает криминалистическая одорология, то и одорологическая экспертиза является криминалистической; ее субъекты для должного уровня профессионализма действительно обязаны обладать обширными криминалистическими знаниями, а вовсе не ограничиваться теорией криминалистической идентификации. Их знания должны включать и положения общей теории криминалистики, особенно те, которые отражают объективные закономерности механизма преступления в аспекте криминалистики: собирания, оценки и использования доказательств, в том числе криминалистические учения о закономерностях возникновения информации о преступлении и преступнике. Экспертам нужно знать частные криминалистические теории, входящие в общую теорию криминалистики, такие как криминалистические учения о способе совершения и сокрытия преступлений, механизмах слепообразования, признаках, фиксации доказательственной информации, теории криминалистической диагностики и идентификации, а также общие принципы методики криминалистических экспертных исследований, понятийный аппарат криминалистики, учение о методах данной науки.

Вот почему, с нашей точки зрения, данную экспертизу следует именовать именно криминалистической одорологической.

Список источников

1. Хрусталеv В. Н. Криминалистическая практика и криминалистическая дидактика: гармоничное сосуществование или конфронтация? // Преступление, наказание, исправление (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тез. выступлений и докл. участников III Международ. пенитенциар. форума (Рязань, 21–23 ноября 2017 г.). В 8 т. Т. 6. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. С. 44–47.
2. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. засл. деят. науки РФ проф. Р. С. Белкина. Москва: Норма – ИНФРА-М, 1999. 990 с.
3. Новое в криминалистике / В. В. Безруков, А. И. Винберг, М. Г. Майоров, Р. М. Тодоров // Социалистическая законность. 1965. № 10. С. 74–75.
4. Использование консервированного запаха в раскрытии преступлений / М. В. Кисин, Г. Петранек, К. Т. Сулимов [и др.]; под общ. ред. М. В. Кисина. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1983. 120 с.
5. Сулимов К. Т. Криминалистическая одорология: кинологический подход. Москва: Институт наследия, 2019. 312 с.
6. Сулимов К. Т. Кинологическая идентификация индивидуума по обонятельным сигналам: автореф. ... дис. канд. биол. наук. Москва, 1995. URL: <https://www.dissercat.com/content/kinologicheskaya-identifikatsiya-individuuma-po-obonyatelnym-signalam/> (дата обращения: 15.03.2022).
7. Моисеева Т. Ф. Методология комплексного криминалистического исследования потожировых следов человека: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Москва, 2002. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_353638/ (дата обращения: 15.03.2022).
8. Шляхов А. Р. Предмет и система криминалистической экспертизы // Труды ВНИИСЭ: Вопросы криминалистической экспертизы и правовой кибернетики. 1971. Вып. 3. С. 11–38.

References

1. Khrustalev V. N. Forensic practice and forensic didactics: harmonious coexistence or confrontation? In: Crime, punishment, correction (by the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants of the 3rd International Penitentiary Forum (Ryazan, 21–23 November 2017). In 8 vols. Vol. 6. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2017: 44–47. (In Russ.).
2. Forensics: studies for universities. Ed. by honored scientist of the Russian Federation prof. R. S. Belkin. Moscow: Norma – INFRA-M; 1999: 990. (In Russ.).
3. Bezrukov V. V., Winberg A. I., Mayorov M. G., Todorov R. M. New in forensics. Socialist legality, 74–75, 1965. (In Russ.).

4. Kisin M. V., Petranek G., Sulimov K. T. (et al.). Use of canned odor in the disclosure of crimes. Under the gen. editorship of M. V. Kisin. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1983: 120. (In Russ.).

5. Sulimov K. T. Criminalistic odorology: cynological approach. Moscow: Institut Nasledie; 2019: 312. (In Russ.).

6. Sulimov K. T. Cynological identification of an individual by olfactory signals. Abstract of dissertation of candidate of biological sciences. Moscow; 1995. Available from: <https://www.dissercat.com/content/kinologicheskaya-identifikatsiya-individuuma-pobonyatelnym-signalam/>. Accessed: 15 March 2022. (In Russ.).

7. Moiseeva T. F. Methodology of complex forensic study of human traces. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2002. Available from: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_353638/. Accessed: 15 March 2022. (In Russ.).

8. Shlyakhov A. R. Subject and system of forensic examination. VNIIE Works: Issues of Forensic Expertise and Cybernetics Law, 11–38, 1971. (In Russ.).

Хрусталеv Виталий Николаевич,

главный научный сотрудник Центра правовой экспертизы
в сфере противодействия идеологии терроризма
и профилактики экстремизма Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор;
Khrustalov@yandex.ru

Khrystalev Vitaliy Nikolaevich,

chief researcher of the Center for legal expertise
in the field of countering the ideology of terrorism
and preventing extremism of the Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin (MSAL),
doctor of juridical sciences, professor;
Khrustalov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.983.2
doi: 10.25724/VAMVD.A105

СЛЕДЫ НА ЭЛЕМЕНТАХ ПАТРОНОВ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПАТРОННО-СБОРОЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И ПРИСПОСОБЛЕНИЙ, ИСПОЛЗУЕМЫХ ПРИ РЕЛОАДИНГЕ (СООБЩЕНИЕ II)*

Андрей Васильевич Кокин

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, avksudbal@mail.ru

Аннотация. При самостоятельном снаряжении патронов для нарезного огнестрельного оружия (релоадинге) используется определенный набор патронно-сборочного оборудования: капсюляторы, шеллхолдеры (гильзодержатели), различные матрицы и другие приспособления. Рабочие поверхности некоторых инструментов образуют следы на контактирующих с ними пулях, гильзах и капсюлях. Наличие, расположение, степень выраженности следов зависят от конструктивных особенностей, состояния патронно-сборочного оборудования и квалификации сборщика. В процессе изготовления оборудования, а главным образом при его эксплуатации на контактирующих с элементами патронов поверхностях возникают различные дефекты, которые обуславливают образование следов и индивидуальных признаков, позволяющих не только классифицировать сборочный инструмент, но и при определенных условиях идентифицировать его. Однако в следах не всех инструментов наблюдается комплекс частных признаков, достаточных для решения вопроса о тождестве. При имеющихся признаках оценку потенциала следов патронно-сборочных устройств для идентификации необходимо проводить с учетом возможного наличия подклассовых признаков.

Ключевые слова: гильза, идентификация, капсюль, капсюлятор, матрица, патрон, пресс, пуля, релоадинг, след, снаряжение патронов

Для цитирования: Кокин А. В. Следы на элементах патронов и отождествление патронно-сборочных инструментов и приспособлений, используемых при релоадинге (сообщение II) // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 41–63. doi: 10.25724/VAMVD.A105

© Кокин А. В., 2023

* Автор выражает признательность ведущему государственному судебному эксперту лаборатории судебной трасологической и баллистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России Артему Сергеевичу Лихачеву, а также главному эксперту отдела баллистических экспертиз ЭКЦ МВД России Владимиру Ильичу Булычеву за содействие в подготовке данного материала.

**MARKS ON CARTRIDGE ELEMENTS AND IDENTIFICATION
OF CARTRIDGE ASSEMBLY TOOLS AND DEVICES
USED IN RELOADING (MESSAGE II)**

Andrey Vasilievich Kokin

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, avksudbal@mail.ru

Abstract. A certain set of cartridge assembly equipment are used during process of self-equipping cartridges for rifled firearms (reloading): priming tools, shellholders, various dies and other devices. The working surfaces of some tools forms marks on bullets, cartridges cases and primers. The presence, location, degree of severity of marks depends on the design features, the condition of cartridge assembly equipment and the qualifications of the assembler. During the manufacturing process and mainly during the operation of assembly equipment, various defects occur on the surfaces in contact with the cartridge elements, which cause the formation of marks and individual signs that allow not only to classify the assembly tool, but also to identify it under certain conditions. However, not all instruments have a set of particular features in their marks that are sufficient to solve the identity issue. In cases of the presence of such signs an assessment of the potential of marks of cartridge-assembly devices for identification have to carried out taking into account the possible presence of subclass characteristics.

Keywords: cartridge case, identification, primer, priming tool, die, cartridge, press, bullet, reloading, marks, cartridge assembly

For citation: Kokin A. V. Marks on cartridge elements and identification of cartridge assembly tools and devices used in reloading (message II). Forensic Examination, 41–63, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A105

Введение. Специалисты, привлекаемые к участию в следственных действиях по делам, связанным с незаконным оборотом оружия и патронов, прежде всего их изготовлением, а также судебные эксперты, проводящие экспертизы изъятых по этим фактам объектов, должны быть знакомы с основами релоадинга. Знания технологии указанного процесса, устройства и принципа действия патронно-сборочного оборудования позволяют среди прочих инструментов и приспособлений, находящихся у подозреваемого лица, выявлять и изымать именно те, которые применялись при снаряжении патронов.

Некоторые следы, образующиеся в процессе снаряжения на элементах патронов, способствуют диагностике способа их изготовления, что в определенной степени было отражено в публикациях, посвященных проблематике самостоятельного снаряжения патронов для нарезного огнестрельного оружия (см.: [1–5]). Однако комплексная оценка потенциала этих следов для отождествления инструментов и приспособлений, посредством которых осуществлялась сборка патронов, в полном объеме не проводилась. Вместе с тем следует заметить, что положительные результаты идентификации оборудования являются важным доказательством, поскольку позволяют непосредственно связать лицо, владеющее патронно-сборочными инструментами, с преступлением, совершенным в сфере оборота патронов.

Цель второй части публикации – анализ следов самостоятельного снаряжения патронов, способствующих диагностированию способа их изготовления, а также оценка потенциала данных следов для идентификации применявшихся патронно-сборочных инструментов.

Патронно-сборочное оборудование и его следы на элементах патронов. Декапсюлятор «бердан» используется для удаления стреляных капсюлей открытого типа из гильз, имеющих наковальни в капсюльных гнездах и затравочные отверстия небольшого диаметра, что делает невозможным применение декапсюлирующих матриц. В результате воздействия вышеуказанного оборудования на поверхности гильзы остаются хорошо выраженные характерные следы: на краю торца донной части располагаются два вдавленных следа от упоров декапсюлятора. Помимо этого, при прокалывании иглой стаканчика стреляного капсюля может повреждаться наковальня (рис. 1).

Рис. 1. Следы применения декапсюлятора «бердан» на торце донной части гильзы и наковальне

В кольцевой проточке гильзы от зацепа декапсюлятора образуется динамический след длиной от 2 до 4 мм, состоящий из множества параллельных друг другу трасс (рис. 2), расположенный на цифре 6 условного циферблата часов при ориентации следов от упоров на 11 и 2 часа. В этом следе четко выражены особенности микрорельефа рабочей поверхности зацепа декапсюлятора.

Анализ морфологии перечисленных следов позволяет прийти к заключению, что они индивидуальны, содержат комплекс характерных и устойчивых частных признаков и считаются пригодными для идентификации декапсюлятора (рис. 3).

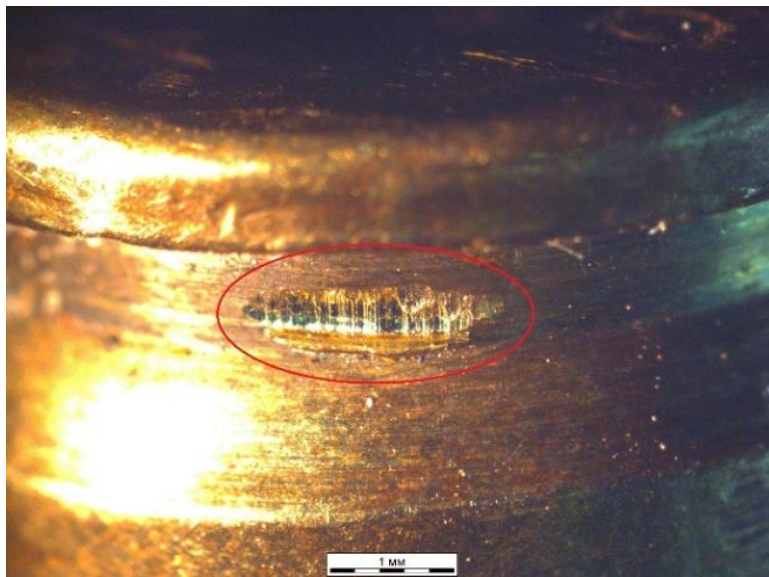

Рис. 2. След зацепа декапсюлятора «бердан» в кольцевой проточке гильзы

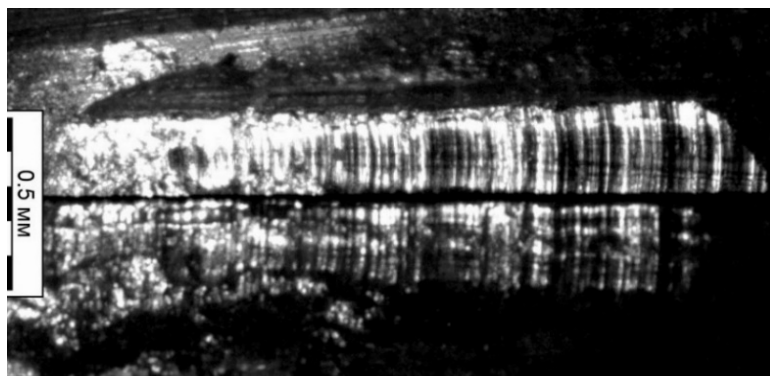

Рис. 3. Совмещение микрорельефа в следах зацепа декапсюлятора на двух гильзах

В результате выстрела на гильзах остаются различные следы деталей и частей оружия: отражателя, зацепа выбрасывателя, патронного упора, стенок патронника, ребра окна кожуха затвора и др. Наиболее выражены эти следы на латунных гильзах, стреляных в автоматическом оружии. Вполне естественно, что присутствие подобных следов на гильзе снаряженного патрона свидетельствует о ее повторном использовании. По одноименным следам, например отражателя, можно определить число циклов переснаряжения [6, с. 153–154].

Чистка гильз в галтовочном аппарате полностью не устраняет следы оружия с их поверхностей. Фактически в ходе этой операции осуществляется полировка поверхности и удаляются только мелкие царапины. Следы отражателя, патронного упора, зацепа выбрасывателя остаются различимыми и практически не претерпевают изменений (рис. 4).

Рис. 4. Следы оружия на торце донной части гильзы до галтовки (слева) и после галтовки (справа)

После промывки и обработки гильз в галтовочном аппарате нагар в капсюльном гнезде полностью не удаляется и требуется дополнительная очистка. При аккуратном использовании фрезы для чистки капсюльного гнезда следов ее применения на внешних поверхностях гильзы не образуется. Но этот метод малопроизводительный, и для ускорения процесса используют шуруповёрты, граверы и другие подобные инструменты с зафиксированными в них металлическими ершиками либо метелками, которые бывают самодельными. В таких случаях на торце донной части гильзы могут оставаться следы ее контакта с зажимами патрона электроинструмента (рис. 5). Данные динамические следы проявляются в виде концентрических трасс различной степени выраженности и протяженности. По причине нестабильности отображения и отсутствия устойчивого комплекса частных признаков эти следы для идентификации инструмента непригодны.

Рис. 5. След от зажима электроинструмента на торце донной части гильзы

В некоторых случаях чистка капсюльного гнезда вообще не осуществляется. Это можно установить при демонтаже исследуемого патрона, у которого в капсюльном гнезде и на перегородке гильзы будут присутствовать копоть и нагар (рис. 4).

В момент производства выстрела под действием давления пороховых газов гильза расширяется под размеры патронника оружия, в связи с чем для повторного применения гильзы ее габариты необходимо привести к эталонным, позволяющим использовать эту гильзу в патроннике любого оружия под данный калибр [7, с. 25], поэтому выполняется операция обжима посредством фулсайз- или нексайз-матрицы. Выбор типа матрицы зависит от требований к качеству собираемых патронов.

В процессе обжима на корпусе гильзы образуются следы стенок матрицы в виде мелких динамических трасс, параллельных оси. Количество и выраженность этих следов зависят от степени износа поверхностей матрицы: чем выработка матрицы значительнее, тем больше следов [8, с. 37–38]. Максимальное количество следов обжимной матрицы отображается на дульцах гильз бутылочной формы, поскольку в этом месте происходит наибольшее раздутие гильзы при выстреле и, соответственно, в момент обжатия возникает более плотный контакт со стенками матрицы (рис. 6).

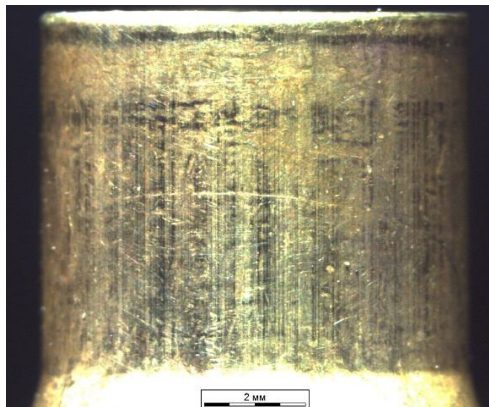

Рис. 6. Следы фулсайз-матрицы на дульце бутылочной гильзы

Следует заметить, что пригодность следов обжимной матрицы для идентификации зависит, прежде всего, от износа ее рабочих поверхностей и должна определяться индивидуально для каждого случая.

Порядок действий при капсюлировании гильзы определяется видом применяемого капсюлятора.

У некоторых гильз, как правило, боевых патронов, капсюля кримпованы, т. е. металл гильзы вокруг капсюля накернен точками или кругом для обеспечения надежности его посадки в тяжелых условиях эксплуатации. Такие гильзы могут быть использованы для снаряжения только после удаления кримпа. Если этого не сделать, возможны затруднения при посадке капсюля либо даже его срабатывание в данный момент. После обработки на кромке капсюльного гнезда остается фаска от режущих поверхностей инструмента, которым удалялся кримп [9, с. 220] (рис. 7).

Рис. 7. Трехточечное (слева) и круговое (в центре) крепление капсюля;
справа – следы удаления кримпа фрезой

Капсюля-воспламенители типа «боксер» производятся четырех видов – большой винтовочный (large rifle, LR), малый винтовочный (small rifle, SR), большой пистолетный (large pistol, LP) и малый пистолетный (small pistol, SP). Размеры больших винтовочного и большого пистолетного совпадают, так же как и малых. Разница заключается в толщине металла колпачков капсюлей (в винтовочных больше) [10, с. 28–31]. Фактически можно говорить о двух размерах капсюлей. По этой причине капсюляторы обычно оснащаются двумя сменными посадочными штоками, выбор которых зависит от размера капсюля.

В процессе монтажа капсюля рабочая поверхность посадочного штока с усилием воздействует на дно колпачка капсюля. При чрезмерном давлении на его поверхности возникает статический след в форме кольца, а при незначительном перекосе капсюля – в виде дуги или полумесяца (рис. 8). В случае более существенного перекоса капсюля в результате защемления колпачка капсюля стенкой капсюльного гнезда образуется сдвиг металла колпачка, так называемая протрузия (рис. 9). Иногда в момент посадки капсюля при его незначительном перекосе с края стаканчика капсюля срезается небольшая стружка, которая прилипает к поверхности посадочного штока. В таком случае на поверхностях капсюлей, смонтированных в последующем, формируются статические следы от этой стружки, проявляющиеся в виде небольших вмятин различной формы [9, с. 217].

Рис. 8. След штока капсюлятора при перекосе капсюля

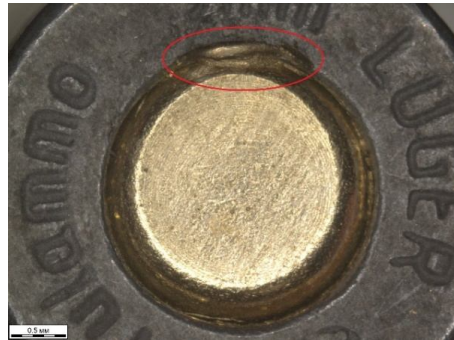

Рис. 9. Защемление металла колпачка капсюля в результате его перекоса при монтаже

С помощью матрицы для капсюлирования, устанавливаемой в прессе, можно регулировать глубину посадки капсюля в капсюльном гнезде. При различных начальных настройках матрицы либо отклонении от предустановленной настройки величина хода посадочного штока будет отличаться, что отражается на глубине посадки капсюлей в снаряжаемые патроны (рис. 10).

Рис. 10. Различная глубина посадки капсюлей в капсюльные гнезда

Способы обработки рабочей поверхности посадочного штока отличаются у разных производителей. Обычно это токарная обработка, но имеются сведения и о шлифовке [11, с. 54]. Естественно, если рабочая поверхность посадочного штока имеет выраженные следы обработки (рис. 11), то особенности ее рельефа могут отобразиться на поверхности колпачка капсюля (рис. 12).

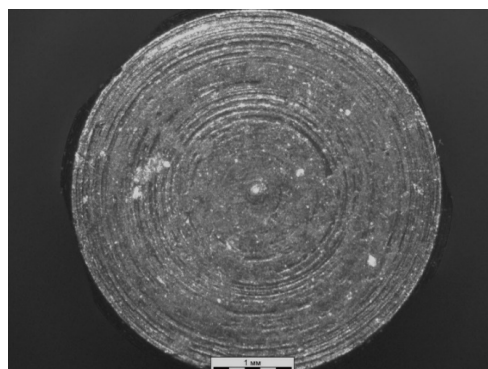

Рис. 11. Рабочая поверхность посадочного штока капсюлятора

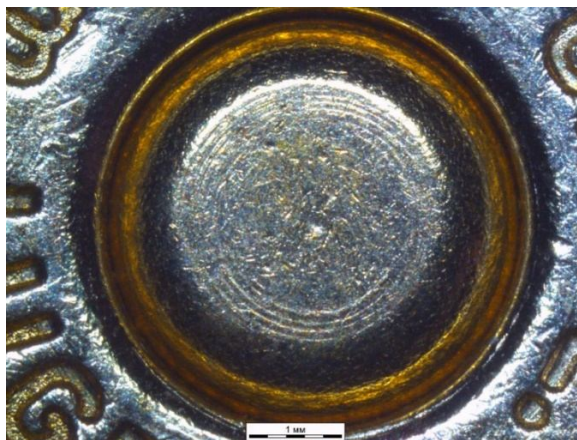

Рис. 12. Следы посадочного штока капсюлятора на капсюле

Отождествление капсюлятора (по факту его посадочного штока) по следам на капсюлях снаряженных гильз следует проводить с учетом потенциала присутствия подклассовых признаков в следах обрабатывающего инструмента на рабочей поверхности посадочного штока. На рисунке 11 видно, что следы обработки состоят из характерных для токарной обработки концентрических трасс. Некоторые из них непрерывны по всей поверхности, а значит, могут составлять подклассовые признаки. Многие трассы, наоборот, прерываются в результате случайного отрыва стружки или изменения режущей кромки инструмента в этой части при изготовлении штока. Независимо от причины разрывы препятствуют воспроизведению таких признаков как подклассовых, и следы можно считать пригодными для идентификации (рис. 13).

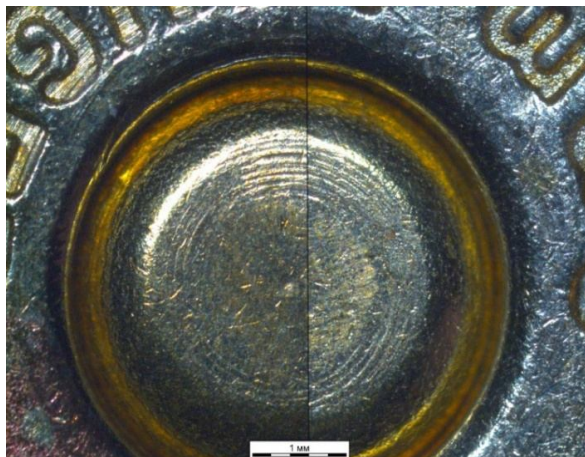

Рис. 13. Совмещение следов посадочного штока капсюлятора на капсюлях двух гильз

При выполнении операций в матрице основание шеллхолдера (гильзодержателя) воздействует на торец донной части гильзы. В результате возникающего давления в этой части гильзы иногда отображаются статические следы в форме

незамкнутого кольца от контакта с шеллхолдером (рис. 14). В случае если для помещения гильзы в шеллхолдер требуется приложить некоторое усилие, в ее кольцевой проточке от переднего края паза образуются два динамических следа в виде царапин, параллельных торцу донной части гильзы.

При капсулировании и декапсулировании гильзы в матрице, а также извлечении ее из матрицы, например после обжатия или посадки пули, на поверхности фланца могут образоваться два статических следа верхних краев паза в шеллхолдере (рис. 15). Следы имеют форму сегмента, одна часть следа более выражена, а угол между ними составляет примерно 180°.

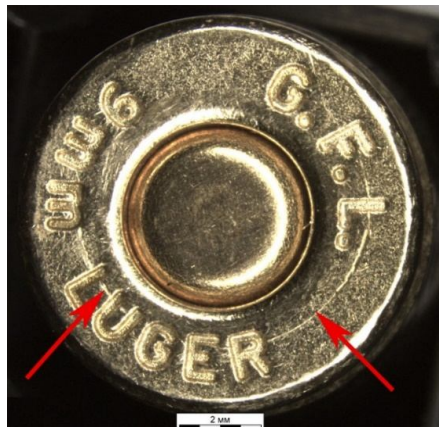

Рис. 14. Статический след шеллхолдера на торце донной части гильзы

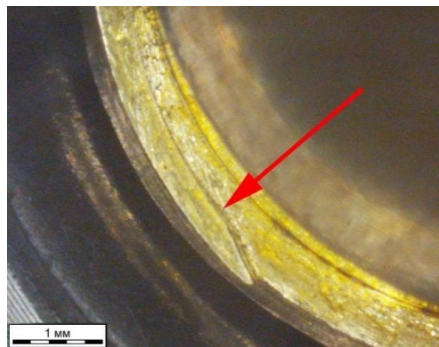

Рис. 15. Один из двух статических следов от шеллхолдера на поверхности фланца гильзы

Обычно идентификационного значения все следы рабочих поверхностей шеллхолдера не имеют, поскольку не содержат устойчивого комплекса частных признаков, позволяющих отождествить это приспособление.

Для предотвращения негативного воздействия влаги на иницирующий состав капсюля рекомендуется производить герметизацию стыка колпачка капсюля и стенок капсюльного гнезда гильзы, которая обеспечивается нанесением специального лака¹. Внешний вид этого герметизирующего покрытия может служить

¹ Обычно применяют цапонлак.

признаком, указывающим на самостоятельное снаряжение патронов: лаковое покрытие бывает неоднородным по цвету, нанесенным неравномерно и неаккуратно либо совсем отсутствует. В некоторых случаях на краю капсюльного гнезда повторно снаряженной гильзы можно наблюдать остатки старого герметизирующего покрытия, которого нет на самом капсюле (рис. 16).

Рис. 16. Герметизирующее покрытие капсюля на самостоятельно снаряженных патронах (на первой справа гильзе имеются остатки старого покрытия, на второй справа оно полностью отсутствует)

После обработки среза гильзы ручной фрезой на его внешней и внутренней поверхностях остаются характерные следы (рис. 17, 18).

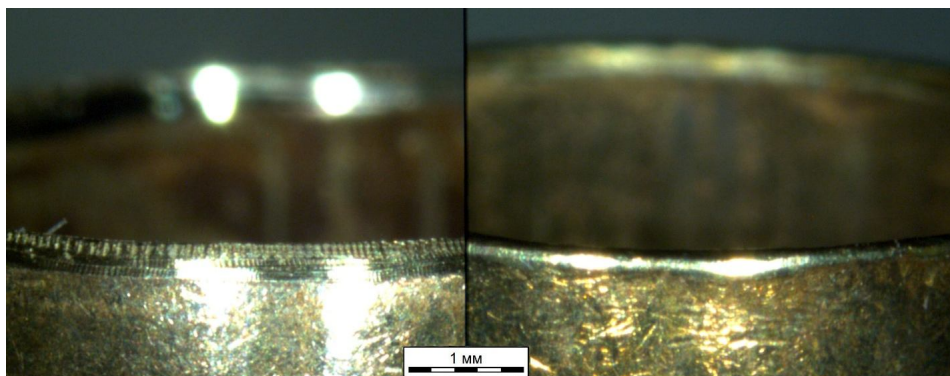

Рис. 17. Следы обработки ручной фрезой среза гильзы с внешней стороны (слева) и необработанный срез гильзы (справа)

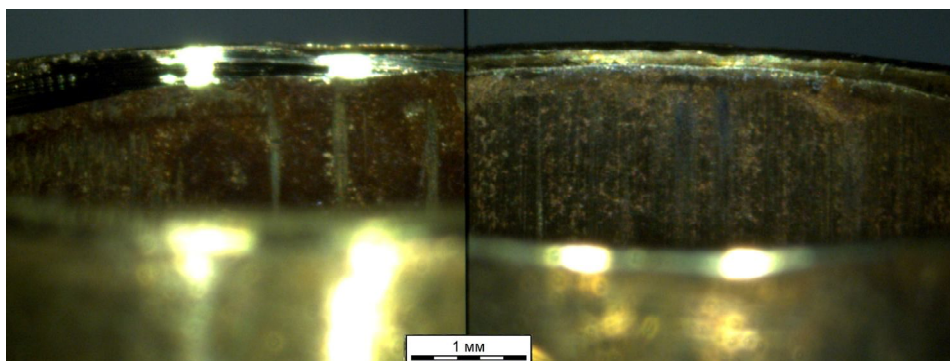

Рис. 18. Следы обработки ручной фрезой среза гильзы с внутренней стороны (слева) и необработанный срез гильзы (справа)

При неаккуратной подрезке гильзы ее срез получается неровным, на нем имеются небольшие заусенцы и концентрические следы режущего инструмента (рис. 19).

Рис. 19. Обработка среза гильзы

При релоадинге многие операции выполняются посредством матриц, в которых конструктивные элементы гильзы и части пули взаимодействуют с рабочими поверхностями матриц.

Практика исследования самостоятельно снаряженных патронов показывает, что посадочные и кримповочные матрицы оставляют на пулях и гильзах характерные следы, которые содействуют определению способа изготовления патронов и имеют потенциал для идентификации этих инструментов.

Одной из ответственных операций снаряжения патрона является посадка пули в гильзу посредством посадочной матрицы. При помещении пули в цилиндрические гильзы в некоторых случаях на их корпусах образуются динамические следы в виде группы мелких и параллельных оси гильзы трасс. Формируются эти следы при небольшом перекосе гильзы в матрице в момент движения рабочего штока пресса, когда она своим корпусом соприкасается со стенками внутренней полости матрицы. Например, при снаряжении гильз патронов 9 × 19 тяжелыми пулями FMJ (масса 9,6 г) данные следы располагаются в верхней половине корпуса (рис. 20), но их локализация по периметру непостоянна, что затрудняет использование следов для отождествления матрицы, поскольку проблематично получить соответствующие экспериментальные следы, необходимые для сравнительного исследования. В то же время имеются сведения, что при снаряжении гильз патронов 9 × 19 обычными пулями FMJ (масса 7,46 г) на корпусах гильз могут образовываться стабильные следы стенок посадочной матрицы, пригодные для ее идентификации [9, с. 216]. Вероятно, возможность отображения указанных следов и их устойчивость зависят от индивидуальных характеристик матрицы и квалификации лица, снаряжающего патроны.

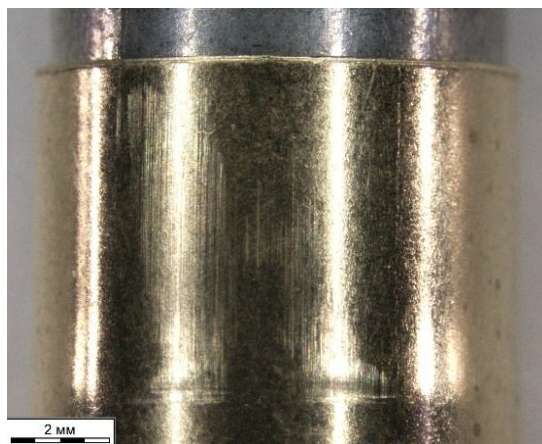

Рис. 20. Следы посадочной матрицы на корпусе гильзы патрона 9 × 19

При посадке пули в гильзу головная часть пули упирается в посадочный конус матрицы, и в результате на ней отображаются достаточно специфические статические следы (рис. 21). На вершинке пули с полусферической или закругленной головной частью образуется след в виде округлой плоскости, а на головной части – в виде кольца. Вместе с тем на вершинке пули может отобразиться слабовыраженный динамический след от поверхности посадочного конуса, состоящий из группы параллельных трасс, которые формируются в момент выравнивания пули в матрице, если она имела небольшой перекосяк (рис. 22). Вариативность признаков в следе высокая, зависит от угла и локализации взаимодействующего участка посадочного конуса с вершинкой пули. Впрочем, в литературе описан случай отождествления посадочной матрицы по ее следам на пуле [12, с. 347–348].

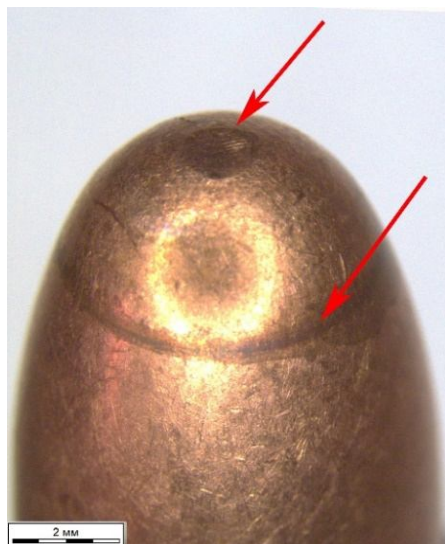

Рис. 21. Следы на вершинке и головной части пули патрона 7,62 × 25 от посадочного конуса матрицы

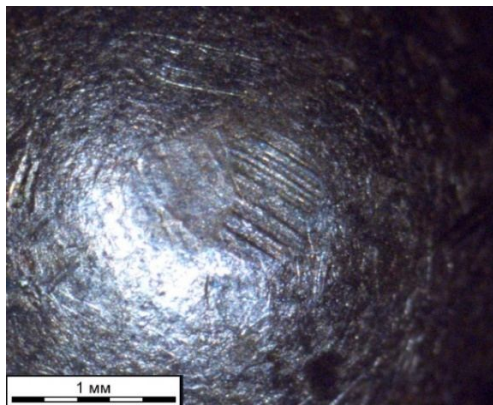

Рис. 22. Динамический след посадочного конуса на вершинке пули патрона 7,62 × 25

Для снаряжения патронов пулями, имеющими укороченную оживальную часть с увеличенной головной частью (типа пули Very Low Drag), должны применяться матрицы с соответствующими посадочными конусами. В случае использования матрицы с обычным посадочным конусом от его края на головной части пули формируется выраженный кольцевой вдавленный след (рис. 23).

Рис. 23. След посадочного конуса на головной части пули

При использовании посадочных матриц с кримповочным кольцом на срезе гильз можно наблюдать следы этого кольца. Характер данных следов зависит от способа обработки внутренней полости матрицы и конструкции гильзы. На бутылочных гильзах следы отображаются в виде параллельных продольных мелких трасс, равномерно распределенных по всему периметру дульца (рис. 24), а на цилиндрических гильзах – в виде концентрических окружностей (рис. 25). Необходимо отметить, что нередко эти следы индивидуальны, содержат комплекс характерных частных признаков и при исключении подклассовых признаков позволяют идентифицировать матрицу (рис. 26, 27).

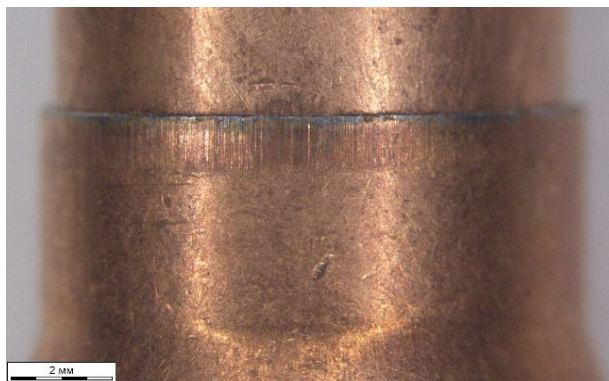

Рис. 24. Следы кримповочного кольца посадочной матрицы на дульце гильзы бутылочной формы патрона 7,62 × 25

Рис. 25. Следы кримповочного кольца посадочной матрицы на срезе гильзы цилиндрической формы патрона 9 × 18

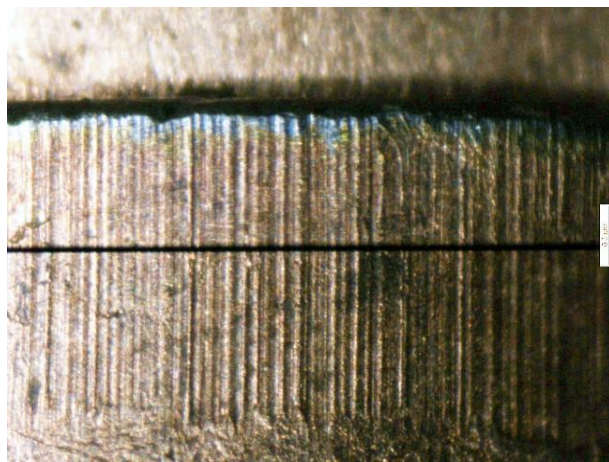

Рис. 26. Совмещение следов кримповочного кольца посадочной матрицы на двух гильзах бутылочной формы патронов 7,62 × 25

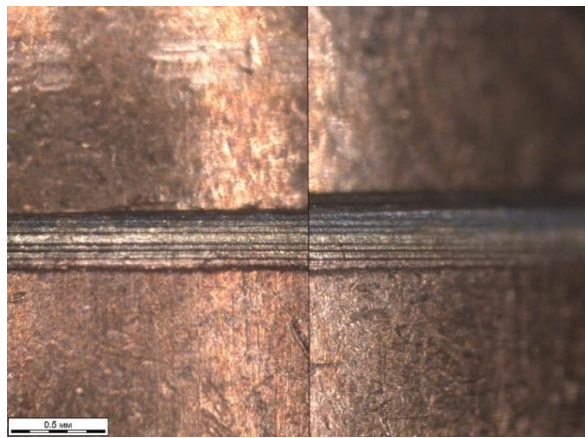

Рис. 27. Совмещение следов кримповочного кольца посадочной матрицы на двух гильзах цилиндрической формы патронов 9 × 18

Кернение, как способ крепления пули в гильзах, редко практикуется в релоадинге. В случае его применения на гильзах можно наблюдать следы повторного кернения в виде вмятин округлой формы (рис. 28).

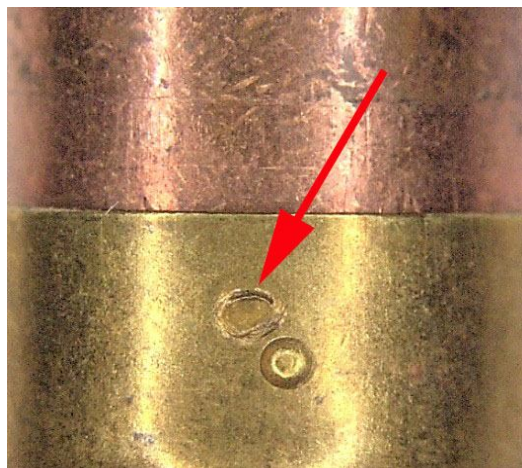

Рис. 28. След повторного кернения на дульце гильзы патрона 7,62 × 25

От цанги депулера на ведущей поверхности пули образуются четыре следа. Каждый след состоит из двух четко выраженных борозд, сформированных краями соседних лепестков цанги. Следы параллельны оси пули, угол между соседними следами составляет порядка 90° (рис. 29). Помимо этих борозд, на ведущей поверхности пули иногда можно наблюдать отдельные слабо выраженные и неустойчивые линейные трассы, не имеющие идентификационного значения. Возможность отождествления депулера по следам его цанги исключать не следует при условии наличия в них устойчивых индивидуальных признаков.

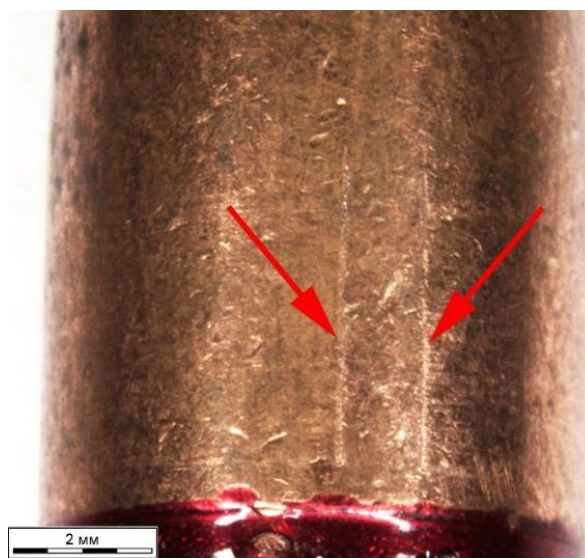

Рис. 29. Следы цанги депулера на ведущей поверхности пули патрона 7,62 × 54R

О повторной посадке пули в гильзу можно судить по следам от внутренней кромки среза гильзы, которые образуются на ведущей части пули при депулировании патрона (рис. 30) и представляют собой множественные мелкие параллельные трассы, опоясывающие ведущую часть пули. При недостаточной глубине посадки пули их можно наблюдать около среза гильзы.

Рис. 30. Следы от внутренней кромки среза гильзы

После обтачивания дульца гильзы на нем остаются динамические следы в виде кольцевых трасс (валиков и бороздок) от резца точилки (рис. 31). Эта операция осуществляется в два этапа: сначала дульце обтачивается без захода на скат гильзы, затем с небольшим заходом. Если обтачивание выполнено в один этап – без захода на скат, то после выстрела на внутренней поверхности гильзы в месте перехода дульца в скат образуется кольцевое вздутие металла, так называемый бублик.

Рис. 31. Обточенные дульца гильз
(на гильзе *слева* дульце обточено без захода на скат, на гильзе *справа* – с заходом)

Кроме исследований поверхностей элементов патронов на предмет потенциального присутствия следов патронно-сборочного оборудования, диагностированию способа их снаряжения могут способствовать конструктивные особенности, маркировочные обозначения на гильзах и особенности упаковки снаряженных патронов.

Достаточно часто в процессе релоадинга используют пули и гильзы разных производителей, которые совместно никогда не применяются предприятиями – изготовителями патронов. Например, гильзы патронов 7,62 × 25 фирмы Sellier & Bellot (Чехия) могут снаряжаться пулями типа Round Nose (RN) в исполнении Hi Speed (HS) производства Haendler & Natermann Sport GmbH (Германия). В то же время в патронах вышеуказанной чешской фирмы никогда не встречаются подобные пули, в связи с чем в отдельных случаях целесообразно определить номенклатуру комплектующих (в особенности типов пуль), которые применяются в производственном процессе на патронных предприятиях. Для выяснения этого факта следует обращаться к официальным источникам производителей патронов (сайтам, каталогам и т. п.).

Глубина посадки пули в гильзу зависит от настройки посадочной матрицы. Настройка матрицы должна производиться с учетом максимальной длины патрона (англ. C.O.L. – cartridge overall length), превышать которую не рекомендуется [13, с. 68].

Длина патронов промышленного производства определяется в технической документации предприятия-изготовителя применительно к рекомендациям ПМК¹ и может варьироваться только в пределах заданного допуска на требуемый размер.

При неточной регулировке матрицы либо изменении ее предварительной настройки глубина посадки пуль в патронах может существенно отличаться, что непосредственно отражается на их длине. Такие различия иногда можно выявить визуально даже без применения измерительных инструментов (рис. 32).

¹ Постоянная международная комиссия по испытанию ручного огнестрельного оружия (Commission internationale permanente pour l'épreuve des armes à feu portatives).

Рис. 32. Патроны 9 × 19 с разной глубиной посадки пуль

Для уменьшения стоимости патрона либо при отсутствии требуемых пуль стрелки иногда практикуют их самостоятельное изготовление из свинца, заливаемого в специальные формы – пулелейки. Подобными безболочечными пулями обычно снаряжаются пистолетные патроны (рис. 33). Современные пистолетные патроны в заводских условиях свинцовыми пулями не снаряжаются¹.

Рис. 33. Патроны 9 × 19, снаряженные свинцовыми пулями

¹ В последнее время некоторые производители патронов освоили производство свинцовых пуль с полимерными покрытиями для снаряжения пистолетных и револьверных патронов.

Маркировка на торце донной части гильзы является важным источником информации о способе снаряжения патрона. Например, некоторые зарубежные предприятия производят гильзы исключительно для самостоятельного снаряжения патронов. Наиболее известной среди них является Starline Brass (г. Седали, США). На гильзы, произведенные этой фирмой, наносится маркировка в виде двух пятиконечных звезд с дугой между ними и наименованием патрона (рис. 34).

Рис. 34. Гильза производства фирмы Starline Brass

В руководствах по снаряжению патронов для разных марок порохов и типов пуль приводятся данные о необходимой массе заряда. Но приобрести порох требуемой марки не всегда представляется возможным, что вынуждает применять для снаряжения пороха несоответствующих марок. Данный факт можно установить при демонтаже патронов (рис. 35).

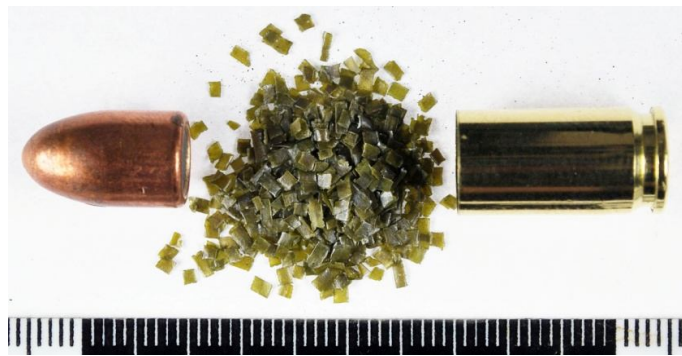

Рис. 35. Патрон 9 × 19, снаряженный ружейным порохом марки «Сокол»

Одним из признаков, косвенно указывающих на самостоятельное снаряжение патронов, является их размещение в специальных пластиковых кейсах для патронов, плашках или заводских упаковках, на которые нанесена маркировка о дате снаряжения, калибре и количестве патронов, марке и массе пороха, типе и массе пули, ее производителе, марке капсюля, количестве циклов переснаряжения патронов, материале гильзы и т. п. (рис. 36). Кроме этого, в одну упаковку могут быть помещены неоднородные патроны, либо тип размещенных патронов не соответствует коробке.

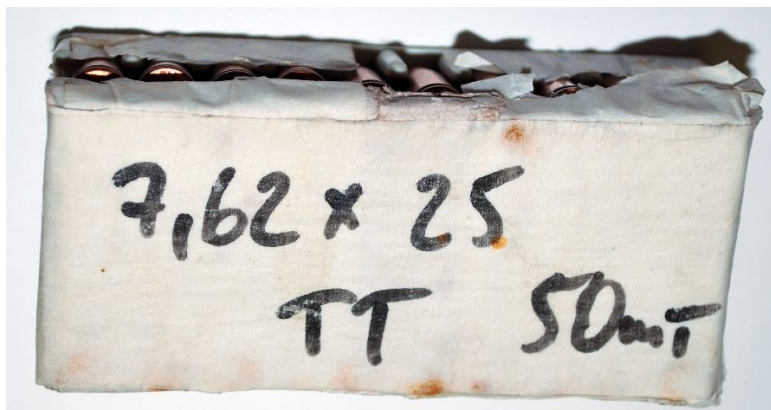

Рис. 36. Упаковка самостоятельно снаряженных патронов

Заключение. Инструменты и приспособления, применяемые в процессе релоадинга, образуют различные следы на элементах патронов. Возможность появления следов зависит от типа патронно-сборочного оборудования, его состояния, качества и свойств элементов снаряжения, а также квалификации лица, проводящего сборку патронов. В процессе исследования при наличии определенного опыта эксперт может выявить признаки самостоятельного снаряжения патронов и отличить их от патронов заводского производства. Но все же необходимо признать, что при качественном и аккуратном самостоятельном снаряжении патронов сделать это не всегда удается.

Наличие и характер следов зависят от конструктивных особенностей и состояния рабочих поверхностей патронно-сборочного оборудования. В процессе его изготовления, главным образом при эксплуатации, возникают различные дефекты на контактирующих с элементами патронов поверхностях, которые обуславливают образование следов и индивидуальных признаков, позволяющих классифицировать сборочный инструмент и нередко отождествить его.

Конструктивные особенности патронов, маркировочные обозначения на гильзах и специфика упаковки собранных патронов также могут быть использованы в качестве признаков, способствующих определению способа изготовления патрона.

Список источников

1. Гвоздкова Л. С. Механизм слеодообразования на гильзах в процессе их пере-снаряжения при многократном использовании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. Т. 16, № 2. С. 229–233.

2. Гвоздкова Л. С. Возможности криминалистического исследования следов на стреляных гильзах при их многократном использовании (на примере охотничьих патронов .300 Win Mag, .338 LM и 5,6 × 39) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. Т. 18, № 2. С. 213–216.

3. Гвоздкова Л. С. Криминалистическое исследование микрорельефа гильз охотничьих патронов, подвергшихся переснаряжению // Судебная экспертиза. 2019. № 3 (59). С. 90–101.
4. Гвоздкова Л. С., Гвоздков С. Н., Грабовец Е. Е. Особенности идентификации оборудования релоадинга по следам на переснаряженных гильзах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. Т. 22, № 2. С. 196–200.
5. Становая О. В. Различные способы изготовления самодельных патронов и их отличительные признаки // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 120–129.
6. Bruce I. Previous cycling/firing marks, reloading marks and primer marks on Winchester 9 × 19 mm remanufactured ammunition // AFTE Journal. 2014. Vol. 46, № 2. P. 152–156.
7. Абдулин К. А. Самостоятельное снаряжение патронов для спортивного и охотничьего длинноствольного оружия с нарезным стволом: пособие для начинающих. Москва: Бухгалтерия и банки, 2019. 59 с.
8. Lavoy T., Willmer J. Tool markings from a reloading die // AFTE Journal. 1979. Vol. 11, № 2. P. 37–38.
9. McCombs N. D., Hamman J. Recognizing reloaded ammunition: an examination and evaluation of reloading marks // AFTE Journal. 2016. Vol. 48, № 4. P. 215–222.
10. Massaro P. Shooter's guide to reloading. Iola: F+W Media, Inc.: Krause Publications, 2014. 254 p.
11. Dyvesveen G. Identification of toolmarks from a priming tool in reloaded ammunition // AFTE Journal. 2000. Vol. 32, № 1. P. 54–55.
12. Murphy P. Reloading die marks on bullet nose and positive identification with bullet seating die // AFTE Journal. 1998. Vol. 30, № 2. P. 347–348.
13. Handbook of cartridge reloading. 10th ed. Hornady Manufacturing Company, 2016. 1024 p.

References

1. Gvozdikova L. S. The mechanism of formation of a trace on cases during reloading when repeated use. Izvestiya of Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Law, 229–233, 2016. (In Russ.).
2. Gvozdikova L. S. Opportunities for forensic examination of traces on spent cartridges when they are used repeatedly (for example, hunting cartridges .300 Wim Mag, .338 LM и 5,6 × 39). Izvestiya of Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Law, 213–216, 2018. (In Russ.).
3. Gvozdikova L. S. Forensic investigation of microrelief of hunter's cartridges cases subjected to reloading. Forensic examination, 90–101, 2019. (In Russ.).
4. Gvozdikova L. S., Gvozdikov S. N., Grabovec E. E. Capabilities of reloading equipment identification by traces on reload cases. Izvestiya of Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Law, 196–200, 2022. (In Russ.).
5. Stanovaia O. V. Various methods of producing homemade cartridges and their distinctive features. Forensic examination, 120–129, 2019. (In Russ.).

6. Bruce I. Previous cycling/firing marks, reloading marks and primer marks on Winchester 9 × 19 mm remanufactured ammunition. *AFTE Journal*, 152–156, 2014. (In Eng.).
7. Abdullin K. A. Independent ammunition equipment for sports and hunting long-barreled weapons with a rifled barrel. A handbook for beginners. Moscow: Ed. House Accounting and banks; 2019: 59. (In Russ.).
8. Lavoy T., Willmer J. Tool markings from a reloading die. *AFTE Journal*, 37–38, 1979. (In Eng.).
9. McCombs N. D., Hamman J. Recognizing reloaded ammunition: an examination and evaluation of reloading marks. *AFTE Journal*, 215–222, 2016. (In Eng.).
10. Massaro P. Shooter's guide to reloading. Iola: F+W Media, Inc.: Krause Publications; 2014: 254. (In Eng.).
11. Dyvesveen G. Identification of toolmarks from a priming tool in reloaded ammunition. *AFTE Journal*, 54–55, 2000. (In Eng.).
12. Murphy P. Reloading die marks on bullet nose and positive identification with bullet seating die. *AFTE Journal*, 347–348, 1998. (In Eng.).
13. Handbook of cartridge reloading. 10th ed. Hornady Manufacturing Company; 2016: 1024. (In Eng.).

Кокин Андрей Васильевич,

профессор кафедры оружейведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент;
avksudbal@mail.ru

Kokin Andrey Vasilievich,

professor of the department of weapons studies and toolmarks
of the scientific forensic complex
of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical science, associate professor;
avksudbal@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.982.4
doi: 10.25724/VAMVD.A106

**О НАУЧНОЙ ОБОСНОВАННОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ
ЭКСПЕРТНЫХ ВЫВОДОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ**

Наталья Николаевна Шведова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
nshvedova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы современной экспертной практики исследования изображений реквизитов документов при производстве судебно-почерковедческих и технико-криминалистических экспертиз. Проводится анализ таких основополагающих критериев экспертных выводов, как научная обоснованность и достоверность, изучена семантика распространенных терминов «изображение», «имитация» в контексте исследуемой проблемы. Отмечается, что, поскольку любые изображения рукописных реквизитов не могут считаться предметом судебно-почерковедческой экспертизы, выводы по результатам их исследования в рамках судебно-почерковедческой экспертизы в настоящее время нельзя принимать за научно обоснованные и достоверные. Обращается внимание, что при использовании электрофотографического способа воспроизведения изображений происходит значительное искажение диагностических и идентификационных признаков таких реквизитов, как рукописные записи (подписи) и оттиски печатей, что не позволяет достоверно их исследовать. В качестве одного из распространенных заблуждений указывается на нарушение принципа сопоставимости сравниваемых объектов. Автор делает вывод, что для преодоления существующих проблем потребуется пересмотр коренных методологических положений судебного почерковедения и технико-криминалистического исследования документов, для чего необходимо объединение усилий ведущих ученых в области судебной экспертизы.

Ключевые слова: реквизиты документов, научная обоснованность экспертных выводов, судебно-почерковедческая экспертиза, технико-криминалистическая экспертиза документов, изображение, имитация, электрофотографический способ воспроизведения изображений

Для цитирования: Шведова Н. Н. О научной обоснованности и достоверности экспертных выводов по результатам исследования изображений реквизитов документов // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 64–72. doi: 10.25724/VAMVD.A106

© Шведова Н. Н., 2023

**ON THE SCIENTIFIC VALIDITY AND CREDIBILITY
OF EXPERT CONCLUSIONS BASED ON THE RESULTS
OF EXAMINATION OF IMAGES OF DOCUMENT DETAILS**

Natalia Nikolaevna Shvedova,

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, nshvedova@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the current problems of modern expert practice of examining images of document details when conducting forensic handwriting and forensic technical examinations. The author analyzes such fundamental criteria of expert conclusions as their scientific validity and credibility and studies the semantics of such widespread terms as "image" and "imitation" in the context of the problem being studied. It is also noted that since any images of handwritten details can't be considered as a subject of forensic handwriting examination, the conclusions based on the results of their examination can't be currently considered as scientifically valid and credible. Special attention is drawn to the fact that the electrophotographic method of image reproduction leads to a significant distortion of diagnostic and identification signs of such details as handwritten notes (signatures) and seal impressions, which makes it impossible to reliably examine them. Violation of the principle of comparability of objects to be compared is indicated as one of the common misconceptions. The author comes to the conclusion that to overcome the existing problems it will be necessary to revise key methodological provisions of forensic handwriting and forensic technical examinations of documents. In its turn, it will require joint efforts of leading scientists in the sphere of forensic examination.

Keywords: document details, scientific validity of expert conclusions, forensic handwriting examination, forensic technical examination of documents, image, imitation, electrophotographic method of image reproduction

For citation: Shvedova N. N. On the scientific validity and credibility of expert conclusions based on the results of examination of images of document details. Forensic Examination, 64–72, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A106

Тотальная цифровизация коснулась практически всех сфер человеческой деятельности, во многом заменив привычные формы коммуникации и документооборота на их электронные аналоги. Тем не менее документы на материальных носителях, информация в которых зафиксирована знаками письменности, т. е. письменные документы, остаются востребованными в решении управленческих, организационных, юридических и иных вопросов. Составление письменных документов выполняется по определенным правилам, одним из которых является использование обязательных элементов оформления, именуемых реквизитами¹. Именно реквизиты письменных документов – чаще всего встречающиеся

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: нац. стандарт РФ: дата введения 2014-03-01. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; ГОСТ Р 7.0.97-2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов: нац. стандарт РФ: дата введения 2018-07-01. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

объекты, исследуемые при производстве судебно-почерковедческой и технико-криминалистической экспертиз документов в целях установления тождества личности исполнителя, определения способа и последовательности нанесения, факта и способа частичной и полной подделки. Содержание понятия «реквизиты документа» с правовой точки зрения анализировалось различными учеными, однако наиболее полно оно рассмотрено в работе В. Е. Ляпичева и А. В. Досовой [1, с. 20–22]. Авторы выделили две основные функции реквизитов – удостоверительную и защитную, что объясняется многочисленными фактами преступных посягательств, сопряженных с подделкой формы и содержания реквизитов письменных документов.

Чаще всего подвергаются фальсификациям подписи, оттиски удостоверительных печатных форм, текстовые реквизиты, причем злоумышленники прибегают к различным способам и техническим средствам. Наиболее распространенной и доступной среди них является технология электрофотографической печати, реализуемая в устройствах принтерного типа и МФУ. Возможности такого оборудования, позволяющие не только копировать документы на материальных носителях, но и распечатывать документы, представленные в электронной форме, нередко применяются в противоправных целях. Известно, что данный способ используется для маскировки ранее выполненных изменений в документе [2, с. 52], а также изготовления «копий» несуществующих документов путем макетирования в одном файле изображений реквизитов из разных документов с последующей распечаткой, что, по сути, относится к способам фальсификации письменных доказательств (ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации), число которых неуклонно растет¹. Особенно остро указанная проблема связана с активным вовлечением в судопроизводство копий документов, которые представляются в качестве доказательств. Бывал случай, когда подпись должностного лица в процессуальном документе была неоднократно использована для изготовления подложных документов путем цифрового монтажа. Между тем в рамках судебно-почерковедческой экспертизы, назначенной по таким документам, был дан категорический положительный вывод о тождестве личности исполнителя. Нередки ситуации, связанные с использованием совокупности изображений реквизитов из подлинного документа (резолуции, даты, подписи, оттиска печати) для компоновки макета нового «документа», распечатка которого выдается за копию оригинала, который якобы утрачен.

На актуальность проблемы экспертного исследования изображений рукописных реквизитов в так называемых копиях документов неоднократно обращали внимание ученые и специалисты в области судебной экспертизы различной ведомственной принадлежности [3–6], причем в разные годы точки зрения на проблему менялись на диаметрально противоположные. На сегодняшний день экспертная практика пошла по пути решения идентификационных экспертных задач по изображениям реквизитов в документах, изготовленных электрофотографическим способом, что вызывает сомнения в научной обоснованности и достоверности получаемых выводов.

¹ Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 12.03.2023).

Требования к научной обоснованности экспертных исследований закреплены в тексте ст. 8 Федерального закона, регламентирующего государственную судебно-экспертную деятельность¹, и считаются необходимыми для каждого экспертного заключения. По справедливому замечанию Т. В. Аверьяновой, оценка научной обоснованности заключения эксперта является обязательным элементом оценки его достоверности, при которой выясняется «научная обоснованность применяемых методов, средств, методик исследования; правильность и правомерность использования последних; логичность умозаключений эксперта; полнота и обстоятельность проведенного исследования; правильность выявленных экспертом признаков и, как результат, обоснованность сделанных им выводов» [7, с. 462].

Очевидно, что для получения научно обоснованных выводов судебный эксперт должен четко представлять соответствие предмета и объекта конкретной экспертизы методологическим основам определенного вида экспертиз. Имеющиеся на сегодняшний день научно-методические издания, предназначенные для подготовки специалистов в области судебного почерковедения, однозначно определяют в качестве объекта судебно-почерковедческой экспертизы рукописи (рукописные тексты, краткие записи, подписи) [8, с. 11–12; 9, с. 17–18], а рукописный способ выполнения таких объектов особо выделяется в определении подписи как удостоверительного знака авторами работы, посвященной криминалистическому исследованию подписи [10, с. 7–8].

С чем же имеет дело эксперт, получая на экспертизу документ с изображениями рукописных реквизитов или оттисков удостоверительных печатных форм? Обратившись к словарям, заметим, что под изображением понимается предмет, рисунок, изображающий что-либо, воспроизведение чего-либо [11, с. 242], т. е. то, что было воспроизведено, имитировано. Имитировать что-либо означает воспроизводить с возможной точностью, подражать [11, с. 245], т. е. частично изображать, а не отображать полностью. В качестве синонима к слову «имитация» называются понятия «подражание, подделка» [12, с. 162]. Такой краткий семантический анализ терминологии, используемой в судебной экспертизе письменных документов, позволяет считать, что в имитациях реквизитов, каковыми являются их изображения, по определению не могут отображаться в полном объеме свойства исходного реквизита. Например, независимо от способа выполнения имитации рукописного реквизита (записи, подписи) в ней не проявляются в полном объеме особенности процесса письма, основанного на реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков, что не позволяет считать такие «изображения» рукописью и признавать предметом судебно-почерковедческой экспертизы, исходя из его трактовки в соответствующем Национальном стандарте². Точно так же при воспроизведении (имитировании) оттисков удостоверительных печатных форм с помощью цифровых печатающих устройств в получаемых распечатках не отображается либо существенно искажается большая часть идентификационных признаков, что делает невозможной дачу объективных и достоверных выводов.

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² ГОСТ Р 59508-2021. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения: нац. стандарт РФ: дата введения 2021-09-01. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

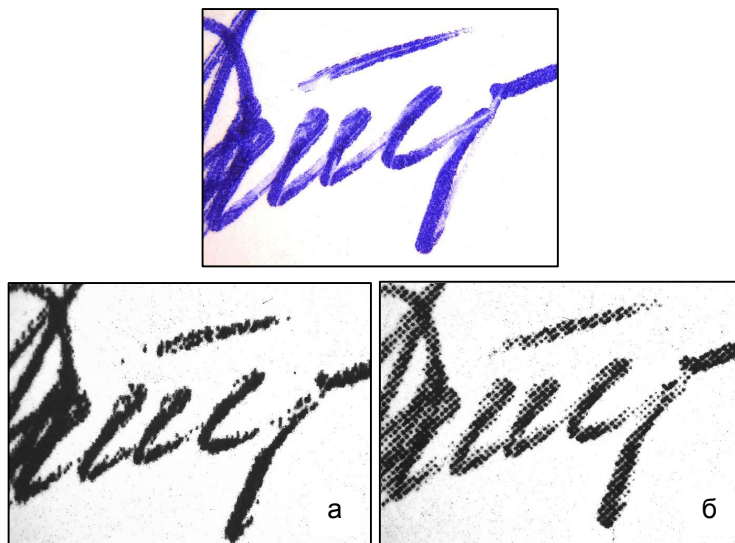

Рис. 1. Искажение признаков подписного почерка в изображениях подписи, выполненных электрофотографическим способом: а – прямого копирования рукописного оригинала; б – распечатки смонтированного файла

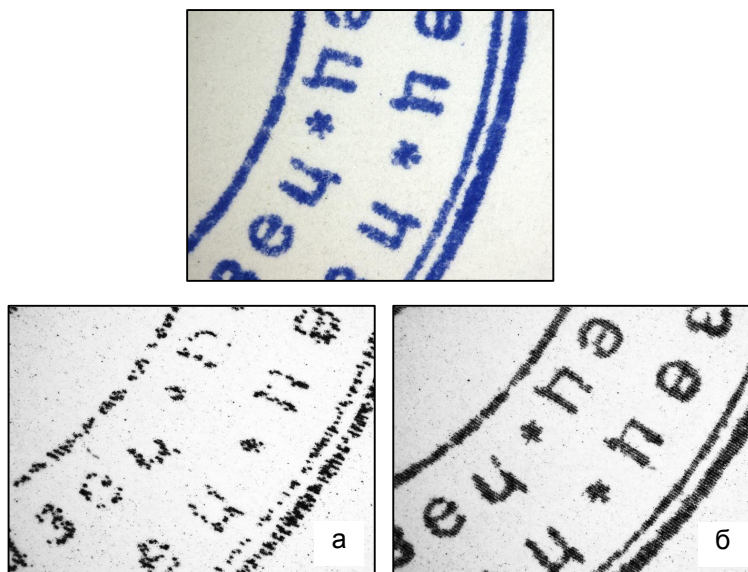

Рис. 2. Искажение морфологической картины диагностических и идентификационных признаков удостоверительной печатной формы в изображениях оттисков печати), выполненных электрофотографическим способом: а – прямого копирования в режиме «текст»; б – прямого копирования в режиме «фото»

В качестве примера приведем несколько иллюстраций, демонстрирующих искажения идентификационных признаков почерка (рис. 1) и частных признаков удостоверительной печатной формы (рис. 2), возникающие при электрофотографическом способе нанесения изображений.

В связи с вышесказанным сегодня особенно актуален вопрос о сопоставимости объектов сравнения при проведении идентификационных экспертиз. Бесконтрольное внедрение в процессуальную деятельность цифровых технологий фиксации изобразительной информации негативно сказывается на экспертной практике исследования реквизитов документов: все чаще проводится сравнение заведомо несопоставимых объектов – копий подписей с рукописными образцами подписей предполагаемого исполнителя, фотоизображений реквизитов документов в виде цифровых файлов, полученных с помощью различных гаджетов, с образцами той же природы и пр. Такая ситуация противоречит содержанию самого метода сравнения, одним из условий которого является однородность сравниваемых объектов и их характеристик. На важность соблюдения условия сопоставимости при проведении сравнительного исследования указывал Р. С. Белкин, подчеркивая, что «содержание и значение сравниваемых объектов познаются не только в процессе их отдельного изучения и оценки, сколько посредством их сопоставления. Следовательно, объекты сравнения должны быть сопоставимы, т. е. обладать признаками, общими для данных объектов» [13, с. 349]. Сопоставимость как приоритетное требование, предъявляемое к образцам в судебно-почерковедческой экспертизе, выделяет В. Ф. Орлова [14, с. 141–146], а Н. П. Майлис отмечает, что сопоставимость образцов заключается в воспроизведении однородных признаков в том же виде и объеме, что и признаки в исследуемом объекте [15, с. 46]. Представляется, что соблюдение принципа сопоставимости сравниваемых объектов в судебной экспертизе является одним из условий недопущения экспертных ошибок и дачи обоснованных и достоверных выводов при исследовании копий (изображений, имитаций).

Таким образом, выводы по результатам судебно-почерковедческих исследований изображений почерковых объектов в документах возможно считать научно обоснованными и достоверными лишь при условии преодоления следующих проблем методологического характера:

1. Теоретическое обоснование относимости изображений почерковых объектов к объектам судебно-почерковедческой экспертизы наравне с рукописями.
2. Определение влияния различных способов получения изображения на отображение идентификационных признаков почерка (подписи) исполнителя в копиях почерковых объектов.
3. Определение однозначных диагностических признаков способов получения изображения почеркового объекта – прямого копирования или распечатки из смонтированного файла.
4. Разработка системы методических предписаний по установлению факта наличия/отсутствия признаков технической подделки почерковых объектов по их изображениям. При невозможности – исключение из методики судебно-почерковедческого исследования подписей этапа установления факта технической подделки.

5. Обоснование возможности проведения сравнительного исследования объектов судебно-почерковедческой экспертизы, несопоставимых по способу нанесения (рукописный, нерукописный).

Представляется весьма сомнительной сама возможность такого глобального пересмотра методологических положений судебного почерковедения и технико-криминалистического исследования документов в ближайшее время. Не исключено, что даже в результате объединения усилий ведущих ученых в области теории и практики судебной экспертизы всех заинтересованных ведомств подобные перемены будут достигнуты лишь в отдаленном будущем.

Список источников

1. Ляпичев В. Е., Досова А. В. Правовые и криминалистические аспекты комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами: учеб.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 124 с.
2. Шведова Н. Н., Досова А. В. О возможностях установления фактов подделки документов, выполненных с использованием цифровых электрографических печатающих устройств // Судебная экспертиза. 2022. № 2 (70). С. 48–55.
3. Куранова Е. А., Розанкова Е. В., Соколов С. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов: информ. письмо. Москва: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. 10 с.
4. Ефремова М. В., Орлова В. Ф., Старосельская А. Д. Производство судебно-почерковедческих экспертиз подписей по электрофотографическим копиям: информ. письмо // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 157–165.
5. Исмадова Т. И., Шведова Н. Н., Кочеров М. В. Некоторые особенности методики исследования копий почерковых объектов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 218–223.
6. Волкова С. В. Почерковедческое исследование изображений реквизитов документов, изготовленных с помощью копировально-множительной техники // Вопросы экспертной практики. 2016. № 1. С. 1–12.
7. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. Москва: Норма, 2006. 480 с.
8. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под общ. ред. В. В. Серегина. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 352 с.
9. Криминалистика. Исследование документов: учеб. пособие для вузов / отв. ред. М. В. Бобовкин. Москва: Юрайт, 2017. 226 с.
10. Почерковедение и почерковедческая экспертиза. Криминалистическое исследование подписи: учеб. пособие / под общ. ред. В. Ю. Федоровича. Москва: Юрайт, 2023. 142 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2004. 994 с.
12. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практ. справ. 11-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 2001. 586 с.
13. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Москва: Юрист, 1997. 408 с.

14. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика: учеб. пособие. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. 158 с.

15. Майлис Н. П., Одиноккина Т. Ф., Соколова О. А. Трасология: учебник / под ред. Н. П. Майлис. Москва: Щит-М, 2011. 328 с.

References

1. Liapichev V. E., Dosova A. V. Legal and forensic aspects of complex forensic examination of documents with changed details. Teaching guide. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2015: 124. (In Russ.).

2. Shvedova N. N., Dosova A. V. On the possibilities of establishing the facts of forgery of documents made using digital electrophotographic printing devices. Forensic Examination, 48–55, 2022. (In Russ.).

3. Kuranova E. A., Rozankova E. V., Sokolov S. V. Expert-criminalistic examination of facsimile copies of handwriting objects. Information letter. Moscow: Expert-Criminalistic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2000: 10. (In Russ.).

4. Efremova M. V., Orlova V. F., Staroselskaia A. D. Conduct of forensic handwriting examinations of signatures by electrophotographic copies. Information letter. Theory and practice of forensic science, 157–165, 2006. (In Russ.).

5. Ismatova T. I., Shvedova N. N., Kocherov M. V. Some peculiarities of the methods for examining copies of handwriting objects. In: Forensic examination: the Russian and international experience. Materials of the International scientific and practical conference. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 218–223. (In Russ.).

6. Volkova S. V. Handwriting examination of images of document details made by means of copiers. Issues of Expert Practice, 1–12, 2016. (In Russ.).

7. Averianova T. V. Forensic examination: the course of general theory. Moscow: Norma; 2006: 480. (In Russ.).

8. Handwriting studies and handwriting examination. Textbook. Ed. by V. V. Seregin. 3rd ed., rev. and add. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 352. (In Russ.).

9. Forensics. Document examination. Study guide for higher education institutions. Ed. by M. V. Bobovkin. Moscow: Yurait; 2017: 226. (In Russ.).

10. Forensic handwriting and graphological examination. Forensic examination of a signature. Study guide. Ed. by V. Yu. Fedorovich. Moscow: Yurait; 2023: 142. (In Russ.).

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., add. Moscow: A TEMP; 2004: 994. (In Russ.).

12. Aleksandrova Z. E. Dictionary of synonyms of the Russian language. Practical handbook. 11th ed., rev. and add. Moscow: Russkii yazyk; 2001: 586. (In Russ.).

13. Belkin R. S. The course of forensics. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Yurist; 1997: 408. (In Russ.).

14. Orlova V. F. Forensic handwriting diagnostics. Study guide. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i Pravo; 2006: 158. (In Russ.).

15. Mailis N. P., Odiноккина T. F., Sokolova O. A. Traceology. Textbook. Ed. by N. P. Mailis. Moscow: Shchit-M; 2011: 328. (In Russ.).

Шведова Наталья Николаевна,

профессор кафедры
основ экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
nshvedova@yandex.ru

Natalia Nikolaevna Shvedova,

professor of the department of foundations
of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, associate professor;
nshvedova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.05.2023; одобрена после рецензирования
05.05.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 02.05.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted
for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.983.7
doi: 10.25724/VAMVD.A107

**ВИДОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КРАБОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Лада Евгеньевна Панасюгина**, *Анастасия Васильевна Полякова**

Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Россия

* lada-ple@mail.ru, ** anastasia.polyakova08@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме установления видовой принадлежности крабов, которые могут являться объектами незаконной добычи и оборота, а также фальсификации пищевых продуктов. В статье приводятся примеры причиненного ущерба государству в результате бесконтрольного вылова камчатского краба, относящегося к ценным видам водных биоресурсов, особенности добычи которого регламентируются законодательством о рыболовстве Российской Федерации.

Показана возможность применения различных методов видовой идентификации крабов в зависимости от типа исследуемого объекта. Описаны особенности анатомического строения и пигментации различных крабов, значимость исследования морфологических признаков при первичном досмотре рыбаков-любителей и судов в море.

Рассмотрены разработки отечественных и зарубежных ученых, предназначенные для установления вида крабов с помощью молекулярно-генетических методов: исследование полиморфизма длины рестрикционных фрагментов рибосомных генов митохондриального генома (мтДНК) в агарозном геле и определение нуклеотидной последовательности участка гена цитохромоксидазы I (COI) мтДНК.

Ключевые слова: крабы, водные биологические ресурсы, незаконная добыча, причинение ущерба, морфологическая и генетическая идентификация

Для цитирования: Панасюгина Л. Е., Поляков А. В. Видовая идентификация крабов: проблемы и пути решения // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 73–82. doi: 10.25724/VAMVD.A107

**SPECIES IDENTIFICATION OF CRABS:
PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Lada Evgenievna Panasyugina**, *Anastasia Vasilyevna Polyakova**

Forensic Science Center of the Ministry of the Interior of Russia,

* lada-ple@mail.ru, ** anastasia.polyakova08@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of establishing the species of crabs, which can be objects of illegal production and trafficking, as well as falsification of food products. The article provides examples of the damage caused to the natural resources

© Панасюгина Л. Е., Полякова А. В., 2023

of the state as a result of uncontrolled fishing of the king crab, which belongs to the valuable species of aquatic biological resources, the specifics of the extraction of which are regulated by the legislation on fishing of the Russian Federation.

The possibility of using various methods of species identification of crabs depending on the type of the object under study is shown. The features of the anatomical structure and pigmentation of various crabs are described as well as the significance of the study of morphological features during the initial inspection of fishermen and ships at sea.

The developments of domestic and foreign scientists designed to identify the species of crabs using molecular genetic methods are considered: studies of the length polymorphism of restriction fragments of ribosomal genes of the mitochondrial genome (mtDNA) in agarose gel and determination of the nucleotide sequence of the mtDNA cytochrome oxidase I (COI) gene region.

Keywords: crabs, aquatic biological resources, illegal harvesting, causing damage, morphological and genetic identification

For citation: Panasyugina L. E., Polyakova A. V. Species identification of crabs: problems and solutions. *Forensic Examination*, 73–82, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A107

Крабы, или короткохвостые раки (лат. *Brachyura*), относятся к отряду десятиногих ракообразных, которые населяют все океаны и моря, а также пресные водоемы нашей планеты. Голова и грудь у краба покрыты плоским и коротким хитиновым панцирем – карапаксом, по бокам от основания рострума (отдела черепа с челюстями) прикрепляются стебельчатые глаза, на передней паре ходильных ног находятся клешни. На сегодняшний день в мире насчитывается около 15 000 видов десятиногих ракообразных, из них 7 000 только крабов.

Во многих странах некоторые виды крабов являются объектами промысла и используются человеком в качестве ценного пищевого продукта.

В Российской Федерации (далее – РФ) крабы составляют основу экспорта ракообразных. Основная доля добычи крабов приходится на Дальневосточный и Северный рыбохозяйственные бассейны – 66,9 и 12,2 % [1]. Наибольшее промысловое значение имеют камчатский и синий крабы (рис. 1), обитающие в Охотском, Японском и Беринговом морях, а также в акватории Баренцева моря.

а

б

Рис. 1. Камчатский краб (а) и синий краб (б)

Камчатский краб относится к особо ценным видам водных биоресурсов, особенности добычи которых регламентируются законодательством о рыболовстве. Основные ограничения и запреты на добычу камчатского краба из морей, омывающих Мурманскую область, установлены Правилами рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна, утвержденными приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 30 октября 2014 г. № 414 (далее – Правила). Правилами запрещен вылов камчатского краба без разрешающих промысел документов: разрешения (путевки), выделенной квоты (объема) на добычу, выданного Баренцево-Беломорским территориальным управлением Федерального агентства по рыболовству при осуществлении прибрежного промысла, организации любительского и спортивного рыболовства.

Правилами также установлен запрет на добычу камчатского краба в период размножения и линьки с 1 января по 15 августа и с 16 декабря до 31 декабря ежегодно, а также вылов в местах нереста и на миграционных путях к местам, к которым относится практически все побережье Баренцева моря (включая губы, заливы и проливы).

В течение года при осуществлении промышленного и прибрежного рыболовства в территориальном море РФ и внутренних морских водах РФ, а также на участке континентального шельфа РФ, ограниченного широтой 68°40' с. ш., с юга, запада и востока – внешней границей территориального моря РФ, запрещается вылов камчатского краба. Нарушение указанных требований о рыболовстве квалифицируется как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов и влечет уголовную ответственность по ст. 256 Уголовного кодекса РФ.

На определенных территориях также могут вводиться временные ограничения на добычу камчатского и синего видов краба. Так, с 20 июня 2021 г. по 31 декабря 2022 г. для рыбаков-любителей и представителей коренных малых народностей был установлен запрет на вылов данных видов в подзоне Приморья. Нарушение распоряжения грозило наложением административного штрафа в размере «от одной второй до одного размера стоимости водных биологических ресурсов, явившихся предметом административного правонарушения, с конфискацией судна и иных орудий совершения административного правонарушения или без таковой», а также выплатой 7 184 руб. в качестве компенсации ущерба за каждый выловленный экземпляр краба камчатского или краба синего. Ограничения были введены с целью сохранения и восстановления популяции этих водных биоресурсов¹.

К «королевскому» типу крабов, кроме камчатского и синего, относятся колючий и равношипый (рис. 2). Во всех странах мира именно эти крабы считаются деликатесом и становятся объектами браконьерства или подмены менее ценными ракообразными (краб четырехугольный волосатый и крабы-стригуны).

¹ О запрете добычи (вылова) камчатского и синего краба в подзоне Приморья. URL: https://primorsky.ru/news/239136/?sphrase_id=5927926 (дата обращения: 18.04.2023).

Рис. 2. Равношипый краб

Предпринимаемые на государственном уровне меры по регулированию вылова крабов, введение ответственности за недобросовестную добычу не останавливают браконьеров. Объем публикаций в СМИ за последние два года показывает размах их деятельности.

Так, сотрудники пограничного управления ФСБ России по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области (ЕАО) пресекли незаконную добычу и оборот более 2 т краба различного видового состава и крабовой продукции¹.

С общим весом около 200 кг крабового мяса был задержан браконьер, который выловил свыше 260 особей краба. Ущерб, нанесенный в результате незаконной добычи, составил около 2 млн руб.

Житель Приморского края был оштрафован на 6,8 млн руб. за незаконный вылов 22 особей горбуши и 480 особей краба камчатского общей массой около 260 кг. Помимо этого, правонарушителя привлекли к административной ответственности по ч. 2 ст. 8.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях (нарушение правил рыболовства)².

В Приморье в подпольном цехе было изъято около 1 тыс. особей членистоногих весом около 0,5 т. Дары моря перерабатывались в антисанитарных условиях для реализации через объявления в сети Интернет или из машины³.

Браконьеру из Мурманской области, незаконно ловившему камчатского краба, назначен штраф в сумме 150 тыс. руб. Его также обязали возместить ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам РФ, на сумму свыше 1,9 млн руб.⁴

Двое жителей Хабаровского края занимались переработкой незаконно добытых водных ресурсов. У нарушителей изъято 325 экз. краба, свыше 165 кг крабовой продукции и 15 кг икры крабов. Ущерб от противоправной деятельности составил

¹ На Дальнем Востоке поймали браконьеров, добывавших краба, гребешка и рыбу. URL: <https://turbo.ria.ru/20211112/brakonery-1758692984.html> (дата обращения: 08.04.2023).

² Браконьер из Приморья заплатит 6,8 миллионов рублей штрафа. URL: <https://primamedia.ru/news/1445984> (дата обращения: 14.04.2023).

³ Около полутонны краба изъяли пограничники в подпольном цехе в районе бухты Патрокл. URL: <https://www.newsvl.ru/society/2022/07/05/210423/#ixzz7xotj7TrO> (дата обращения: 18.04.2023).

⁴ Браконьер из Мурманской области заплатит государству 1,9 миллиона рублей за незаконный вылов краба. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/online/news/4977629> (дата обращения: 08.04.2023).

более 9,2 млн руб. Ранее сообщалось, что у мужчины было обнаружено и изъято около 1,5 т краба. Предварительный ущерб, нанесенный государству, составил около 18 млн руб.¹ В результате незаконного вылова камчатского и волосатого четырехугольного краба в количестве 700 экз. ущерб составил более 5 млн руб. Вылов проводился без разрешительных документов, против подельников было возбуждено дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 Уголовного кодекса РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»².

В районе мыса Чумы-Дуа Ванинского района на территории рыболовецкого стана обнаружено и изъято более 630 кг краба. По заключению специалистов, причиненный ущерб водным биологическим ресурсам превысил 14 млн руб.³

В Советской Гавани за незаконный вылов краба осуждены два местных жителя. В результате их деятельности причинен крупный ущерб по ч. 3 ст. 256 Уголовного кодекса РФ. В июле 2019 г. мужчины, находясь на моторной лодке во внутренних морских водах Татарского пролива, с использованием крабовых ловушек незаконно выловили 70 крабов, причинив ущерб государству на сумму более 162 тыс. руб.

Это далеко не все случаи незаконной добычи крабов, которые были зафиксированы правоохранительными органами и опубликованы в средствах массовой информации.

Изымаемые у рыбаков объекты могут быть представлены как целыми особями крабов, так и фрагментами их конечностей, мясом. Для выявления нарушения и определения ущерба, нанесенного государству, проводят исследование, направленное на установление истинного видового состава улова. При исследовании особей и фрагментов их тел осуществляется визуальный осмотр морфологических признаков и поиск особенностей строения тела, пигментации. Обращают внимание на строение конечностей, покров задней части карапакса тела, расположение бугорков и шипов, изменение пигментации панциря после термической обработки [2].

Так, особенностями камчатского краба являются его размер и строение ходильных конечностей, которые имеют густую пигментацию красно-коричневых тонов. После термической обработки она меняется на ярко-красную. Покров тела камчатского краба имеет ярко выраженный рельеф, представленный шипами и бугорками.

К отличительным признакам колючего краба относятся правая клешня красно-оранжевого цвета и панцирь, полностью покрытый крупными, до 10 мм, одиночными шипами (рис. 3).

¹ Краба на девять миллионов изъяли у жителей региона. URL: <https://www.dvnovosti.ru/incidents/2022/08/30/145581> (дата обращения: 18.04.2023).

² Хабаровчане незаконно выловили порядка 700 экземпляров краба. URL: https://hab.aif.ru/incidents/habarovchane_nezakonno_vylovili_poryadka_700_ekzemplarov_kraba (дата обращения: 04.04.2023).

³ Более полутонны краба изъяли пограничники у браконьеров. URL: <https://www.dvnovosti.ru/incidents/2022/09/15/146082> (дата обращения: 18.04.2023).

*Рис. 3. Фенотипические признаки колючего краба:
слева – вид снизу, справа – вид сверху*

У равношипного краба хитиновый покров желтовато-золотистого цвета с небольшими равномерно распределенными шипами.

Дифференциация крабов-стригунов по комплектам конечностей порой вызывает трудности, так как они имеют много общих признаков внутри своего рода, однако методы идентификации крабов по морфологическим признакам могут значительно облегчить работу следственно-оперативной группы при досмотре судов в море, рыбаков-любителей, а также при изучении объектов в лабораторных условиях [2].

При наличии карапакса трудностей в определении вида практически не возникает. Более сложным является видовая идентификация конечностей и мяса. Для установления вида краба проводят измерение длины меруса (рис. 4) ходильных конечностей и толщины мышечной ткани поперечного среза меруса, оценивают органолептические характеристики вареного мяса. Исследованные характеристики мяса учитываются в комплексе и при наличии целой особи краба используются в качестве дополнительной информации [3].

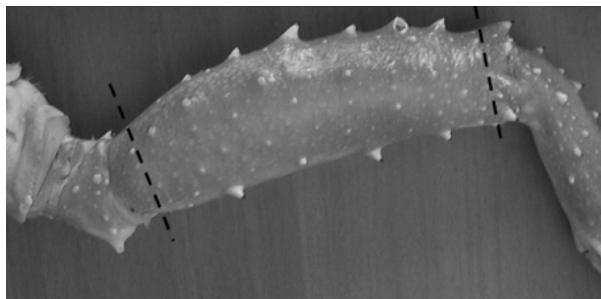

Рис. 4. Мерус ходильных конечностей краба

При изучении фрагментированного мяса крабов видовая идентификация по морфологическим признакам значительно затруднена, а в некоторых случаях практически невозможна. Результат исследования зависит от состояния предоставляемого материала (подвержен гнилостным изменениям или нет) и его количества.

В случае невыполнимости проведения идентификации вида краба по его фрагментам и мясу весьма перспективным подходом может стать метод ДНК-анализа. Имеются литературные данные зарубежных и отечественных авторов, которые описывают возможность использования ДНК для установления вида крабов.

Так, российскими учеными из четырех научно-исследовательских институтов предложен алгоритм идентификации камчатского, синего и колючего крабов на основе исследования полиморфизма длины рестрикционных фрагментов (ПДРФ) рибосомных генов митохондриального генома (мтДНК). Для разработки методики авторы использовали последовательности мтДНК из открытого банка данных (GenBank). Праймеры для ПЦР разработаны теми же учеными. Для поиска последовательностей сайт рестрикции была использована технология *Nebcutter*. В результате анализа полученных ПЦР-продуктов разной длины исследователи успешно установили три вида гидробионтов (рис. 5) [4].

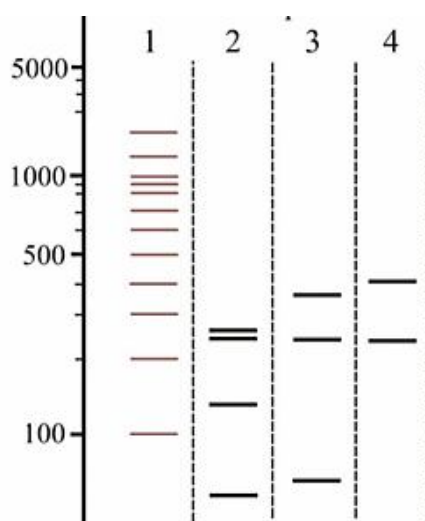

Рис. 5. Распределение фрагментов ДНК: 2 – камчатский краб, 3 – колючий краб, 4 – синий краб

Ученые из Национального института океанографии и рыболовства (Хургада, Египет) смогли идентифицировать пять видов крабов (ребристого краба-плавунца, цветочного краба, индо-тихоокеанского краба-плавунца, *Liocarcinus corrugatus* и розового яичного краба), обитающих в северной части Красного моря. Эти крабы не являются объектами добычи и составляют разнообразие фауны коралловых рифов (рис. 6, 7).

Рис. 6. Цветочный краб

Рис. 7. Розовый яичный краб

Видовая идентификация крабов проводилась по участку гена цитохромоксидазы I (COI) на мтДНК. Данный участок ДНК является гипервариабельным у многих животных и служит так называемым ДНК-штрихкодом. Для исследования нуклеотидной последовательности участка гена COI ученые использовали «универсальные» фолмеровские праймеры, предназначенные для идентификации многих животных. Выявленные нуклеотидные последовательности гена COI пяти видов крабов были внесены в международную базу данных GenBank.

Дальнейшие исследования последовательности гена COI позволили идентифицировать еще несколько десятков других представителей десятиногих ракообразных [5].

Похожую работу провели новозеландские ученые, которые изучили с помощью анализа гена COI видовой состав крабов, обнаруженных в гавани Вайтемата, Новая Зеландия. Полученную нуклеотидную последовательность из 457 оснований гена цитохромоксидазы I сравнивали с данными девяти видов *Charybdis* из Австралии и Азии. В результате анализа было установлено, что крабы из гавани являются азиатскими веслоногими крабами (*C. japonica*). Данная находка стала уникальной, поскольку это был первый случай создания крабами *C. japonica* популяции за пределами своего естественного ареала [6].

Таким образом, для видовой идентификации крабов используют как морфологические признаки, так и молекулярно-генетические маркеры. Анализ данных признаков позволяет установить видовую принадлежность гидробионтов при проведении экспертиз по фактам нелегального лова и предотвратить их фальсификацию.

Список источников

1. Еремина О. Ю., Серегина Н. В. Видовая идентификационная экспертиза крабов в таможенных целях // Технология и товароведение инновационных пищевых продуктов. 2021. № 1. С. 73–78.

2. Слизкин А. Г., Кобликов В. Н. Видовая идентификация крабов Дальневосточного бассейна по готовой продукции // Известия ТИНРО (Тихоокеанского научно-исследовательского рыбохозяйственного центра). 2012. Т. 169. С. 21–31.

3. Шагинян Э. Р. Методика проведения судебных биологических экспертиз по крабам Западной Камчатки // Исследования водных биологических ресурсов Камчатки и северо-западной части Тихого океана. 2011. № 23. С. 102–105.

4. Идентификация водных биоресурсов с применением методов молекулярной генетики / В. В. Горбачев, И. А. Никитин, Д. А. Велина [и др.] // Известия высших учебных заведений. Пищевая технология. 2022. № 4. С. 111–116.

5. Genetic and morphological identification of some crabs from the Gulf of Suez, Northern Red Sea, Egypt / E. M. Abbas, Kh. M. Abdelsalam, Kh. M. Geba [et al.] // The Egyptian Journal of Aquatic Research. 2016. Vol. 42, iss. 3. P. 319–329.

6. DNA and morphological identification of an invasive swimming crab, *Charybdis japonica*, in New Zealand waters / P. J. Smith, W. R. Webber, S. M. McVeagh, G. J. Inglis // New Zealand Journal of Marine and Freshwater Research. 2003. Vol. 37, iss. 4. P. 753–762.

References

1. Eremina O. Yu., Seregina N. V. Species identification examination of crabs for customs purposes. Technology and commodity science of innovative food products, 73–78, 2021. (In Russ.).

2. Slizkin A. G., Koblikov V. N. Species identification of crabs of the Far Eastern basin according to finished products. Izvestiya TINRO (Pacific Research Fisheries Center), 21–31, 2012. (In Russ.).

3. Shaginyan E. R. Methodology for conducting forensic biological examinations of crabs of Western Kamchatka. Research of water biological resources of Kamchatka and the northwestern part of the Pacific Ocean, 102–105, 2011. (In Russ.).

4. Gorbachev V. V., Nikitin I. A., Velina D. A. (et al.). Identification of aquatic biore-sources using the methods of molecular genetics. Izvestia of higher educational insti-tutions. Food technology, 111–116, 2022. (In Russ.).

5. Abbas E. M., Abdelsalam Kh. M., Geba Kh. M. (et al.). Genetic and morphologi-cal identification of some crabs from the Gulf of Suez, Northern Red Sea, Egypt. The Egyptian Journal of Aquatic Research, 319–329, 2016. (In Eng.).

6. Smith P. J., Webber W. R., McVeagh S. M., Inglis G. J. DNA and morphological identification of an invasive swimming crab, *Charybdis japonica*, in New Zealand waters. New Zealand Journal of Marine and Freshwater Research, 753–762, 2013. (In Eng.).

Панасюгина Лада Евгеньевна,

ведущий научный сотрудник отдела
организации научных исследований
управления научных исследований
Экспертно-криминалистического центра МВД России,
кандидат филологических наук;
lada-ple@mail.ru

Полякова Анастасия Васильевна,

старший научный сотрудник отдела
научных исследований по специальным видам
экспертиз и экспертно-криминалистического
обеспечения противодействия наркопреступности
управления научных исследований
Экспертно-криминалистического центра МВД России;
anastasia.polyakova08@yandex.ru

Panasyugina Lada Evgenievna,

leading researcher of research division
on organization of scientific research
of the Forensic Science Center
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of philological sciences;
lada-ple@mail.ru

Polyakova Anastasia Vasilyevna,

senior researcher of the department
of scientific research on special types
of examination and expert-criminalistic support
for counteraction to drug-related crime
of the Forensic Science Center
of the Ministry of the Interior of Russia;
anastasia.polyakova08@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования
18.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted
for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.131
doi: 10.25724/VAMVD.A108

**О СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЯХ
В ОЦЕНКЕ ПОНИМАЕМОСТИ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА:
ЛИНГВИСТИКА И МЕМЕТИКА**

Алексей Вениаминович Винников

Институт образовательных программ, Ростов-на-Дону, Россия,
alexei.vinnikov@mail.ru

Аннотация. Оценка понимаемости перевода в судебных заседаниях и письменного перевода процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, сталкивается с проблемой отсутствия соответствующей методологии и критериев. В целях разрешения проблемы разработана классификация языков перевода, видов непонимания текстов – условного, безусловного и притворного. Предложен способ оценки взаимной понимаемости языков с применением «зеркальных» таблиц и глоттохронологии. Притворное непонимание перевода со стороны обвиняемых и непрофессионализм судебных переводчиков являются обыденным явлением в судебно-следственной практике. Для их экспертной оценки в случаях необходимости разработаны методы опровержения притворного непонимания и указаны причины реального непонимания перевода. Изложен герменевтический и меметический подходы к технологии судебного перевода. На основании меметики перевода как адекватного инструмента, с применением математической теории нечетких множеств, показана формально-математическая модель процесса судебного перевода, состоящая из четырех уровней. Выведены формально-логические принципы методологии количественной оценки понимаемости судебного перевода. Сделанные выводы иллюстрированы примерами.

Ключевые слова: понимаемость перевода, лингвистическая экспертиза, притворное непонимание, судебный перевод, критерии понимаемости, опровержение непонимания, глоттохронологические критерии, мемы перевода, меметика судебного перевода, меметический анализ понимаемости перевода, герменевтика перевода, количественная оценка перевода, зеркальный перевод, методы оценки понимаемости перевода

Для цитирования: Винников А. В. О специальных знаниях в оценке понимаемости судебного перевода: лингвистика и меметика // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 83–102. doi: 10.25724/VAMVD.A108

**ON SPECIAL KNOWLEDGE IN ASSESSING
THE UNDERSTANDABILITY OF JUDICIAL TRANSLATION:
LINGUISTICS AND MEMETICS**

Alexey Veniaminovich Vinnikov

Institute of Educational Programs, Rostov-on-Don, Russia,
alexei.vinnikov@mail.ru

Abstract. The assessment of comprehensibility of translation in court hearings and the written translation of procedural documents subject to mandatory delivery to the suspect, the accused, as well as other participants in criminal proceedings, is faced with the lack of an appropriate methodology and criteria. In order to solve the problem, a classification of languages of translation, types of misunderstanding of texts have been developed – conditional, unconditional and feigned. A method for assessing the mutual intelligibility of languages using "mirror" tables and glottochronology is proposed. The feigned misunderstanding of translation by the accused and the unprofessionalism of court interpreters are common in forensic investigative practice. For their expert assessment, if necessary, methods have been developed to refute the feigned misunderstanding and the reasons for the real misunderstanding of the translation are indicated. The hermeneutic and memetic approaches to the technology of judicial translation are outlined. Based on the memetics of translation as an adequate tool, using the mathematical theory of fuzzy sets, a formal mathematical model of the judicial translation process is shown, consisting of four levels. The formal-logical principles of the methodology for quantitative assessment of the comprehensibility of judicial translation are derived. The conclusions drawn are illustrated with examples.

Keywords: comprehensibility of translation, linguistic expertise, feigned misunderstanding, judicial translation, comprehensibility criteria, refutation of misunderstanding, glottochronological criteria, translation memes, judicial translation memetics, memetic analysis of translation comprehensibility, translation hermeneutics, translation quantification, mirror translation, methods for assessing translation comprehensibility

For citation: Vinnikov A. V. On special knowledge in assessing the understandability of judicial translation: linguistics and memetics. Forensic Examination, 83–102, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A108

Введение. Потребность в доказательстве понимаемости возникает в случае, когда у следствия или суда появляется сомнение в том, обеспечено ли понимание судебного перевода участником уголовного процесса. Общие теории перевода здесь малополезны эксперту, так как предполагают, как само собой разумеющееся, желание конечного адресата понять перевод, а также то, что он совершенно не владеет исходным языком. Постулируется также субъектность и профессионализм переводчика.

Теория ничего не знает о притворном непонимании судебного перевода со стороны обвиняемых и подсудимых, например, о симулировании цыганами непонимания диалектов цыганского языка, заявлениях жителей Дагестана, что они владеют только тем диалектом, на котором говорят в их ауле, и т. п.

В качестве переводчиков в уголовном процессе, как правило, оказываются непрофессиональные этнические носители языков. Встречается применение машинного перевода, бывает подмена языков в рамках «родственных» лингвистических групп. Эти явления объективно существуют в правовой культурной среде, встроены в нее и не могут быть отрицаемы или игнорируемы. Задача состоит в том, чтобы в рамках нормального функционирования судопроизводства предложить критерии их оценки в конкретной обстановке и в конкретный момент.

Ключевой для следствия или суда является проблема опровержения притворного непонимания перевода. На сегодня нет стандартных путей ее решения в связи с неизученностью даже самого понятия понимаемости судебного перевода с учетом всех его особенностей.

1. Критерии понимаемости. Виды непонимаемости текста. Непонимание читателем или слушателем текста перевода документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, представляет собой затруднение как для стороны защиты, так и для стороны обвинения. Для наилучшего разрешения проблемы как целого исследуем ее составные части и виды.

Понимаемостью текста назовем доступность его содержания читателю или способность текста правильно сообщать читателю содержащуюся в нем информацию. Если же речь идет о тексте перевода с одного языка на другой язык, придется воспользоваться двумя дополнительными признаками: эквивалентности и адекватности перевода.

Эквивалентность перевода определим как соответствие текста перевода цели перевода.

Адекватность перевода обозначим как сохранение при переводе смысла оригинала.

Понимаемым в таком случае считается перевод, обладающий свойствами эквивалентности и адекватности. Точно так же непонимаемый или непонятный перевод отличается противоположными качествами: неэквивалентностью и неадекватностью. Понимаемый перевод обязательно характеризуется обоими упомянутыми свойствами, а непонимаемый не обладает или обоими, или только одним из них. Соответствующий двум критериям перевод отнесем к юридически значимым и понимаемым, а несоответствующий – к юридически ничтожным. Юридически значимы письменные переводы документов тогда, когда они имеют правовую силу и могут использоваться в качестве правового аргумента.

Согласно ч. 3 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), «если в соответствии с настоящим Кодексом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет».

Отметим, что законодатель говорит о «языке» перевода. Здесь и кроется основная трудность правоприменения, связанная с тем, что общее определение языка как сложной понятийной знаковой системы ничего не дает практике. Если кто-либо попытается создать единую терминологию для лучшего понимания того, чем является перевод в уголовном судопроизводстве, он столкнется с множеством понятий, подпадающих под название «язык».

По-видимому, языки можно разделить на четыре группы:

а) государственные языки (официальные языки государственных образований, имеют этнополитическую природу);

б) этнические языки (национальные языки, в том числе языки малых этносов и местные диалекты);

в) профессиональные языки (корпоративные диалекты, насыщенные терминологией, например, медиков, юристов, иных узких специалистов);

г) жаргонные языки (различные тайные языки, криминальные говоры и т. п.).

Перечисленные выше группы языков в своих сочетаниях образуют еще много комбинаций классов: (б) – (а), (г) – (б), (б – в) и т. д. Можно рассмотреть, в частности, этнические государственные языки (например, английский или русский в Великобритании и России); этнические языки (например, ассирийский или курдский), не связанные с государственными образованиями, и т. д.

Углубление в классификацию языков выходит за рамки этой статьи. Формально все включенные в классификацию языки равноценны относительно буквы закона.

Тот или иной участник уголовного процесса может считать свой говор языком и настаивать на этом. Иные варианты судебного перевода будут для такого лица непонимаемыми, иногда действительно или безусловно, но часто притворно. Сложной задачей правоприменения является объективная оценка и вынесение суждения о глубоко субъективном процессе понимания или непонимания, который обычно относится скорее к области психологии, чем юриспруденции.

Случаи *притворного непонимания* языка перевода в судебной и следственной практике, в основном со стороны цыган и представителей некоторых малых народов России и стран СНГ, описаны в наших работах, посвященных конфликтологии [1] и тайным языкам [2]. Там же приведена практика судебного перевода для лиц, принадлежащих к определенному этносу, к которому относятся языки группы (б), но владеющих по необходимости и языком группы (а) государства, где они живут или гражданство которого имеют. Требование такого участника уголовного процесса представить ему процессуальные документы, переведенные на язык группы (б), представляется оправданным, а перевод на иной язык (группы (а)) – *условно непонимаемым*. Пример – перевод на сванский язык для участника уголовного процесса, гражданина Грузии (Сванетия является горной областью Грузии).

Притворное непонимание и пути его опровержения рассмотрены ниже.

Упомянем отдельно некоторых носителей языков группы (а), которые считают себя вправе просто отказаться от понимания языка перевода, понимая его фактически, если речь идет о государственном языке той страны, гражданином которой он является. Например, гражданин Румынии может требовать перевода именно на румынский, а не на молдавский язык, хотя разница между этими языками близка к символической; а гражданин Боснии – именно на боснийский, а не на сербский язык, между которыми фактически нет разницы.

В области международных отношений подобное требование справедливо, в уголовном процессе его можно отнести к притворному непониманию. Перевод на фактически понимаемый язык следует признать *эквивалентным* и юридически значимым.

В результате выяснено, что непонимаемость текста перевода, как противоположность понимаемости, бывает трех видов: *безусловная, условная и притворная*. Непонимаемые переводы первых двух видов юридически ничтожны, а переводы третьего вида юридически значимы.

Принятие решения о том, к какому из трех видов относится конкретный перевод, возможно только экспертным путем. Примеры экспертных исследований понимаемости судебных переводов приводятся в дальнейшем как частные доказательства справедливости общих положений.

Установив, таким образом, критерии, можно перейти к разбору соответствия им судебного перевода, выполненного:

- машинным способом;
- переводчиком иного сходного по происхождению языка;
- лично переводчиком надлежащего языка.

Если перевод сделан добросовестным переводчиком, вполне владеющим необходимым языком (третий способ), он должен быть признан адекватным, эквивалентным и понимаемым.

Напротив, в случаях применения первых двух способов – машинного перевода и перевода на иной язык возникают сомнения относительно понимаемости. Эти случаи относятся к компетенции экспертизы и рассмотрены ниже. Поскольку исследование понимаемости перевода касается языка, экспертиза называется лингвистической.

2. Понимаемость и субъектность машинного судебного перевода. Машинный перевод является одной из прикладных функций искусственного интеллекта. Проблемы машинного перевода сводятся к трем задачам моделирования естественных свойств живого языка: многозначности, синтаксических трансформаций, фразеологических сочетаний. Приблизиться к решению этих задач никому до настоящего времени не удавалось.

Затруднения машинной интерпретации и перевода текста восходят к трудности машинного воспроизведения самого человеческого бытия, поскольку язык – это всего лишь его вербальное отражение или, как полагают некоторые, вид человеческой деятельности. По мнению одного из отцов теории машинного перевода Н. Хомского, «язык – это вырвавшееся наружу мышление» [3]. Национальные различия людей отражаются в их языке. Некоторые даже считают язык чем-то первичным или причиной, а особенности этноса – следствием или чем-то вторичным. Однако для практики исследование этого вопроса значения не имеет. Поскольку возможности машины еще далеки от человеческих возможностей, нельзя ожидать ни сейчас, ни в обозримом будущем хорошего владения языком со стороны какого-либо искусственно созданного устройства. Пока что машина (электронное устройство) переводит слова (морфемы речи), а не смысл текста.

Сказанное выше в полной мере относится к Google Translate – веб-службе компании Google, предназначенной для автоматического перевода текста на другой язык. Этот инструмент может иногда помочь читателю понять общий смысл содержания текста на иностранном языке, но не предоставляет точных переводов. Google Translate предлагает перевод с любого поддерживаемого языка на любой поддерживаемый, но в большинстве случаев реально выполняет перевод через английский язык. Качество перевода от этого сильно страдает, поскольку смысл оригинала часто искажается до неузнаваемости.

В качестве иллюстрации приведем пример из практики. В рамках экспертизы исследован перевод обвинительного заключения с русского языка на таджикский. Перевод вручен обвиняемому по уголовному делу, но тот заявил о непонимании содержания документа. Заслуживающий доверия переводчик отметил ряд несоответствий. Русское слово «тайник» переведено на таджикский язык как «кэш», что означает «временные файлы или копии файлов и данных, сохраненные в памяти компьютера». Правильный перевод – «чои пинхонӣ». Словосочетание «в крупном размере» вместо правильного «миқдори калон» переведено как «миқёси васеъ», что означает «широкий масштаб». Словосочетание «для удобства продажи» вместо правильного «барои фурӯши кулай» переведено как «барои роҳати фурӯш», что означает «для удовольствия продажи».

Произвольно выбранные фрагменты текста оригинала обвинительного заключения были подвергнуты машинному переводу на таджикский язык на сайте <https://translate.google.com/tj/>. Совпадение текстов составило 99 %, что указывает на перевод машинным способом по технологии Google Translate. Сравнительный анализ машинного перевода и правильного перевода переводчиком таджикского языка проведен предложенным нами зеркальным табличным способом. Фрагмент анализа представлен в таблице 1.

Таблица 1

Зеркальный сравнительный анализ машинного и ручного перевода обвинительного заключения

Текст оригинала на русском языке	Текст правильного перевода на таджикский язык	Представленный для исследования спорный перевод на таджикский язык	Обратный перевод текста спорного перевода на русский язык
«...зная, что наркотические средства запрещены в свободном обороте на территории Российской Федерации, из корыстных побуждений и для удовлетворения своих материальных потребностей, имея прямой, корыстный умысел, направленный на незаконный сбыт наркотических средств...»	«...баралло медонист, ки воситаҳои нашъадор дар қаламравӣ Федерацияи Россия дар муомилоти озод манъ карда шудааст, аз мақсади ғаразнок ва барои қонеъ намудани талаботи моддии худ, қасди бевосита, ғаразнокӣ ба фурӯши ғайриқонунии воситаҳои нашъадор...»	«...ки доруҳо дар қаламрави Федератсияи Россия дар муомилоти озод бо мақсади ғаразнок ва қонеъ кардани ниёзҳои моддии онҳо, бо қасди мустақим, ғаразнокӣ ба фурӯши ғайриқонунии...»	«...зная, что наркотики на территории Российской Федерации находятся в свободном обращении, в целях эгоизма и удовлетворения своих материальных потребностей, с прямым, корыстным намерением сбыта незаконно...»

Обратный перевод в столбце 4 принят за показатель качества перевода текста оригинала, приведенного в столбце 1, и он не адекватен оригиналу. В столбце 2 представлен текст правильного перевода.

Машинный перевод также не может считаться эквивалентным по той причине, что он выполняется без участия субъекта, в то время как закон признает переводчиком только человека. В соответствии с ч. 1 ст. 59 УПК РФ «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

Здесь говорится именно о лице, т. е. субъекте правоотношений, но не о каком-либо программном продукте. Отсутствие переводчика как субъекта права само по себе делает машинный перевод юридически ничтожным.

Изложенное показывает, что применение способа машинного перевода, в частности Google Translate, приводит к *неадекватности* и *неэквивалентности* перевода процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства.

3. Понимаемость перевода с подменой на «близкие» языки. Большое количество современных языков происходит от общих лингвистических прародителей. Например, романские европейские языки – румынский, итальянский, французский, испанский – являются родственными, ведут свое происхождение от древнеримского латинского языка и близки к латыни. Но ведь никому не придет в голову предлагать обвиняемому французу перевод обвинительного заключения на итальянском языке! Украинский и русский языки еще ближе друг к другу. Тем не менее в уголовном процессе по делу украинки Н. Савченко, проходившем в 2016 г. в г. Донецке Ростовской области, подсудимой был предоставлен переводчик для устного перевода на украинский язык, и необходимые процессуальные документы также письменно переведены на украинский. Очень похожи друг на друга языки бывшей Югославии – черногорский, сербский, хорватский, боснийский, словенский. Но запросы о правовой помощи, например в Черногорию, отсылаются не на сербском, а исключительно на черногорском языке с учетом всех его отличий, хотя и номинальных, от сербского языка. Перевод на корейский язык, сделанный переводчиком из Южной Кореи, не будет принят властями Северной Кореи: язык не тот. Последние примеры к процессуальным отношениям не относятся, но иллюстрируют сущность проблемы.

Однако не подлежит сомнению то, что общие по происхождению языки и даже языки одного этноса, разделенные политически, могут быть взаимно непонимаемы – безусловно, условно и притворно.

Условное и притворное непонимание читателем текста перевода документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, кратко рассмотрено нами выше. Но и *безусловная взаимная непонимаемость* общих по происхождению языков наблюдается очень часто. Языки не похожи друг на друга тем больше, чем раньше они исторически разошлись, если принять за истину теорию дивергенции. Рассмотрим это на примере из нашей экспертной практики относительно языков таджикского и дари. Они появились в результате дивергенции в XV–XVI вв.

из классического персидского языка [4], далее каждый стал развиваться своим путем, на определенных периодах истории даже теряя контакт друг с другом, а их носители были разделены политическими границами. Дари распространился в Афганистане, а таджикский – сначала на территории Таджикистана, ранее входившего в состав СССР, а затем в Иране и Афганистане. Дивергенция языков таджикского и дари по времени приблизительно та же, что и русского и украинского, татарского и башкирского, узбекского и уйгурского (500–600 лет). Различия между языками пропорциональны времени их дивергенции. Отсюда следует, что расхождений между языками таджикским и дари не меньше, чем например, между русским и украинским языками.

Лексические отличия родственных языков таджикского и дари приведены в таблице 2, полученной в результате преобразования данных списка Сводеша по группе языков персидского происхождения, сформированной А. Ю. Фоминым [4].

Таблица 2

Различия между таджикским языком и языком дари

Таджикский	Дари	Транскрипция дари	Русский
якчанд	چند	чанд	несколько
калон	بزرگ	бузург	большой
ғафс	چاق	чоқ	толстый
тунук	نازک	назук	тонкий
ҳайвони қонвар	يوحشى حيوان	ваҳши	животное
беша	جنگل	джангал	лес
реша	بيخ	бех	корень
чунки	ه چونك	зероки	потому что
соф	صاف	хамвор	гладкий, ровный
чиркин	چرك	чирк	грязный
хуб	خوب	нағз	хороший, добрый
кӯҳна	پير	пир	старый
сӯхтан	سوزاندن	сӯзондан	жечь
туман	غبار	ғубор	туман
чанг	خاک	хок	пыль
рӯд	دريا	дарё	река

Таджикский	Дари	Транскрипция дари	Русский
равон шудан	بودن جارى	ч ори будан	течь
шиновар	بودن شناور	шудан будан	плыть
сурудан	خواندن	хондан	петь
кашидан	کردن كاش	каш кардан	тянуть
доштан	گرفتن	гирифтан	держать
чархидан	دادن دور	давр додан	поворачивать
дароз кашидан	افتادن	афтодан	лежать
роҳ рафтан	رفتن راه	гаштан	ходить, идти
аргамчин	ريسمان	рисмон	веревка
газидан	گزيدن	гирифтан	кусать
макидан	چوشيدن	чӯшидан	сосать
пуф кардан	وزيدن	вазидан	дуть

Из данных таблицы 2 видно, что исследуемые языки имеют два важных отличия:
 – шрифт: в таджикском применена кириллица, а в дари – арабский (персидский) шрифт;
 – семантика и фонетика: разные по написанию и звучанию переводы слов русского языка.

Аналогичный анализ с тем же результатом возможно проводить в отношении языковых пар фарси – дари и фарси – таджикский.

Таким образом, близкие по происхождению языки могут быть не только условно, но и безусловно взаимно непонимаемы, и подмена перевода на один язык переводом на родственный язык недопустима. Если такое все же происходит, то переводчик, не владеющий надлежащим языком, совершает правонарушение. На нем лежит ответственность за несоблюдение требований ст. 59 УПК РФ: «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» (ч. 1); «переводчик не вправе осуществлять заведомо неправильный перевод» (п. 1 ч. 4).

Из вышесказанного ясно, что перевод по второму способу: сделанный переводчиком ненадлежащего языка – является юридически ничтожным.

И, наконец, если речь идет о переводе не на язык, а на диалект языка, правомерно будет считать перевод на официально признанный язык адекватным и эквивалентным, а его непонимание – притворным.

Если распространить показанный выше так называемый глоттохронологический метод на другие языки перевода, получим вполне приемлемый для экспертной практики критериальный результат. Небольшой пример этого подхода к решению вопроса приведен в таблице 3.

Таблица 3

Период дивергенции близких по происхождению языков как критерий их взаимной понимаемости и возможности подмены в судебном переводе

Пара языков	Период дивергенции (расхождения) языков	Взаимная понимаемость и допустимость подмены
Русский – украинский	5–6 веков	Ограниченная. Подмена недопустима
Таджикский – дари	5–6 веков	Ограниченная. Подмена недопустима
Таджикский – фарси	5–6 веков	Ограниченная. Подмена недопустима
Румынский – молдавский	Менее 1 века	Полная. Подмена допустима
Северокорейский – южнокорейский	Менее 1 века	Полная. Подмена допустима
Русский – польский	10 веков	Нет. Подмена недопустима
Русский – болгарский	10 веков	Нет. Подмена недопустима

Используя глоттохронологический метод по образцу из таблицы 3, желающий может значительно расширить критериальную базу языковых пар в целях лингвистической экспертизы взаимной понимаемости языков в зависимости от периода их дивергенции.

4. Опровержение притворного непонимания перевода. Количественная оценка понимаемости. Опровержение заявлений о непонимании судебного перевода тем или иным участником уголовного процесса в случае притворного непонимания представляет собой значительную трудность и заслуживает отдельного рассмотрения.

Судебный перевод имеет дело с профессиональным *юридическим* языком, соответствующим группе языков (в) из перечня, приведенного выше. В нем можно различать:

X – язык юридической дескрипции, относящийся к писаным нормативным текстам – законам, правилам, контрактам, договорам и т. п.;

Y – язык юридической прескрипции, на котором пишутся судебные решения и приговоры, заявления, ходатайства, жалобы и иные документы судебно-административной практики;

Z – язык судебно-следственной практики, включающий любые коммуникации в судебных заседаниях, полицейской и административной деятельности; в нем сочетаются юридические языки X и Y.

К функциям судебного переводчика относятся:

1. Помощь судье, следователю, дознавателю в проведении процессуальных действий без языковых барьеров.

2. Обеспечение соблюдения права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, в соответствии со ст. 47 УПК РФ.

3. Выполнение посреднической роли в коммуникации между участниками процессуального действия для обеспечения взаимного понимания между ними с использованием специальной лексики и идиоматики в рамках юридического языка (Y).

В условиях реального судопроизводства в России и полного отсутствия института судебных переводчиков идеальное исполнение условия (3) невозможно. Переводчику никогда не предъявляются требования к владению именно специальным языком категории Y ни на уровне исходного языка, ни на уровне целевого языка. Тем не менее цель переводчика как коммуникатора обеспечивается, и это даже является мировой практикой, нисколько не мешающей отправлению правосудия [5]. Действуя в рамках прагматического принципа разумной достаточности, судебный переводчик, который чаще всего владеет исходным и целевым языками на быденном уровне, учитывает и сочетает вербальные и невербальные инструменты, ситуационные маркеры и неявную информацию, с тем чтобы выполнить *понятийный переход* не только с одного языка на другой, но и от одной социокультурной среды к другой. В этом смысле судебный перевод предполагает интерпретацию понятийного аппарата одной правовой системы в терминах другой с целью обеспечения понимаемости исходного текста – устного или письменного – носителем иной культуры и языка. Такая интерпретация или толкование выступает предметом герменевтики перевода.

Герменевтика в широком смысле означает перевод, объяснение, выражение, толкование или интерпретацию текста, возможность отнесения знака к его назначению с целью достижения понимания. Обращаясь к понятию толкования, в том числе переводческому толкованию в судебном переводе, уместно вспомнить теорию Шлейермахера, который определяет его как «учение об искусстве понимания» письменных и речевых текстов вообще. Шлейермахер различает «объективное» (или «грамматическое») истолкование и «техническое» (или «психологическое») [6]. Грамматическое истолкование анализирует текст как часть определенной лексической системы, психологическое же – индивидуальный стиль, т. е. комбинации выражений, не заданные лексической системой [7]. Второй вид истолкования, как представляется, может компенсировать частичную или полную

невозможность реализации первого вида истолкования, например, вследствие недостаточного владения судебным переводчиком лексикой специального языка категории У, что наблюдается в практике судебного перевода в России. При этом создается уникальный в данной ситуации информационный продукт, предназначенный, по выражению Пэпке и Форгета [7], для воспроизведения в сознании конечного реципиента «скрытых сущностей». Последние можно назвать идеями, единицами информации, понятиями и т. п. В результате добросовестный реципиент (в нашем случае участник уголовного процесса) воспринимает семиотически эквивалентные самовоспроизводящиеся комплексные лексические и нелексические значения, обеспечивающие ему достаточное понимание переведенного текста.

Полезный вывод из сказанного состоит в том, что если заявляющий о непонимании перевода человек родился, учился или достаточно долго живет и работает в России, его можно признать участником уголовного судопроизводства, *недостаточно владеющим* языком, на котором ведется производство по уголовному делу, в соответствии с п. 2 ст. 18 УПК РФ. Добросовестный переводчик, который выполняет перевод лично на надлежащий язык, обязательно владеет обоими видами истолкования перевода, грамматическим и психологическим, и предоставляет такому лицу достаточно невербальных и вербальных средств на его родном языке, с тем чтобы обеспечить *полное понимание* того, в чем его обвиняют.

5. Меметическая предпосылка количественной оценки понимаемости перевода. Упомянутые выше теоретические подходы к акту перевода, в том числе судебного, позволяют выделить три основополагающих принципа:

1. Центральная роль понимания и понимаемости перевода.
2. Существование невербальных и вербальных лексических и нелексических средств перевода.
3. Трансляция в тексте перевода в сознание реципиента (в нашем случае участника уголовного или иного процесса) некоторых «скрытых сущностей». Последние можно назвать идеями, единицами информации, понятиями и т. п.

Судебный перевод в свете сформулированной выше парадигмы в составе трех принципов рассматривается как двуязычная деятельность по созданию понятий в сознании получателей информации – участников уголовного процесса на целевом языке вне смысловых реплик, поскольку смысловые единицы могут восприниматься как самовоспроизводящиеся комплексные лексические и нелексические значения. Критерием качества такого перевода является семиотическая (знаковая) эквивалентность. Подобная трактовка ведет к более близкой к практике системе взглядов, называемой меметикой судебного перевода.

Термин «мем» (англ. meme [mi:m]) происходит от греческого «мимеме» (имитация) и определяет единицу культурной передачи или единицу репликации (воспроизведения). Подобно генам, мемы имеют свою среду обитания, условия распространения и выживания сильнейшего и самого приспособленного. Понятие мема введено Ричардом Докинзом. Он впервые назвал мемом имитационный «ген» в книге «Эгоистичный ген» [8] и указал на то, что мем – единица культурной трансляции или репликатор культуры, а также «имитационная единица». Мемом является любая идея, символ, манера, ситуация или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д.

Общие примеры мемов – мелодии, идеи, ходячие выражения, фасоны одежды, способы изготовления чего-либо и т. д. Подобно генам, мемы распространяются среди пула (множества) мемов, передаваясь от одного мозга к другому в процессе того, что можно назвать имитацией, путем репликации, как гены, иногда мутируя или подвергаясь селекции.

Согласно меметике человек – это довольно эффективная машина по распространению мемов, которые стремятся к дарвиновскому завоеванию жизненного пространства и выживанию. Конечно, мемы передаются и при переводе с одного языка на другой. По сути, в этом весь перевод: перемещение мемов из одного места в другое при обеспечении им безопасного перехода культурных границ.

Некоторые мемы распространяются, а значит, выживают лучше других, если легко запоминаются, полезны, эмоциональны. Некоторые мемы склонны проявляться совместно с другими в группах. Примеры таких групп – языки, религии, идеологии, научные теории.

С точки зрения успешности их распространения по типу генетической передачи мемы делятся на две категории: сильные и слабые. «Пул мемов» означает совокупность или собрание различных мемов, содержащихся в одной и той же среде, такой как общество, культура или язык, контекст. Комплексный мем – сокращенная форма «мема общей адаптации» по Докинзу – группа мемов, которые могут действовать вместе и дополнять друг друга подобно генам. До определенной степени само слово выступает языковым комплексом мемов, состоящим из синтаксического мема, семантического мема и прагматического мема. Поскольку культура есть суперпул (группа) мемов, то и перевод, в частности судебный как часть культуры, тоже пул мемов. Это обстоятельство отмечено Эндрю Честерманом в работе «Мемы перевода» [9].

Передача мемов нуждается в носителях, таких как язык, и субъектах-хостах (например, читатель или переводчик). Они включены в приведенную на рисунке четырехуровневую модель механизма репликации и жизненного цикла мемов судебного перевода, предложенную Ф. Хейлигеном [10].

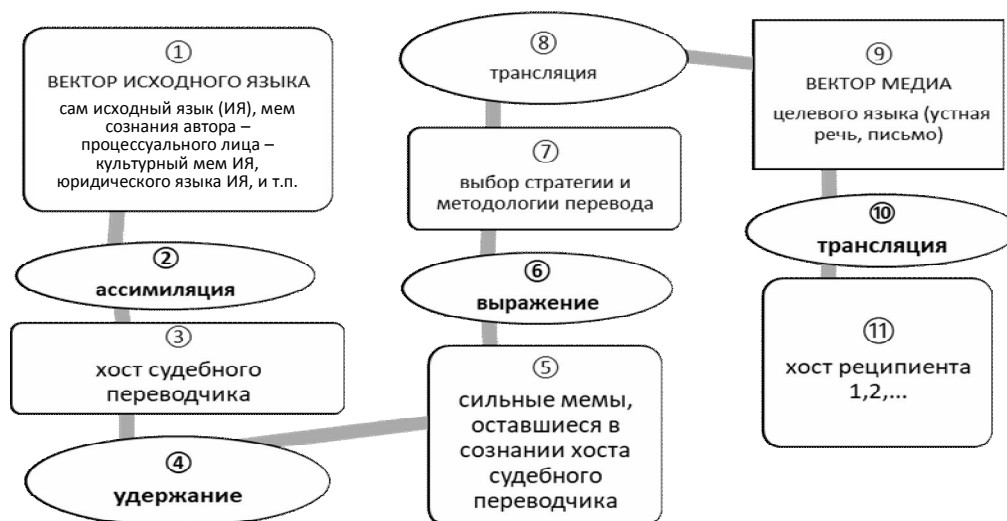

Рис. Четырехуровневый процесс перевода

На уровне ассимиляции (блок 2 рисунка) хост судебного переводчика воспринимает пул мемов исходного языка. Этот язык в нашем случае включает пул мемов культуры исходного языка и пул мемов юридического языка (блок 1 рисунка).

Вслед за И. В. Арнольдом [11] состав исходного языка можно выразить средствами теории множеств – части математической логики. Такой подход тем более оправдан, что меметика сродни генетике, в которой теория множеств давно и успешно применяется. В данном случае речь идет о теории нечетких множеств нестрогой математики, или математики здравого смысла (называемой еще теорией лингвистических переменных), исходящей из неформальных суждений и умозаключений эксперта, обладающего необходимыми специальными знаниями и навыками.

На уровне удержания (блок 4 рисунка) мемы, поступившие в хост судебного переводчика (блок 3 рисунка), усваиваются переводчиком. Но, как известно, последний часто владеет только обыденным языком из множества Z (если язык Z – множество мемов). Поскольку само слово тоже мем, то трансляция в хост судебного переводчика в этом случае должна происходить нелексическим путем за счет прагматической части слова вектора исходного языка. Компенсаторный механизм репликации мемов исходного языка (блок 1 рисунка) множества Y становится понятен, если иметь в виду классификацию силы мемов, предложенную Ф. Хейлигеном (табл. 4).

Нетрудно заметить, что мемы множества B на уровнях ассимиляции и удержания соответствуют критериям всех уровней, за исключением одного – прозелитизма на уровне 4. Однако это допускал и сам Ф. Хейлиген, считая достаточным для сильного мема его соответствие всего лишь 3–5 критериям из приведенных в таблице 4.

Таблица 4

Критерии силы мемов для четырех уровней перевода по Ф. Хейлигену

№ п/п	Уровень	Объект	Субъект	Между субъектами	Мем сам по себе
1.	Ассимиляция	Четкость	Новизна	Авторитетность	Самодостаточность
2.	Удержание	Инвариантность	Простота	Формализованность	Независимость
3.	Выражение	Контролируемость	Соответствие	Соответствие	Категоричность
4.	Передача	–	Соответствие Полезность	Выразительность Публичность	Прозелитизм

Э. Честерман называет сильные мемы супермемами. Они обладают исключительной жизнеспособностью и доминантностью среди прочих компонентов пула мемов. Честерман также полагает, что перевод не является равенством $A \neq A'$ и трансфером $A \Rightarrow B$, но представляет собой сложение компонентов

$A \Rightarrow A + A'$, где A – мем на исходном языке, A' – мем на целевом языке, а B – перенесенный из исходного языка в целевой язык мем A [12]. Множество A' явно отражает качество перевода.

Сильные мемы проходят через блоки 5 ... 10 на рисунке и поступают в блок 11 хоста реципиента – участника или участников уголовного процесса, которым предназначен перевод.

В таблице 5 дана выдержка из стенограммы устного перевода с русского языка на таджикский в судебном заседании. Сравнение речи судьи и речи переводчика показывает сильные мемы или супермемы, воспринятые, удержанные хостом (сознанием) переводчика, а затем выраженные им в новой форме и переданные реципиенту, и слабые мемы, которые не восприняты и не распространены переводчиком. Учитывая владение обвиняемым (хотя и несовершенно) русским языком, отметим, что перевод, сделанный этническим таджиком, не нарушает законного права обвиняемого знать, в чем он обвиняется.

Характерное для судебного перевода явление притворного непонимания проявляется в хосте реципиента (блок 11 рисунка). Рассмотрим хост реципиента (подследственного, подсудимого и т. п.). В нем переданные читателю или слушателю переводчиком мемы суммируются с мемом притворного непонимания A'' : $A \Rightarrow A + A' + A''$. Мем A'' негативного социального поведения адресатов перевода (реципиентов) относится к категории «злых» или вредных [13]. Тем не менее нет оснований сомневаться в его существовании и успешном распространении между индивидами.

Меметический подход, в сущности, является инструментальным. Он открывает широкие возможности формализации и математического моделирования перевода с помощью мощного аппарата математической генетики [14]. Эта важнейшая перспектива ждет своих исследователей. А в нашем частном случае меметика способна моделировать процесс судебного перевода, отражая его особенности.

Нечеткие множества A' и A'' , входящие в хост реципиента (блок 11 рисунка), выражают характеристики перевода, подлежащие экспертной оценке через лингвистические переменные. В сочетании с ними нечеткое множество можно записать в виде четкого множества, используя дополнительный параметр – степень принадлежности. Тогда экспертная оценка записывается в цифровом виде. В лингвистическом измерении множества A' перевода могут иметь характеристики «неудовлетворительный», «удовлетворительный», «хороший», «отличный». В то же время эксперт оценивает содержание в переводе так называемых сильных мемов и т. п. У множества мемов A'' (притворное непонимание) только две характеристики, например, «отмечается» или «не отмечается», тогда $A'' = \{0, 1\}$. В цифровом выражении, если принять за идеал качества четкое множество H , показатели A'/H степени принадлежности N для оценки экспертом качества перевода отражаются в таблице 6.

Таблица 5

Пример трансляции мемов в судебном переводе

Речь судьи	Речь переводчика в обратном переводе на русский язык	Сильные мемы	Транспируемая «скрытая сущность»
Решение может быть обжаловано в течение трех суток со дня непосредственно получения обвиняемым решения постановления	Обвиняемый вправе в течение трех суток подать на него замечание. Можете спустя три дня после получения постановления это написать	Обвиняемый, трое суток, замечание	Возможность жалобы
Подсудимый, вы имеете право знать, в чем вы обвиняетесь, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному вам обвинению либо отказаться от дачи показаний в отношении себя и своих родственников, круг которых определен законом. При согласии дать показания вам разъясняется, что ваши показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Вам понятны ваши права?	Вы можете узнать свое обвинение, отвечать на вопросы, не отвечать на вопросы, не обвинять своих родственников, ваши слова можно использовать для доказательства вины. Вам все понятно?	Обвинение, отказ от ответов, вина, доказательства вины, обвинение родственников. Понятно. Права	Обвинение, отказ, родственники, знать. Понимание
В случае пропусков указанных сроков сроки могут быть восстановлены при предоставлении уважительности пропуска сроков	Если вы не успели вовремя, то вы должны назвать причину, почему не смогли	Не успели. Назвать причину	Опоздание. Причина

Таблица 6

Оценка судебного перевода по показателю A'

Сравнительные оценки значимости N	Интерпретация оценок значимости выражения A'/H	Трактовка показателя
0	Несравнимая (нет смысла сравнивать)	Перевод условно непонимаем
1	Одинаковая значимость	Отличный перевод
3	Слабая значимость (нет доказательств предпочтения H/A')	Перевод очень хороший
5	Существенная значимость (существенные признаки предпочтения H/A')	Перевод удовлетворителен
7	Очевидная значимость (убедительные доказательства предпочтения H/A')	Перевод почти удовлетворителен (плохой)
9	Абсолютная значимость (максимальная значимость предпочтения H/A')	Перевод неудовлетворителен, непонимаем безусловно
2, 4, 6, 8	Промежуточные оценки	Оценки с наречиями меры и степени по усмотрению эксперта («почти», «весьма», «частично», «недостаточно» и т. п.)

Если дополнить хост реципиента (блок 11 рисунка) еще одним двузначным множеством мемов $A''' = \{0,1\}$, соответствующим альтернативе «не владеет языком судопроизводства» и «недостаточно владеет языком судопроизводства», то выражение процесса судебного перевода изменится: $A \Rightarrow A + A' + A'' + A'''$. Обозначим переменную понимаемости перевода L и сделаем ее двузначной: $L = \{0,1\}$. Перевод признается понимаемым ($L = 1$), например, если $N = 5$, $A''' = 1$ и т. д.

Меметический подход, как представляется, выступает перспективным направлением разработки количественной экспертной оценки и моделирования понимаемости судебного перевода. Данный расчетный метод анализа технологии и понимаемости судебного перевода можно углублять и совершенствовать. Тогда достаточно рутинная практика опровержения притворного непонимания судебного перевода найдет простой и рутинный механизм решения этого вопроса. Но данная задача выходит далеко за рамки настоящего исследования.

Выводы:

1. Лингвистическая экспертиза понимаемости текста перевода документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, оценивает адекватность и эквивалентность перевода; возможность безусловного, условного или притворного непонимания перевода; соответствие перевода требованиям УПК РФ.
2. Машинный перевод текстов процессуальных документов недопустим по закону и является непонимаемым безусловно.
3. Перевод, сделанный переводчиком родственного, но ненадлежащего языка, не эквивалентен и юридически ничтожен.
4. Центральным элементом понимаемости судебного перевода является возможность трансляции переводчиком понятий или «скрытых сущностей» переводимого текста.
5. Меметика судебного перевода – эффективный инструмент описания трансляции понятий между субъектами – участниками уголовного процесса; она дает важную возможность формально-математического моделирования перевода.
6. Критериями понимаемости судебного перевода для его лингвистической экспертизы могут служить метод «зеркальных таблиц», глоттохронологические критерии, а также количественные оценки, полученные в рамках прикладной теории меметики перевода.

Список источников

1. Винников А. В., Назаренко С. А. Конфликтология перевода в уголовном процессе и официального перевода документов // *Полицейская деятельность*. 2014. № 4. С. 43–50.
2. Винников А. В. Тайные языки. Отношение к власти // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2012. № 4 (64). С. 41–47.
3. Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 64 с.
4. Фомин А. Ю. Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков. Душанбе: Изд-во РТСУ, 2011. 34 с.
5. Винников А. В. Судебный и полицейский перевод: уроки мировой практики // *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2013. № 1 (12). С. 114–123.
6. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского; науч. ред. Н. О. Гучинской. Санкт-Петербург: Европ. дом, 2004. 242 с.
7. Raepcke F., Forget Ph. Textverstehen und Übersetzen = Ouvertures sur la traduction. Julius Groos Verlag Heideiberg, 1981. Bd. 2; 1982. Bd. 2a.
8. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. Москва: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.
9. Chesterman M. Memetics and translation studies. URL: https://openaccess.nhh.no/nhh-xmlui/bitstream/handle/11250/2406051/Chesterman_5_2000_%20Memetics%20and%20TS.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 04.04.2023).
10. Heylighen F. What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution // *Proceedings of the 15th International congress on cybernetics / Association Internationale de Cybernétique*. Namur, 1999. P. 418–423.

11. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Москва: Высш. шк., 1991. 140 с.
12. Chesterman A. Memes of translation: the spread of ideas in translation theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. 227 p.
13. Xianze Wu, Hui Chen. On social behavior from the perspective of meme // Advances in social science, education and humanities research: proceedings of the 7th Annual International conference on social science and contemporary humanity development (Nanjing, China, 26–28 November 2021). Atlantis Press, 2021. P. 379–382.
14. Свирежев Ю. М., Пасеков В. П. Основы математической генетики. Москва: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1982. 512 с.

References

1. Vinnikov A. V., Nazarenko S. A. Conflictology of translation in criminal proceedings and official translation of documents. Police activity, 43–50, 2014. (In Russ.).
2. Vinnikov A. V. Secret languages. Attitude towards power. Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH), 41–47, 2012. (In Russ.).
3. Chomsky N., Miller J. Introduction to the formal analysis of natural languages. Moscow: Editorial URSS; 2003: 64. (In Russ.).
4. Fomin A. Yu. Glottochronological study of the divergence of the Tajik, Dari and Persian languages. Dushanbe: RTSU Publishing House; 2011: 34. (In Russ.).
5. Vinnikov A. V. Judicial and police translation: lessons from world practice. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia, 114–123, 2013. (In Russ.).
6. Schleiermacher F. Hermeneutics. Transl. from dt. by A. L. Volsky. Sci. ed. by N. O. Guchinskaya. Saint Petersburg: European House; 2004: 242. (In Russ.).
7. Paepcke F., Forget Ph. Textverstehen und Übersetzen = Ouvertures sur la traduction. Julius Groos Verlag Heideiberg; 1981. Bd. 2; 1982. Bd. 2a. (In dt.).
8. Dawkins R. Selfish gene. Transl. from English N. Fomina. Moscow: AST: CORPUS; 2013: 512. (In Russ.).
9. Chesterman M. Memetics and translation studies. Available from: https://openaccess.nhh.no/nhh-xmlui/bitstream/handle/11250/2406051/Chesterman_5_2000_%20Memetics%20and%20TS.pdf?sequence=1&isAllowed=y. Accessed: 4 April 2023. (In Eng.).
10. Heylighen F. What makes a meme successful? Selection criteria for cultural evolution. In: Proceedings of the 15th International congress on cybernetics. Association Internationale de Cybernétique. Namur; 1999: 418–423. (In Eng.).
11. Arnold I. V. Fundamentals of scientific research in linguistics. Textbook. Moscow: Higher school; 1991: 140. (In Russ.).
12. Chesterman A. Memes of translation: the spread of ideas in translation theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 1997: 227. (In Eng.).
13. Xianze Wu, Hui Chen. On social behavior from the perspective of meme. In: Advances in social science, education and humanities research: proceedings of the 7th Annual International conference on social science and contemporary humanity development, Nanjing, China, 26–28 November 2021. Atlantis Press; 2021: 379–382. (In Eng.).
14. Svirezhev Yu. M., Pasekov V. P. Fundamentals of mathematical genetics. Moscow Science. Main ed. of phys. and math. lit.; 1982: 512. (In Russ.).

Винников Алексей Вениаминович,
директор Института образовательных программ,
кандидат технических наук;
alexei.vinnikov@mail.ru

Vinnikov Alexey Veniaminovich,
director of the Institute of Educational Programs,
candidate of technical sciences;
alexei.vinnikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 12.05.2023.

* * *

УДК 343.982.4
doi: 10.25724/VAMVD.A109

**О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ
СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
РУКОПИСЕЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ГРАФИЧЕСКОГО СОСТАВА**

Андрей Михайлович Бобовкин

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
mbobovkin@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются возникновение, современное состояние и тенденции дальнейшего развития судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава.

Высказывается мнение, что основы теории и практики судебно-почерковедческой экспертизы были разработаны отечественными криминалистами главным образом для исследования рукописей, выполненных на языках народов СССР. При этом частные положения в отношении иноязычного письма характеризуются существенными пробелами и нуждаются в совершенствовании.

Делается вывод, что в настоящее время научный потенциал судебного почерковедения содержит во многом устаревшие и фрагментарные сведения о теоретических, методических и организационно-тактических основах судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава. Эти недостатки определяют тенденции научно-исследовательской работы в указанной области специальных знаний.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза рукописей иноязычного графического состава, судебное почерковедение, иноязычное письмо, мультитипсьменность, рукописи на языках народов СССР, криминалистика и судебная экспертиза

Для цитирования: Бобовкин А. М. О современном состоянии и тенденциях развития судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава // Судебная экспертиза. 2023. № 2 (74). С. 103–117. doi: 10.25724/VAMVD.A109

**ABOUT THE CURRENT STATUS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF THE FORENSIC HANDMARK EXAMINATION
OF MANUSCRIPTS IN A FOREIGN LANGUAGE GRAPHIC COMPOSITION**

Andrey Mikhailovich Bobovkin

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

Abstract. The article highlights the origin, current state and trends of further development of forensic handwriting examination of manuscripts of foreign language graphic composition.

© Бобовкин А. М., 2023

The opinion is expressed that the fundamentals of the theory and practice of forensic handwriting examination were developed by domestic criminologists mainly for the study of manuscripts made in the languages of the peoples of the USSR. At the same time, particular provisions regarding foreign language writing are characterized by significant gaps and need to be improved.

It is concluded that at present the scientific potential of forensic handwriting contains largely outdated and fragmentary information about theoretical, methodological, organizational and tactical foundations of forensic handwriting examination of manuscripts of foreign-language graphic composition. These shortcomings determine the trends of research work in this area of special knowledge.

Keywords: forensic handwriting examination of foreign-language graphic manuscripts, forensic handwriting, foreign writing, multi-writing, manuscripts in the languages of the peoples of the USSR, forensic science and forensic examination

For citation: Bobovkin A. M. About the current status and trends in the development of the forensic handmark examination of manuscripts in a foreign language graphic composition. *Forensic Examination*, 103–117, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A109

Судебно-почерковедческая экспертиза рукописей иноязычного графического состава имеет длительную историю, которая берет начало в период образования Киевской Руси (IX в.). Уже тогда сложился высокий уровень межгосударственных отношений (политических, торговых и др.) и возникла потребность в установлении подлинности актов международного документооборота, включая деловую и личную переписку.

Дальнейшее развитие этой области криминалистики и судебной экспертизы относится к периоду образования Российского царства и расширения его территории. Так, при царе Иване IV (Грозном) в состав Руси вошли Казанское ханство (1552 г.) и Астраханское ханство (1556 г.) со всеми поволжскими народами. Завоевав Казань и Астрахань, Россия становится многонациональным государством, в пределах которого уже используются разные формы официальной письменности – кириллическая и арабская.

Практика судебно-почерковедческого исследования рукописей, в том числе иноязычных, обрела нормативно-правовое закрепление в Российской империи Указом от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах, в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, о потребном числе свидетелей для крепостных актов» [1, с. 300].

Позднее к России присоединились народы и территории Украины, Прибалтики, Финляндии, Польши, Средней Азии, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера и др. Всем им было дано право использовать свою родную письменность (при ее наличии): латинскую, армянскую, грузинскую, арабскую и т. д. При этом русское кириллическое письмо выступает как средство межнациональной графической коммуникации.

Использование мультиписьменности остается неизменным в период существования Советского Союза и становления Российской Федерации. Эта демократическая традиция получила отражение в развитии отечественной криминалистики и судебной экспертологии.

Большой вклад в создание научно-практического потенциала судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава внесли ученые-криминалисты: М. Н. Абазадзе, Н. Х. Абдуссатарова, Н. А. Анчабадзе, С. М. Бобовкин, М. Я. Вилнерагс, Ф. Э. Давудов, О. К. Дамбраускайте, Е. Ерешев, Я. И. Игнатьева, Н. И. Клименко, Т. А. Манукян, О. М. Мгеладзе, Б. М. Мукашев, Л. П. Оганян, В. И. Павлушов, Р. Х. Панова, Б. И. Пинхасов, Н. М. Радунская, К. К. Сейтенов, Ф. Х. Тарханова и др.

В 1973 г. вышел в свет справочник «Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР» под редакцией Б. И. Пинхасова [2]. Это издание является фундаментальной научно-практической работой, в которой представлены главные достижения советских ученых в области идентификации рукописей, выполненных на основе иноязычной кириллической, латинской и иной графики письма.

Вопросы теории, методики и тактики назначения судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного кириллического состава представлены в разделах по криминалистическому исследованию рукописей, выполненных на украинском, белорусском, узбекском, казахском, азербайджанском, киргизском, таджикском и туркменском языках. Отмечается, что идентификация исполнителей указанных категорий рукописей принципиально не отличается от аналогичных исследований в отношении рукописей, выполненных на русском языке. При этом используется единая система признаков почерка, разработанная применительно к русскому кириллическому письму, сохраняются основные закономерности методики производства экспертизы и тактики ее назначения.

Специфика указанного справочника заключается в том, что признаки почерка и письменной речи анализируются в рукописях с учетом графики конкретного языка. Например, особенности украинского языка проявляются в отсутствии русских букв «е», «ъ», «ы», «э» [3]. В белорусском алфавите нет буквы «щ» [4]. Узбекскую графику отличают утрата букв «щ», «ы» и наличие обозначений четырех специфических звуков [5]. Казахский алфавит состоит из сорока двух букв, где русские буквы (33) дополнены иными письменными знаками (9), соответствующими фонетике казахского языка [6]. Азербайджанская графика объединяет русские буквы (24) и другие знаки (8), включая диакритические, на основе азербайджанской и латинской письменности [7].

На письменную речь оказывают влияние особенности национального языка, многообразие говоров и диалектов. Научные достижения в этой области дополняют знания о графике письма и составляют фундаментальную базу теории и практики судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного кириллического состава.

Вопросы судебно-почерковедческого исследования рукописей, выполненных на основе иной, «некириллической», графики, освещаются в справочнике применительно к специфике грузинского, армянского, литовского и латышского письма.

Грузинское письмо читается слева направо и характеризуется особенностями графики. Национальный алфавит образуют 33 буквы, которые складываются из шести основных элементов: замкнутые овалы и полуовалы, вертикальные изогнутые и вогнутые линии и петли. Прописные (заглавные) буквы отсутствуют.

Некоторые буквы грузинского письма: «т» и «п», «о» и «г» – состоят из сходных или одинаковых элементов и различаются лишь тем, что у вторых букв в указанных парах имеются подстрочные части. Отдельные буквы грузинского алфавита выполняются правоокружными движениями (16), левоокружными (6) и смешанными – право- и левоокружными (11).

Главные теоретические и методические положения судебно-почерковедческой идентификации исполнителей рукописей на грузинском языке базируются на общих принципах отождествления личности по почерку и письменной речи, разработанных применительно к рукописям – объектам судебно-почерковедческой экспертизы, основой которых является русское кириллическое письмо [8].

При создании армянского письма использовалась греческая, финикийская, еврейская и иная графика. Армянский алфавит состоит из 39 букв. Это одна из четырех алфавитных систем (наряду с кириллицей, латиницей, греческим) с делением прописных и строчных букв. Гласные звуки передают восемь букв, согласные – 30 букв, два-три звука вместе передает одна буква.

По строению армянские буквы делятся на четыре группы. Первую группу образуют буквы (17), имеющие прямолинейные элементы. Вторую составляют буквы (25) с элементами, которые начинаются или заканчиваются штрихом дуговой формы. Третью группу представляют буквы (12) с овальными, полуовальными и петлевыми элементами. Четвертая охватывает буквы (7), основные элементы которых имеют дополнительные штрихи.

Наряду с графикой, армянское письмо характеризуется своеобразием письменной речи, что в целом определяет специфику исследования рукописей, выполненных на данном языке [9].

Латышское письмо имеет готическую и латинскую основу. Готический шрифт использовался вплоть до XX в. Затем после реформы орфографии он был заменен на латиницу. Современный латышский алфавит образуют 33 буквы. Из них 22 являются буквами латинского алфавита за исключением «Q q», «W w», «X x», «Y y». Остальные 11 букв отличаются от аналогичных латинских только наличием диакритических знаков, имеющих форму горизонтального прямолинейного или угловатого штриха.

В целом латышские диакритики подразделяются на три группы:

1) «макрон» – горизонтальный штрих прямолинейной формы над буквой, используется для обозначения долготы гласного звука;

2) «гачек» – угловатый штрих над буквой, ставится для обозначения шипящих согласных;

3) «седиль» – угловатый штрих под буквой, обозначает смягчение.

Методика судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных на латышском языке, базируется на общих положениях идентификации личности по почерку. При этом используется система общих и частных признаков, разработанная ранее применительно к графике русского кириллического письма.

Особенности исследования признаков письменной речи заключаются в анализе диалектных, лексико-грамматических и стилистических особенностей исполнителя рукописи в качестве носителя латышского языка [10].

Литовское письмо, так же как и латышское, основано на латинице. Современный литовский алфавит составлен из букв, которые обозначают звуки, свойственные только литовскому языку. С этой же целью были введены диакритические знаки,

заимствованные из чешского и польского алфавитов. Наличие в литовском алфавите диакритических знаков приводит к образованию новых вариантов букв, имеющих другое смысловое значение.

Прописи литовского алфавита делятся на две группы. Первая содержит нормы сложного – вычурного строения букв. Вторая группа характеризуется простыми и упрощенными вариантами букв.

Исследование рукописей на литовском языке базируется на общих теоретических и методических положениях судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы рукописей, выполненных на основе русского кириллического письма. При этом все литовско-латинские буквы по определенным параметрам соотносятся с русскими кириллическими буквами и делятся на следующие категории:

- 1) литовские буквы, совпадающие с русскими по графическим и фонетическим свойствам;
- 2) литовские буквы, совпадающие с русскими по графическим свойствам и отличающиеся от них по своему значению;
- 3) литовские буквы, совпадающие с русскими по графическим свойствам и отличающиеся от них по фонетическим свойствам;
- 4) литовские буквы, по графическим свойствам характерные только для литовского языка [11].

Дальнейшему развитию научного потенциала судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных на языках народов СССР и постсоветской России, способствовали работы Н. А. Анчабадзе, Д. А. Буриева, В. П. Потудинского, М. С. Пшизова, К. К. Сейтенова, З. Д. Ямаковой.

Н. А. Анчабадзе рассматривает в своих трудах особенности криминалистического исследования рукописей, выполненных на абхазском языке [12; 13]. Аналогичные вопросы применительно к рукописям, выполненным на таджикском языке и языках народов Северного Кавказа, включая адыгейский, освещаются в работах Д. А. Буриева [14], В. П. Потудинского [15], М. С. Пшизова [16], З. Д. Ямаковой [17].

Сферу научных интересов К. К. Сейтенова представляют особенности судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных на казахском языке [18]. В дополнение к разработкам советских авторов он рассматривает основные теоретические положения данного криминалистического исследования (предмет, задачи, объекты и др.), классификацию общих и частных признаков почерка, показатели частоты их встречаемости и информативной значимости, базовые методические положения и структуру заключения эксперта.

Особенности судебно-почерковедческого исследования арабской письменности освещаются в работах Б. И. Пинхасова, Н. Х. Абдуссатаровой, Б. М. Мукашева, Р. Х. Пановой, В. И. Павлушова.

Б. И. Пинхасов и Н. Х. Абдуссатарова отмечают, что арабское письмо широко используется населением Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки, Казахстана и Средней Азии, лицами, обучающимися в исламских религиозных учебных заведениях. Поэтому в экспертной практике нередко приходится исследовать рукописи, выполненные на арабском языке.

Особенности арабского письма, влияющие на процесс его судебно-почерковедческого исследования:

- 1) направление движений осуществляется справа налево, что приводит к образованию правых полей и отсутствию левых;
- 2) линия письма расположена под типографским графлением; слова не переносятся на другую строку;
- 3) печатные и скорописные буквы имеют почти одинаковое изображение;
- 4) каждая буква имеет четыре начертания в зависимости от ее положения в слове;
- 5) не допускается отступление от предусмотренных нормами прописи изображений букв, так как это может изменить их значение;
- 6) арабские буквы, как правило, имеют округлую форму и выполняются слитно с последующими и предыдущими движениями;
- 7) прописные (заглавные) буквы отсутствуют в арабском алфавите;
- 8) основная часть арабских букв имеет дополнительные знаки – надстрочные и подстрочные, которые, в свою очередь, делятся на обязательные и необязательные;
- 9) в зависимости от вида арабского письма одноименные буквы различаются по строению [5].

В развитие указанных положений Б. М. Мукашев рассматривает вариационность признаков почерка в арабском письме и специфику идентификации исполнителя рукописей – текстов и подписей арабского графического состава [19; 20]. В трудах Р. Х. Пановой разъясняются вопросы судебно-почерковедческого исследования рукописных текстов на татарском языке и подписей, выполненных с использованием арабского шрифта [21].

На монографическом уровне данная проблема освещается в трудах В. И. Павлушова. В 1985 г. он защитил диссертацию на тему «Теоретические и методические основы идентификационного исследования рукописей, выполненных арабской письменностью» [22]. Автор отмечает, что арабская письменность коренным образом отличается от кириллицы, латиницы и других типов письма – по графическому начертанию букв, способу их выполнения, технике письма в целом. Поэтому в качестве цели своей диссертации он указывает разработку общенаучных, методических, организационно-тактических положений и рекомендаций, направленных на устранение пробелов и недостатков в теории и практике судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных на основе арабской графики и ее отдельных стилистических разновидностей в виде алфавитов («наسخ», «сульс» («сулюс»), «насталиг», «шикаста»), оптимизацию назначения и производства данного криминалистического исследования.

В первой главе диссертации В. И. Павлушова освещаются вопросы истории развития, современного состояния арабской письменности, методики обучения арабскому письму и специфика формирования соответствующей разновидности письменно-двигательного навыка. Во второй главе изложены данные о системе идентификационных признаков почерка – общих и частных, характерных для арабского письма. Третья глава посвящена методике исследования рукописей, выполненных на арабском языке, где представлены алгоритмы решения экспертной задачи на первом (предварительном) и втором (детальном) уровне

исследования. В четвертой главе диссертации рассматриваются специфика оценки заключения эксперта следователем и судом, подготовка материалов судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных арабской письменностью.

Достижения судебного почерковедения в области изучения иероглифических рукописей, выполненных на китайском, корейском, японском языках, представлены в работах С. М. Бобовкина, Е. С. Дубовик, Н. И. Мирошниковой, И. Г. Захаровой, П. А. Четверкина, В. С. Шелупахина.

Е. С. Дубовик отмечает, что в эпоху глобализации на первый план судебного почерковедения выходят задачи, связанные с исследованием рукописей, выполненных на языках народов дальнего зарубежья, в том числе дальневосточного региона – Китая, Японии, Кореи и др. По мнению автора, главной особенностью китайского письма является квадратичное расположение иероглифов (в условном квадрате) и начертательный способ их выполнения.

До начала почерковедческого исследования китайских иероглифических рукописей возникает необходимость в подготовке «специалистом-переводчиком» транслитерации и «подстрочника-метафразы» в виде максимально близкого к подлиннику подстрочного перевода текста с сохранением общего фразеологического значения. Эти вспомогательные документы являются обязательным приложением к заключению эксперта. Отбор сравнительных образцов китайского почерка должен сопровождаться обязательным участием «специалиста-переводчика».

Ниже приведены выделенные Е. С. Дубовик основные трудности разработки методики судебно-почерковедческого исследования китайского иероглифического письма.

1. В нашей стране китайский язык изучается исключительно в специализированных школах, поэтому эксперты-почерковеды не владеют этим типом письма настолько, чтобы самостоятельно, без помощи «специалиста-переводчика» проводить соответствующие исследования.

2. Китайская письменность основана на «пиктографическом типе письма», в связи с чем отдельный иероглиф служит графическим обозначением какого-либо события, явления, действия.

3. Иероглифы китайского, японского и корейского письма обладают внешней схожестью, что затрудняет их дифференциацию без использования специальных лингвистических знаний.

4. Наличие большого количества китайских диалектов, традиционного и упрощенного «китайского письменного языка» приводит к существенным трудностям в установлении частных признаков почерка [23].

Полагаем, что указанные факторы несколько упрощенно и искаженно объясняют сложности развития теории и практики судебно-почерковедческого исследования рукописей, выполненных на китайском языке. Достаточно сказать, что китайское иероглифическое письмо не относится к пиктографическому типу, обучение в специальных школах не является критерием для получения специальных знаний, носителем которых выступает специалист-лингвист с высшим образованием, а не переводчик, у которого иные процессуальные функции в правоохранительной деятельности.

Особенности китайского письма в качестве объекта судебно-почерковедческого исследования раскрывают И. Г. Захарова и С. М. Бобовкин.

Прежде всего они акцентируют внимание на большом количестве обращений в экспертно-криминалистические подразделения МВД России о проведении данного вида судебной экспертизы. При этом во многих случаях были сформулированы выводы о невозможности решения поставленных вопросов из-за отсутствия научно обоснованной методики исследования.

Авторы отмечают, что современная китайская письменность относится к типологии иероглифического письма и объединяет более 50 тысяч письменных знаков – иероглифов. Отдельный иероглиф обозначает морфему – наименее значимую смысловую часть слова.

Основными свойствами китайской письменности являются многообразие иероглифов и их элементов, независимость от произношения единицы китайского языка, временная стабильность.

Почерк китайского иероглифического состава обладает криминалистическими свойствами, аналогичными любому иному почерку: индивидуальностью, динамической устойчивостью, вариационностью, избирательной изменчивостью, типологическим своеобразием.

В процессе судебно-почерковедческого исследования рукописей, выполненных на основе китайского иероглифического письма, нужно учитывать перечисленные ниже особенности.

1. Китайское письмо по сравнению с русским кириллическим письмом представляет собой весьма сложную, многообразную и трудную для усвоения систему письменных знаков – иероглифов.

2. При назначении этого исследования учитывают, что эксперт-почерковед в качестве единоличного субъекта экспертизы должен обладать специальными знаниями в области китайского языка и письма, что не исключается, но бывает весьма редко. В иной ситуации назначается комплексная экспертиза с дополнительным участием эксперта-лингвиста.

3. Китайская письменность имеет стилистические особенности, которые непосредственно связаны с национальными чертами китайской культуры. В связи с этим учитывается прямая зависимость строения и формы отдельных иероглифов от стиля их выполнения: кайшу, синшу, цаошу и др.

4. Современные китайские иероглифы являются сочетанием строго определенных графических элементов – черт с делением на простые и сложные. Каждая черта имеет свое название и характеристику. В китайской письменности закреплены определенные правила выполнения черт.

5. Степень выработанности китайского почерка характеризуется в основном показателями координации движений. К ним относятся правильность и старательность выполнения иероглифов, их разборчивость для восприятия.

6. Стабильность во времени китайской письменности обусловлена использованием норм прописи, которые не зависят от исторического развития китайского языка. При этом графика иероглифов характеризуется постоянством стилистических особенностей.

7. Письменно-двигательный навык, лежащий в основе выражения в рукописи свойств и признаков китайского иероглифического письма, характеризуется спецификой присущего ему механизма формирования и функционирования [24].

Методика судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом, освещается в учебном пособии С. М. Бобовкина, П. А. Четверкина, И. Г. Захаровой, Н. И. Мирошниковой, В. С. Шелупахина [25].

В первом разделе пособия рассмотрены теоретические вопросы: этапы возникновения и развития китайской иероглифической письменности; особенности формирования и реализации письменно-двигательного навыка лиц, владеющих китайской письменностью; основные стили написания иероглифов; иероглифические черты и последовательность их начертания. Во втором, методическом, разделе представлены данные о системе общих и частных признаков китайского иероглифического почерка, рассматриваются особенности производства идентификационной экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом.

Полагаем, что использование в современной экспертной практике научных достижений всех вышеуказанных авторов затрудняется тем, что их методические разработки имеют исключительно частный характер, устанавливающий специфику исследования иноязычных рукописей, выполненных на конкретном национальном языке. Однако задача его определения, как правило, выходит за пределы компетенции эксперта-почерковеда ввиду того, что он не имеет лингвистического образования и не является носителем данного языка.

Для решения указанной проблемы в 1997 г. были опубликованы методические рекомендации, позволяющие эксперту-почерковеду самостоятельно определить национальный язык рукописи по графическим особенностям письменности [26]. Однако в судебно-экспертной практике они не получили широкого признания, так как изложенные в них сведения далеко не всегда позволяют решить искомую задачу с учетом специфики индивидуального графического стиля исполнителя. Поэтому комплексное использование специальных почерковедческих и лингвистических знаний в процессе данного вида судебно-почерковедческой экспертизы представляется нам более предпочтительным.

Изложенные выше сведения о научно-практическом потенциале судебного почерковедения в области исследования рукописей иноязычного графического состава позволяют сделать определенные выводы о его современном состоянии и тенденциях дальнейшего развития.

1. Теоретические, методические и организационно-тактические основы судебно-почерковедческой экспертизы в Российской Федерации разработаны отечественными криминалистами главным образом применительно к исследованию рукописей, выполненных на русском языке. Эти же положения могут эффективно использоваться и в отношении иноязычных рукописей с графическим составом, близким к русской кириллице.

2. Наличие характерных для национальных языков особенностей графики вызывает некоторые затруднения судебно-почерковедческого исследования рукописей иноязычного графического состава. Для их устранения, повышения научной обоснованности и достоверности экспертных заключений были разработаны частные положения судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных на языках народов бывшего СССР, современной Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья.

К ним относятся теоретические и методические основы судебно-почерковедческого исследования рукописей:

- украинского, белорусского, казахского, узбекского, азербайджанского, киргизского, таджикского, туркменского и иного кириллического состава;
- грузинского, армянского, абхазского графического состава;
- латышского и литовского латинского графического состава;
- арабского графического состава;
- китайского иероглифического состава.

3. Эти достижения хорошо зарекомендовали себя в судебном почерковедении, однако имеют существенные недостатки и упущения.

Прежде всего нужно отметить, что указанные научные разработки относятся главным образом к периоду советского времени и после распада СССР частично устарели или характеризуются фрагментарностью. Это вызвано изменением политического строя независимых государств – бывших союзных республик, проведением социальных реформ, которые в числе прочего затронули систему образования и национальной письменности.

4. Современные геополитические процессы, высокий уровень миграции населения и рост преступности обусловили необходимость дальнейшего развития потенциала судебно-почерковедческой экспертизы рукописей, выполненных на языках народов ближнего и дальнего зарубежья, прежде всего Азии и Европы. Об этом свидетельствуют результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов России, запросы и обращения в высшие учебные учреждения, осуществляющие образовательную деятельность по специальности «Судебная экспертиза».

5. В настоящее время научная база судебного почерковедения в сфере исследования рукописей иноязычного графического состава содержит частично устаревшие или фрагментарные (отрывочные) сведения о теоретических, методических и организационно-тактических основах данного вида судебно-почерковедческой экспертизы. Советские достижения чаще всего ограничиваются спецификой графики определенного типа письма и методическими положениями, которые уже не отвечают современным реалиям. В новейших разработках, как правило, замалчиваются или недостаточно рассматриваются многие актуальные вопросы (в частности, о предмете, задачах, объектах, субъектах, методологии и методике данной экспертизы, тактике ее назначения и организации производства, оценке и использовании полученных результатов в процессуальной и непроцессуальной формах правоохранительной деятельности).

В результате за пределами возможностей судебного почерковедения остается эффективное решение задач, связанных с исследованием отдельных видов иноязычных рукописей – текстов, кратких записей, подписей с делением их по графическому составу, объему и условиям выполнения. Реализация этого подхода имеет системный характер и охватывает широкомасштабную научно-исследовательскую работу по теоретическому, экспериментальному, методическому и организационно-тактическому направлениям.

6. Среди актуальных вопросов теоретической направленности выделяется комплекс положений о понятии, предмете, задачах, объектах, субъектах судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава,

механизме функционирования и криминалистических свойствах отдельных типов иноязычного письма. В экспериментальной сфере приоритетами являются закономерности качественного и количественного распределения информативных признаков по видам иноязычных рукописей.

К числу основных задач методической направленности относится разработка общей и совершенствование частных методик судебно-почерковедческой экспертизы рукописей иноязычного графического состава. В организационно-тактической сфере выделяется потребность в комплексе рекомендаций по тактике назначения и организации производства судебно-почерковедческой экспертизы иноязычных рукописей, оценке и использованию ее результатов в правоохранительной деятельности.

В целом указанные направления научно-исследовательской работы определяют актуальные задачи и тенденции дальнейшего развития судебного почерковедения в области исследования рукописей иноязычного графического состава. Каждое из них, теоретическое, экспериментальное, методическое, организационно-тактическое, способствует повышению качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Список источников

1. Российское законодательство X–XX вв. Судебная реформа. Т. 8. Москва: Юридическая литература, 1991. 495 с.
2. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. 278 с.
3. Клименко Н. И. Особенности исследования рукописей, выполненных на украинском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 3–44.
4. Радунская Н. М. Особенности исследования рукописей, выполненных на белорусском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 44–53.
5. Пинхасов Б. И., Абдуссатарова Н. Х. Особенности исследования рукописей, выполненных на узбекском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 53–85.
6. Ерешев Е. Особенности исследования рукописей, выполненных на казахском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 85–112.
7. Давудов Ф. Э., Казимов Г. И., Ханджаков Н. К. Особенности исследования рукописей, выполненных на азербайджанском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 112–132.

8. Абазадзе М. Н., Мгеладзе О. М. Особенности исследования рукописей, выполненных на грузинском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 193–204.
9. Оганян Л. П. Особенности исследования рукописей, выполненных на армянском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 204–229.
10. Вилнерагс М. Я., Кислис А. П., Михайлова М. Н. Особенности исследования рукописей, выполненных на латышском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 250–276.
11. Дамбраускайте О. К., Игнатъева Я. И. Особенности исследования рукописей, выполненных на литовском языке // Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / под ред. Б. И. Пинхасова. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 229–250.
12. Анчабадзе Н. А. Криминалистическая экспертиза рукописей, выполненных на абхазском языке: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 197 с.
13. Анчабадзе Н. А. Криминалистическая экспертиза рукописей, выполненных на абхазском языке: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. 180 с.
14. Буриев Д. А. Особенности и проблемы почерковедческого исследования рукописей, выполненных на таджикском языке // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 95–102.
15. Потудинский В. П. Проблемы исследования рукописей, выполненных на языках народов республик Северо-Кавказского федерального округа, письменность которых основана на кириллице // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 103–106.
16. Пшизов М. С. К вопросу о возможностях криминалистического исследования рукописных текстов, выполненных на адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 116–117.
17. Ямакова З. Д. Особенности почерковедческого исследования текстов, выполненных на таджикском языке // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Сб. 3. Душанбе, 1963. С. 65–71.
18. Сейтенов К. К. Судебно-почерковедческая экспертиза рукописей, выполненных на казахском языке. Астана: Фолиант, 2015. 418 с.
19. Мукашев Б. М. Идентификации исполнителя текстов и подписей, выполненных шрифтом арабского шрифта // Вопросы судебной экспертизы и криминалистики. Алма-Ата, 1959. С. 66–69.
20. Мукашев Б. М. Пределы вариационности букв арабского алфавита // Вопросы судебной экспертизы и криминалистики. Алма-Ата, 1960. С. 20–24.
21. Панова Р. Х. Криминалистическое исследование рукописных текстов на татарском языке и подписей, выполненных арабским шрифтом. Москва: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983. 161 с.

22. Павлушов В. И. Теоретические и методические основы идентификационного исследования рукописей, выполненных арабской письменностью: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1985. 257 с.

23. Дубовик Е. С. Современное состояние криминалистического исследования рукописных текстов, выполненных на иностранных языках // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 111–114.

24. Бобовкин С. М., Захарова И. Г. Особенности китайского иероглифического письма как объекта судебно-почерковедческого исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 16–20.

25. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: методика судебно-почерковедческой идентификационной экспертизы рукописей, выполненных китайским иероглифическим письмом: учеб. пособие для вузов / С. М. Бобовкин [и др.]. Москва: Юрайт, 2020. 107 с.

26. Молоков Э. П. Определение национального языка по графическим особенностям письменности: метод. рекомендации. Москва: Эксперт.-криминалист. центр, 1997. 78 с.

References

1. Russian legislation of the X–XX centuries. Judicial reform. Vol. 8. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1991: 495. (In Russ.).

2. Forensic investigation of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 278. (In Russ.).

3. Klimenko N. I. Features of the study of manuscripts made in the Ukrainian language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 3–44. (In Russ.).

4. Radunskaya N. M. Features of the study of manuscripts made in the Belarusian language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 44–53. (In Russ.).

5. Pinkhasov B. I., Abdussatarova N. Kh. Features of the study of manuscripts made in the Uzbek language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 53–85. (In Russ.).

6. Yereshev E. Features of the study of manuscripts made in the Kazakh language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 85–112. (In Russ.).

7. Davudov F. E., Kazimov G. I., Khandzhakov N. K. Features of the study of manuscripts made in the Azerbaijani language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 112–132. (In Russ.).

8. Abazadze M. N., Mgeladze O. M. Features of the study of manuscripts made in Georgian. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1973: 193–204. (In Russ.).

9. Oganian L. P. Features of the study of manuscripts made in Armenian. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaja Literatura; 1973: 204–229. (In Russ.).
10. Vilnerags M. Ya., Kislis A. P., Mikhailova M. N. Features of the study of manuscripts made in the Latvian language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaja Literatura; 1973: 250–276. (In Russ.).
11. Dambrauskaite O. K., Ignatieva Ya. I. Features of the study of manuscripts made in the Lithuanian language. In: Forensic study of manuscripts made in some languages of the peoples of the USSR. Handbook of investigator and expert. Ed. by B. I. Pinkhasov. Moscow: Yuridicheskaja Literatura; 1973: 229–250. (In Russ.).
12. Anchabadze N. A. Forensic examination of manuscripts made in the Abkhazian language. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 1998: 197. (In Russ.).
13. Anchabadze N. A. Forensic examination of manuscripts made in the Abkhazian language. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Interior; 2008: 180. (In Russ.).
14. Buriev D. A. Features and problems of handwriting research of manuscripts made in the Tajik language. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 95–102, 2019. (In Russ.).
15. Potudinskii V. P. Problems of the study of manuscripts made in the languages of the peoples of the republics of the North Caucasian Federal District, the writing of which is based on the Cyrillic alphabet. Bulletin of economic security, 103–106, 2018. (In Russ.).
16. Pshizov M. S. To the question of the possibilities of forensic research of handwritten texts made in the Adyghe language. Bulletin of the Adyghe State University, 116–117, 2005. (In Russ.).
17. Yamakova Z. D. Features of the handwriting study of texts made in the Tajik language. In: Questions of criminalistics and forensic examination. Collection 3. Dushanbe; 1963: 65–71. (In Russ.).
18. Seitenov K. K. Forensic handwriting examination of manuscripts made in the Kazakh language. Astana: Folio; 2015: 418. (In Russ.).
19. Mukashev B. M. Identification of the executor of texts and signatures in Arabic script. In: Issues of forensic examination and criminalistics. Alma-Ata; 1959: 66–69. (In Russ.).
20. Mukashev B. M. Limits of variation of the letters of the Arabic alphabet. In: Issues of forensic examination and criminalistics. Alma-Ata; 1960: 20–24. (In Russ.).
21. Panova R. Kh. Forensic investigation of handwritten texts in the Tatar language and signatures made in Arabic script. Moscow: Russian National Research Institute of the Ministry of Justice of the USSR; 1983: 161. (In Russ.).
22. Pavlushov V. I. Theoretical and methodological foundations of the identification study of manuscripts made in Arabic writing. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1985: 257. (In Russ.).
23. Dubovik E. S. The current state of forensic research of handwritten texts made in foreign languages. Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 111–114, 2013. (In Russ.).

24. Bobovkin S. M., Zakharova I. G. Features of Chinese hieroglyphic writing as an object of forensic handwriting research. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 16–20, 2018. (In Russ.).

25. Bobovkin S. M. (et al.). Handwriting and handwriting expertise: methods of forensic handwriting identification examination of manuscripts made in Chinese character writing. Textbook for universities. Moscow: Yurait; 2020: 107. (In Russ.).

26. Molokov E. P. Determination of the national language by graphic features of writing. Method. recommendations. Moscow: Criminal Expertise Centre; 1997: 78. (In Russ.).

Бобовкин Андрей Михайлович,

адъюнкт Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
mbobovkin@yandex.ru

Bobovkin Andrey Mikhailovich,

adjunct of the Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
mbobovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 02.03.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.

* * *

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА», ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.
Регистрационный номер в Роскомнадзоре – ПИ № ФС77-77511.
Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: педагогических работников, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей ВА МВД России и других образовательных организаций, сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

Приоритетными задачами издания являются:

- ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;
- анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;
- представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;
- организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществление профессиональной подготовки судебных экспертов.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессиональной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Объем рукописи должен составлять не менее 12 страниц печатного текста. Рукопись, подготовленная автором иностранного государства, представляется и издается на английском языке.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

Каждая статья должна содержать:

1. Заголовок на русском и английском языках.
2. Аннотацию¹ на русском и английском языках (рекомендуется не менее 120 слов).

Аннотация должна отражать следующие аспекты содержания статьи:

- 2.1. Предмет, цель работы.
- 2.2. Метод или методологию проведения работы.
- 2.3. Результаты работы.
- 2.4. Область применения результатов.
- 2.5. Выводы.
3. Ключевые слова¹ на русском и английском языках.

¹ **Аннотация** – краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

4. Сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты – данные сведения будут опубликованы).

5. Пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТа Р 7.0.5–2008, на русском и английском языках.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее дата, ФИО руководителя, его подпись.

Вместе с рукописью статьи в редакцию журнала направляется заполненная и подписанная заявка (бланк на сайте журнала: www.va-mvd.ru/sudek/).

Рукописи статей, оформленные с нарушением установленных требований, к рассмотрению не принимаются.

Электронный вариант рукописи статьи в формате .doc и скан-копия заявки направляются на адрес редакции журнала: c-expertisa@yandex.ru.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на оригинальность на сайте www.antiplagiat.ru.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

В случае возникновения вопросов обращаться по телефонам: (8442) 24-83-61, (8442) 24-83-62.

¹ **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5–15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД – это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.